

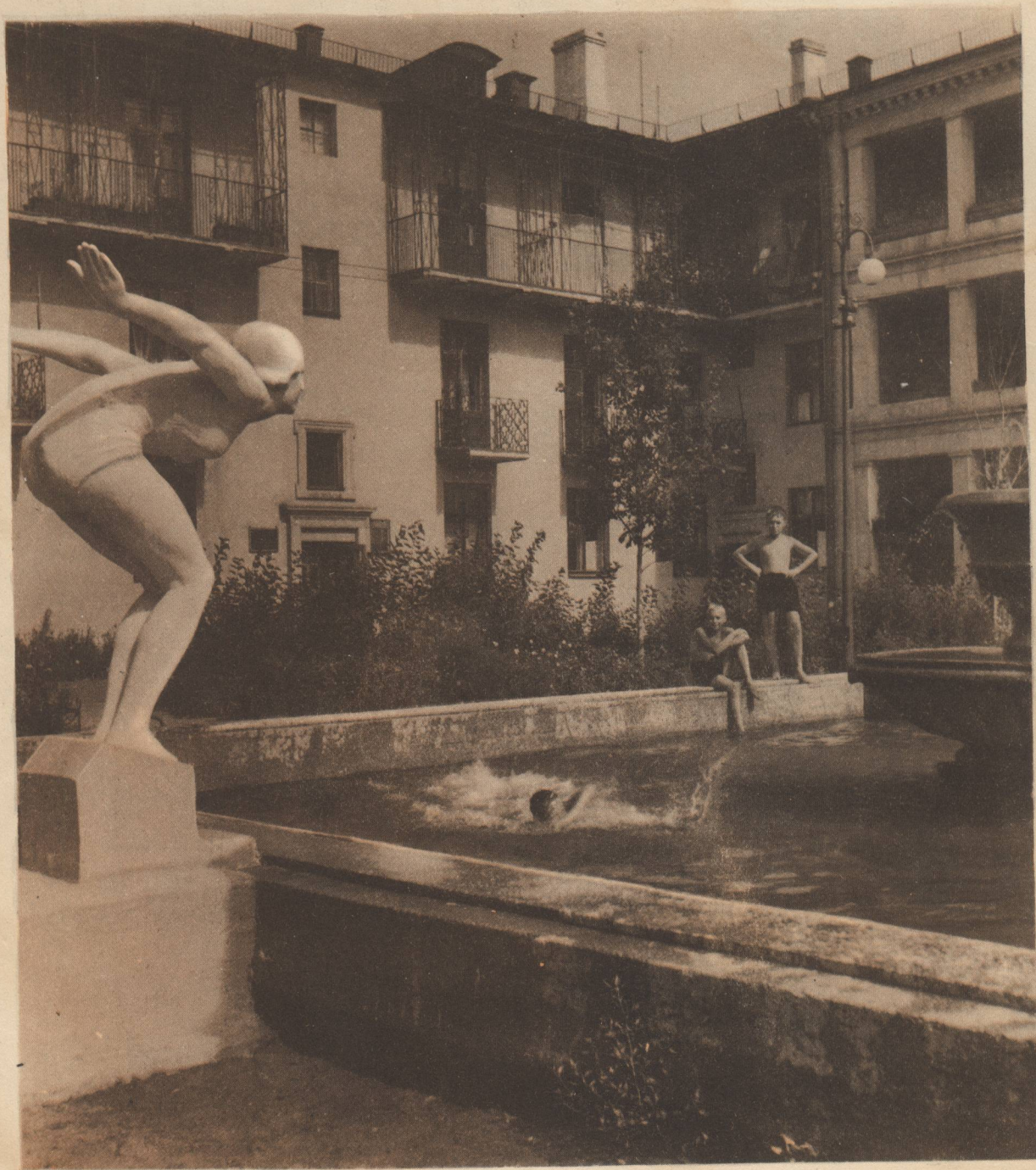
ПИОНЕР

ИЮЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1955 год

7

Сталинград, улица Мира, 13. Ребята этого дома весело проводят лето в своём собственном дворе. Там и зелень, и цветы, и площадка для игр, и спортивные снаряды — всё есть. А в прошлом году домоуправление устроило для ребят плавательный бассейн. Посмотрите, как весело плещутся в нём мальчишки.
Фото Е. Тиханова.

ПИОНЕР

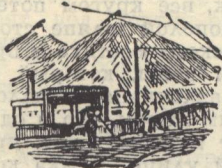
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 7 И Ю Л Ь 1955

В этом номере:

На озере Светлом.— Окончание. Повесть Вл. Гравип- киса. Рисунки Ф. Лемкуля	2
Варшава ждёт гостей.— Эдвард Карлович. Перевёл с польского Я. Немчинский	19
На фестиваль в Варшаву!	22
Охотники за ящером.— Рассказ М. Зверева. Рисунки А. Ливанова	24
Утро.— Стихи Ивана Осьмухина	29
Моряки.— Фотографии Н. Веринчука	30
В одном походе.— Очерк Ю. Новиковой. Рисунки В. Винокурова	32
Сокровища Дрезденской галереи.— А. Замятина	36
Северные мореходцы.— Рассказы В. Шергина. Рису- нки Петра Павлинова	43
Наша почта	50
Люди Чёрной долины.— Очерк Юрия Жукова	55
Почему и отчего	71
История зонтика	73
Читатели о писателе	74
Мастерская «Золотые руки». Железная дорога.— Н. Митрофанов	76
Ручей.— Юрий Коринец	78
В часы досуга	79

На обложке:

«ПОРТРЕТ МАЛЬЧИКА», Бернардино Пинтурикио,
итальянский художник XV века
(Дрезденская галерея).

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На озере Светлом

(Окончание)

Вл. Гравишкис

Рисунки Ф. Лемкуля

СЕРЬЕЗНЫЙ ЦЕХ

Когда двери распянуты настежь, трудно мальчишкам пройти мимо, не заглянув. Двери ведут в литейный цех, и ребята входят туда не без опаски. Ещё издали фантастическое блистание огней и оглушительный грохот каких-то неизвестных, повидимому, очень больших машин

предупреждают, что в цехе происходят дела нештучные и посмотреть там есть на что.

Ребята невольно жмутся друг к другу; Павел даже прихватил Митю под локоть, и тот несколько против этого не возражает. Сначала они смотрят на всё с порога, но, разбираемые любопытством, проходят всё дальше и дальше, чтобы увидеть, как работают литейщики.

Труд литейщиков кажется простым: всего-то и дела — приготовить в чугунном ящике-опоке из песка форму, залить её расплавленным металлом, подождать, пока остынет, и затем вытряхнуть затвердевшую малиново-красную отливку. Просто, да не совсем: есть в труде литейщиков много такого, что делает их работу необыкновенно увлекательной, полусказочной, резко отличающейся от труда других рабочих. И кажутся поэтому литейщики не обыкновенными рабочими, а могучими покорителями стихий, бесстрашными владыками огня.

Вот у вагранок, в которых плавят чугун, вспыхнуло громадное зарево, такое яркое, что ребята невольно вздрагивают и жмурятся. Миллиарды искр взметнулись вверх на высоту трёх этажей. Всё кругом освещено так отчётливо, что на полу хоть иголку ищи. Кажется, что там, у вагранок, образовался огнедышащий кратер: золотой лавой течёт из вагранки в ковш светлая струя расплавленного чугуна.

Проходит несколько минут, люди что-то сделали с вагранкой, кратер погас, искры исчезли, цех погрузился в полумрак, всё кругом потемнело. Вагранщик в широкополой шляпе стоит у перил на своём «капитанском» мостике и провозжает глазами громадный ковш, который он только что заполнил расплавленным металлом.

Ковш издали пышет таким жаром, что в одно мгновение на лицах ребят высыхает пот, проступивший ещё на жаркой улице. Дужка ковша, громадный крюк, на котором он висит, окванное железом дно кабины подъёмного крана и раскрасневшееся лицо крановщицы, свесившейся за борт кабины, — всё освещено таким ярким светом, точно в ковше спряталось солнце и вот-вот выглянет наружу.

Оно и в самом деле выглядывает: остановившись у длинной конвейерной ленты, которая медленно несёт на себе вереницу чёрных пазух опок, ковш наклоняется, и из него падает ослепительно белая струя чугуна — струя жидкого солнца. Заливщик в синих очках ловко направляет её в тёмное отверстие, виднеющееся в опоке, и струя исчезает внутри формы. Там время от времени что-то глухо бухает, раздаются глухие взрывы, но заливщик не обращает на них внимания, и ребята решают, что так и полагается, что ничего страшного внутри формы не происходит.

Ковш откачнулся, наклонился вновь, и огненная струя заполняет следующую опоку. А первая вместе с конвейерной лентой ползёт куда-то далеко, к другому концу цеха. Она вся объята колеблющимися нежноглубыми, лёгкими огоньками.

Не в силах оторваться от волшебных огоньков, словно замороженные, ребята идут вслед за формой-опокой, чтобы посмотреть, что же произойдёт с нею дальше. Похожая на огромную черепаху опока доползает до другого конца цеха, где конвейер поворачивает в обратную сторону. Здесь её уже поджидают высокие, мускулистые рабочие-выбивальщики с длинными

железными вагами в руках. Они зацепляют опоку вагами и стаскивают её на решётчатый пол.

И тут происходит совсем необыкновенное. Решётчатый пол вдруг начинает подпрыгивать и подскакивать, точно его обожгла дымящаяся опока и он обезумел от жары. Громадный ком чёрного горелого песка, которым набита опока, бугрится, крошится, кусками выпадает на пол, проваливается под решётку и исчезает в под-земелье.

А внутри опоки уже обнажилась сверкающая малиново-красная отливка. Выбивальщики подцепляют её крюками подъёмника и укладывают в большой железный ящик.

Где-то в вышине отчётливо названивает колокол, и ребята поднимают головы. Раскрасневшаяся крановщица смотрит на ребят и машет им, указывая в глубину цеха. Ребята вглядываются и видят, что к ним направляется высокий костлявый дядька с чёрным, словно копчёным, лицом. Одет он в синий халат.

— Мастер! — кричит Митя Павлику. — Смываться надо!

Но бежать некуда: у широких ворот цеха скопилось несколько электрокаров, там никак не пройдёшь, и ребята, прижавшись друг к другу, молча ожидают мастера. Тот прежде всего осведомляется, что они здесь делают. Митя притворяется глухим, Павлик бормочет, что они зашли «просто так, посмотреть».

Мастер много не разговаривает, подхватив ребят под локти, он выпроваживает их на улицу:

— Что больше я вас в цехе не видел! Понятно?

— Понятно, — отвечает Митя и ворчит ему вслед: — Подумаешь, какой!.. Жалко ему стало, что литейку посмотрели... А я, может быть, работать здесь буду. Тогда как?

После оглушительного цехового грохота улич-ные звуки кажутся совсем слабыми, приглушёнными, а в ушах всё ещё сильно шумит. Потирая уши, Павлик рассеянно говорит:

— Мы с мамой ходили один раз по цеху, он ничего не говорил. Потому, наверно, и привязался, что одним нельзя.

— Нельзя!.. Взрослых слушать, так ничего и не увидишь. Ну да ладно, посмотрели маленько — и хватит... Всё-таки здорово работают литейщики, верно, Павка? Серьёзный цех...

Павлик молчит, жадно вдыхая свежий воздух. Ему кажется, что те минуты, которые они провели в цехе, он совсем и не дышал — такими захватывающими были картины боевой, огненной работы литейщиков.

МИТИН «ПОДХОД»

В деревообделочном цехе двери тоже распахнуты, но здесь всё другое — и вид, и звуки, и запахи. Просторный зал высотой в три этажа уставлен рядами станков: строгальные станки посвистывают, долбёжные постукивают, сверлильные шуршат. То тут, то там звонко поют пилы. Густо пахнет смолистой сосной. В воздухе носится лёгкая белая пыль — опилки. Ими густо усыпаны станки, плечи и кепки работающих станочников.

Митя подталкивает Павлика локтем и глазами показывает на свою любимицу, на которую он не устаёт смотреть в каждый свой приход

к матери, — на маятниковую пилу. Действительно, посмотреть есть на что: точно громадный маятник, пила раскачивается из стороны в сторону. На конце маятника бешено вращается диск, которым пила чиркает поперёк доски, и та мгновенно распадается на части. Обратный взмах — и доска опять распилена. Кажется, что диск не пилит, а откалывает от доски аккуратные обрубки. Двое густо обсыпанных опилками рабочих едва успевают подставлять тяжёлые плахи.

Тут, у маятниковой пилы, и застаёт ребят мать Мити, Анна Ивановна Пичугина — невысокая худенькая женщина в синем халатике, тоже густо усеянном опилками.

— Явился? — спрашивает она сына. — Ну, как там, дома? Обед разогревал или так поел?

— Так поел! — твёрдо говорит Митя: ведь не станешь же рассказывать матери, что не был дома со вчерашнего утра.

Живут они вдвоём: в 1943 году отец Мити, тоже деревообделочник, ушёл в армию, и с тех пор о нём не было никаких известий. Анна Ивановна стала работать на его месте станочницей. Потом её выдвинули в наладчицы, а недавно назначили цеховым диспетчером.

Диспетчерская работа устраивает Анну Ивановну: после суточного дежурства она отдыхает два дня и в это время управляет со своими домашними делами. Митя на сутки остаётся один, но это не тревожит мать: парень большой, двенадцать лет, почти взрослый. Мите, конечно, такой порядок нравился ещё больше: в дни маминого дежурства он чувствовал себя полным хозяином и на это время назначал самые серьёзные свои предприятия, вроде вчерашней поездки на рыбалку.

— Ступайте ко мне, я сейчас приду, — торопливо говорит Анна Ивановна и убегает куда-то по своим диспетчерским делам.

Ребята идут внутрь цеха. Рядом с ними стучит, шумит, похлопывает полук древесины. От маятниковой пилы по желобам, по роликкам короткие куски досок устремляются на станок с дисковыми пилами и распластываются на небольшие брусочки. Брусочки катятся дальше, попадают на строгальный станок и в одно мгновение становятся гладкими и светлыми. А путь идёт дальше — на сверлильный, фрезерный, долбёжный станки. На каждом из них бруски преобразуются, на них появляются квадратные и круглые отверстия, разные шипы и пазы. Это части кабины или кузова, их уже можно собирать. Но рабочие не собирают, а складывают их в большие пачки для отправки в другой, сборочный цех.

Ребята стоят в центре цеха у дверей стеклянной кабины и ждут Анну Ивановну.

Анна Ивановна появляется неожиданно и совсем не с той стороны, откуда её ждут ребята. Даже не взглянув на них, она врывается в свою кабину, хватая телефонную трубку и кричит кому-то:

— Боковина отправлена! Вы слышите? Принимайте боковину! Через пять минут будет у вас.

В лежащей на столе карточке появляется отметка, и наконец-то Анна Ивановна оглядывается на сына:

— С чем пришёл, сынок? Неужели по мамке соскучился?

Митя знает, что у мамы свободные минуты —

Даже не взглянув на ребят, Анна Ивановна врывается в свою кабину и хватает телефонную трубку.

редкость, её вот-вот могут куда-нибудь позвать, и он решает сразу приступить к делу:

— Мам, я машину на озере нашёл. Сейчас поднимать поеду.

— Кого поднимать? Зачем? — механически спрашивает Анна Ивановна, посматривая на стол, где лежит стопка сводок. Видно, что ей не даёт покоя ещё какое-то неотложное дело.

Торопясь поскорее выложить главное, Митя осторожно начинает рассказывать о своих приключениях. Случайно на рыбалке он нашёл на дне озера грузовик. Как он туда попал, никто не знает. Одним словом, какая-то тайна. Теперь все этим делом занимаются. Туда пойдёт трактор, а Митю посылают вместе с трактористом. Без него поднимать машину нельзя: он её первый находчик...

Анна Ивановна всматривается в Митю, её щёки слегка усеяны мелкой опилочной пылью.

— Да ты здоров ли, Митька? Чего ты мелешь?

— Мелешь, мелешь! — сердито возражает Митя. — Ничего не мелю, всё правда.

— Да где же это видано, чтобы машина стояла на дне озера?

— Иван Алексеич тоже не верил, а когда сплавал да ногами на кабину встал, сразу другому заговорил.

— Это какой же Иван Алексеич?

— А такой... начальник милиции, — отрезает Митя и прикусывает язык: кажется, проговорился. Теперь придётся объяснять, почему и как он очутился в компании начальника милиции.

— При чём тут начальник милиции? Ты что, познакомился с ним?

— Он со мной познакомился, а не я с ним. — Митя начинает спешно сочинять. — Он сам к нам подошёл. Ехал куда-то по делу, увидал, что мыкупаемся, и подошёл. Ещё говорит: «Вода-то холодная, ребятки?» Мы ему: «Ничего, терпеть можно». Потом и говорим: «В озере-то

грузовик стоит». «Ни за что, — говорит, — не поверю, сочиняете вы всё, я вас знаю». А мы ему говорим: «Сплавайте сами, увидите, как мы сочиняем». «Никуда, — говорит, — я не поплыву, и стыдно вам разыгрывать старшего человека». Ну, я взял да и поплыл, встал на кабину и кричу: «Я на кабине стою!» А он всё не верит. Всё-таки растолковали мы ему, разделся, сплавал и тогда поверил...

— Да откуда она взялась на озере? — изумляется мать.

— Этого никто не знает. Говорю: тут тайна. Мы её разгадывать будем, — значительно говорит Митя и решительно

заявляет: — Ты меня, мам, вечером не жди: я, может, заночую там...

— То есть как это не жди?

Лёгкое недоумение исчезает с лица Анны Ивановны. Прищурясь, она смотрит на сына таким испытующим взглядом, что Мите сразу становится ясно: ещё минута, и всё пойдёт прахом: мать запретит ему ехать на подъём машины. Он толкает локтем Павлика: чего стоишь как пень? Помогай! И Павлик говорит самым убедительным голосом:

— Правда, правда, Анна Ивановна, папа за машиной посылает трактор. Я тоже туда поеду.

Морщинка, появившаяся было на лбу Анны Ивановны, разглаживается: Павлик — сын директора, и директорский авторитет непостижимым образом отражается и на Павлике.

— И в самом деле там машина есть? — спрашивает она, и в её голосе опять звучит что-то вроде любопытства. — Как же она туда попала?

— Не знаем, Анна Ивановна, — говорит Павлик. — Только и известно, что шла она с целинных земель.

— Вот как! С целинных земель? Что-то вы уж совсем странное рассказываете...

С минуту Анна Ивановна размышляет, потом снимает со стенки старую, потёртую сумочку, вынимает деньги и подаёт Мите десять рублей:

— Хлеба себе купи, колбасы на дорогу.

Пухлое митино лицо расплывается в широкой улыбке: результат превзошёл все его ожидания. В одно мгновение у Мити созревает хитроумная арифметическая комбинация: колбасы можно и не покупать, запастись побольше чёрного хлеба, а на остаток купить... Мало ли что можно купить на остаток!

Зажав в кулаке драгоценную десятку, Митя увлекает приятеля к выходу, не слушая, что кричит им вслед Анна Ивановна. Они бегут по широкому проходу, мимо рокочущих станков. Грохочут, звонко похлопывают, несущиеся по желобам и рольгангам бруски и доски, но ребятам уже не до них: скорей, скорей, надо спешить обратно на Светлое!

НА ПОДСТУПАХ К СВЕТЛОМУ

Прямая, как струна, лежит автострада вдоль Бирюзового хребта. С востока она прикрыта крутой горной цепью, с запада её омывает заросшая ивняком и черёмухой речка Веснянка,

а за речкой опять хребты, опять горы, уходящие к самому горизонту.

На автостраде всегда оживлённо. То и дело проносятся грузовики: обыкновенные «ЗИСы», могучие трёхоски, лязгающие цепями и железными кузовами самосвалы и лесовозы. Блестящая голубой краской, бесшумно плывут автобусы, нет-нет, да и промелькнёт, словно пуля, стремительная «Победа». Машин идёт много, и Семёну даже как-то трудно представить себе, что в пяти километрах отсюда, за горой, лежит

глухое уральское озеро и что там, в Скалистом заливе, под толщей воды скрыт вот такой же зелёный трёхтонный грузовик.

Как и вчера, воздух горяч и густо напоён запахом расплавленной смолы. Пыль, поднятая машинами, долго висит над дорогой, обратно ложится медленно и вяло, словно хочет дожидаться следующей машины, которая бы её снова взбудоражила.

Семён лежит в тени придорожных деревьев и ждёт прибытия трактора. О том, что трактор уже вышел из Мисьяга, ещё утром позвонили леснику, и Флегонт Лукич послал Семёна предупредить водителя, в какую просеку надо сворачивать, чтобы выйти к Скалистому заливу.

Безделье истомило Семёна; он успел уже и подремать, и закусить, и понаблюдать за бесстрашным дятлом, долбящим ствол сосны подле самой дороги, а трактора всё нет.

Но вот издали доносится чуть слышный рокоток, и Семён уже на ногах. Трактор ещё далеко; он спускается с пологого пригорка и похож на маленького серого жучка, не спеша ползущего по серой ленте дороги.

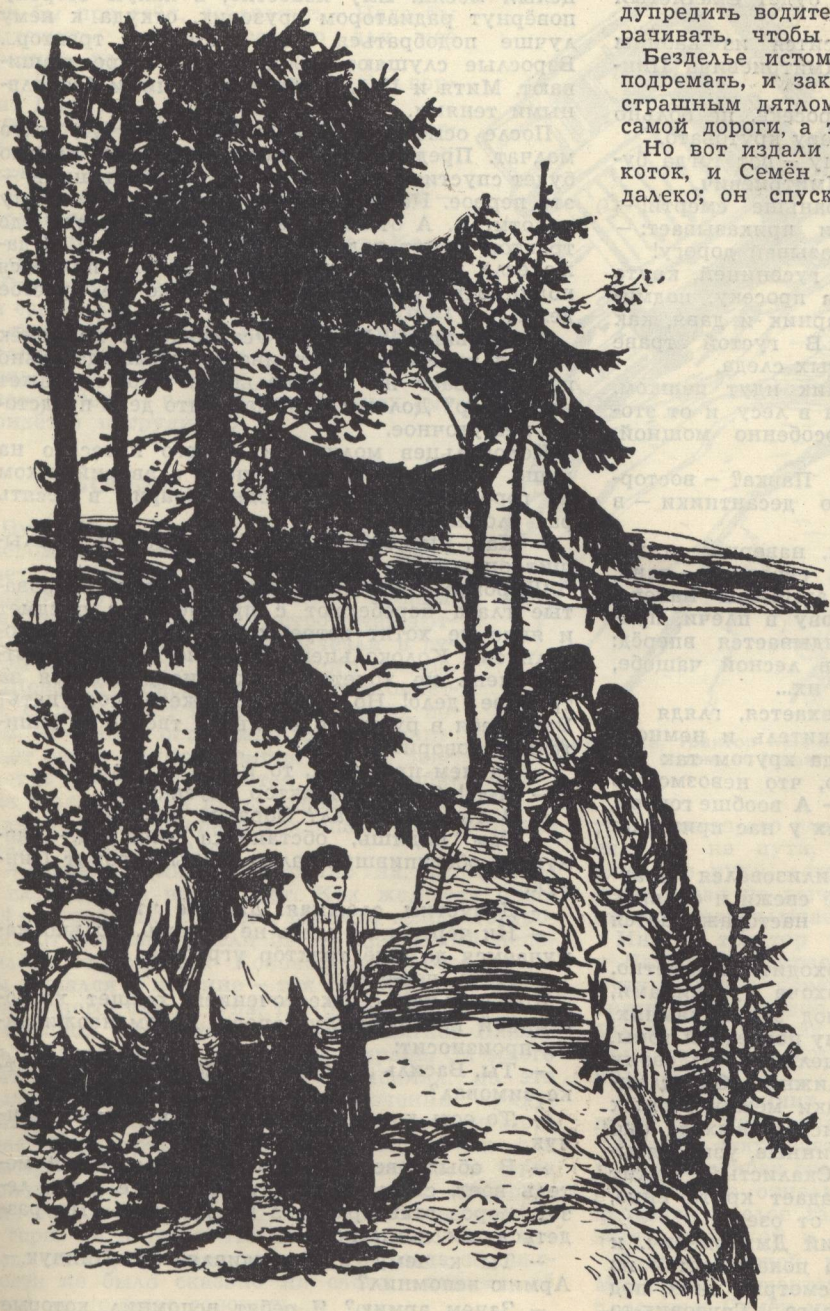
Трактор идёт ходко, и скоро Семён различает круглую митину голову, выгнувшуюся из кабины. Потом появляется митина рука, и он приветствует Семёна. За ветровым стеклом Семён различает ещё три лица. Больше никого нет.

Семён несколько разочарован: он ожидал, что поднимать машину придет большая бригада рабочих, а пришло всего двое взрослых да Митька с Павкой. Вот тебе и экспедиция! Интересно, что они тут сумеют сделать?

Придерживая кобурку, из кабины вслед за Митей выпрыгивает молодой краснощёкий паренёк в чёрном милицейском кителе, суконных шароварах и щегольских хромовых сапогах. Лицо у автоинспектора распаренное и сонное. Анатолий Колокольцев недоволен: Годунов не дал легковой машины, пришлось в такую жару да ещё в таком костюме трястись на тихоходном тракторе. Кроме того, Колокольцев всю ночь не сомкнул глаз: разбирался в деле шофера-аварийщика, умудрившегося прокинуть в кювет машину.

— Так ты, что ли, будешь Семён Зыков? — спрашивает он, окидывая взглядом облупленный нос, рваный костюм и большие босые ноги мальчишки.

Была ещё одна причина недовольства автоинспектора: вместо бригады взрослых

— Видите отмель? А левее буйк качается. Вот под ним и стоит машина.

лых рабочих ему навязали «детский сад». Директор отказался выделять рабочих: был конец месяца, коллектив завода боролся за план, и каждая пара рабочих рук была на счету.

— Я Семён Зыков, — подтверждает Семён, не сводя глаз с трактора: позади кабины построено какое-то сооружение, каких нет у обычных тракторов. «Лебёдка!» — догадывается Семён.

— Ну, рассказывай, как тут и что, — устало предлагает Колокольцев.

Семён рассказывает: вот по этой просеке надо проехать километров пять, перевалить две горы, а там, под следующей горой, будет Скалистый залив.

— Горы-то крутые? — доносится из кабины голос тракториста Василия Дмитриевича Пинчука.

— Эти-то две, которые в просеке, не больно крутые, а вот спускаться к озеру крутовато.

— Угроблю я с вами машину — вот тогда будет дело! — ворчит Василий Дмитриевич.

— Ладно тебе! Заумирал раньше смерти! — обрывает его Колокольцев и приказывает: — Садись, Зыков, в кабину, показывай дорогу!

«Сталинец», загребая одной гусеницей, круто разворачивается и вползает в просеку, подминающая под себя курчавый кустарник и давя, как грибы, трухлявые пеньки. В густой траве остаются два широких рубчатых следа.

Колокольцев, Митя и Павлик идут пешком. Рокот машины гулко отдаётся в лесу, и от этого сила трактора кажется особенно мощной, всеограшающей.

— Будто танк идёт, верно, Павка? — восторгается Митя. — А мы — будто десантники — в наступление двинулись.

Павлик кивает: да, вот так, наверное, и ходили десантники в атаки: в середине — танк, рядом с ним — десантники, автоматы наперевес. А Митя уже вобрал голову в плечи, пригнулся и насторожённо вглядывается вперёд: ему кажется, что вон там, в лесной чащобе, притаился противник и ждёт их...

— Игрушки вам всё, — усмехается, глядя на Митю, Колокольцев. Скинув китель и немного поостыв, он подобрел. Природа кругом так хороша, всё цветёт так пышно, что невозможно оставаться злым и угрюмым. — А вообще говоря, маленько похоже. На манёврах у нас примерно так же получалось...

Колокольцев недавно демобилизовался из армии, воспоминания о ней ещё свежи и сильны.

— На манёврах? — тотчас настораживается Митя. — Расскажите нам, а?

В разговорах дорога проходит незаметно. И вот наконец, тяжело грохоча гусеницами, лязгая на выступивших из-под земли камнях, трактор взбирается на вершину последней горы. Открывается Светлое — всё целиком, от своих самых дальних берегов до ближних. Оно длинной лентой втиснуто в складки между горных хребтов, ему тесно, и в поисках выхода оно выдвинуло во все стороны длинные, узкие языки заливов. Один из них, Скалистый, лежит прямо под горой, просека падает круто вниз, к отмели, отделяющей залив от озера.

— Ну и ну! — басит Василий Дмитриевич, и его грузная, могучая фигура показывается из кабины. Он с любопытством смотрит вниз, под гору. — Тут и загреметь недолго... Грузовик-то где стоит?

Семён показывает на Скалистое:

— Видите отмель? А левее буёк качается, видите? Вот под ним и стоит машина.

— Эк его, горемыку, куда занесло! — сочувственно говорит Пинчук, подразумевая водителя затонувшего грузовика. — А буёк кто поставил? Ты, что ли?

— Я.

— Смотри, какой распорядительный! Ну, пойдём, показывай своё хозяйство...

Они оставляют трактор на горе. Семён ведёт всех вниз и рассказывает обо всём подробно и обстоятельно, словно пробыл здесь не сутки, а целый месяц. Ему известно, в какую сторону повернут радиатором грузовик, откуда к нему лучше подобраться, где поставить трактор... Взрослые слушают молча, порой переспрашивают. Митя и Павлик бродят за ними безмолвными тенями.

После осмотра Колокольцев и Пинчук долго молчат. Предстоят большие трудности. Трудно будет спустить трактор вниз с такой вышины — это первое. Не легко будет и вытянуть машину на отмель. А отмель — единственное место, где трактор может подойти вплотную к воде. И даже если всё это и удастся проделать, придётся поднимать грузовик в гору. Тоже не простое дело...

Задумавшись, Пинчук усаживается на пенёк у края просеки и закуривает. Он выжидательно поглядывает на Колокольцева: что-то скажет инспектор? Должен понимать, что дело предстоит нешуточное.

Колокольцев молчит: и у него невесело на душе. Вчера возился всю ночь с аварийщиком из городского торгога, сегодня авария в десять раз сложнее.

— Как, инспектор? Что будем делать? — слышит он вопрос Пинчука.

Широкое лицо Пинчука озабочено, хитроватые глаза перебегают с предмета на предмет и явно не хотят встречаться с глазами Колокольцева. Колокольцеву понятно: ох, не хочется, очень не хочется трактористу браться за трудное дело! Но как прикажете поступать? Взяв себя в руки, Колокольцев твёрдо и решительно говорит:

— За чем приехали, то и будем делать.

— Н-да! Значит, трактор спускать?

— А ты как думал? Обратно покатым?

— Сам видишь, обстановка сложная, — кивнув на обступившие залив скалы, говорит Пинчук.

— Допустим, сложная. Дальше что?

— Ни черта нам здесь не сделать. Только намучаемся да ещё трактор угробим...

— Ну-у, пое-ехали!

Колокольцев с ожесточением хлещет хворостинкой по голенищу сапога. Потом неожиданно произносит:

— Ты, Василь Дмитрич, когда-нибудь в палатке зимовал?

— То есть как в палатке? — не понимает Пинчук.

— В обыкновенной палатке. Над тобой метель воеет, степь кругом, снег во все щели лезет, мороз этак градусов на тридцать. Ни раздеться, ни помыться...

— Ты к чему это? — удивляется Пинчук. — Армию вспомнил?

— Зачем армию? Я ребятам вспомнил, которые на целине зимовали. Машина-то ведь из Алаганского совхоза. Её по всей области ищут.

Груз на ней, может, такой, что цены нет. А мы с тобой сидим на пенёчке рядышком, покуриваем и рассуждаем: не то вытаскивать машину, не то домой поехать, чайку попить...

— Агитируешь? Зря! В политике я не хуже тебя разбираюсь.

Семён, ни на кого не глядя, произносит:

— Я смотрел груз-то, хотел ещё в лодку поскладывать да на берег вывезти, да уж больно тяжелущие ящики, одному никак не поднять. — Помолчав, как бы про себя, добавляет: — Надо бы вытащить машину: вода-то для неё вредная, попортить может.

— Тоже мне адвокат нашёлся! — ворчит Пинчук.

Он докуривает папиросу, втыкает огнём в землю, придавливая каблуком и встаёт.

— Так спускать, значит, трактор? — спрашивает он ещё раз.

— Само собой, — подтверждает Колокольцев и тоже встаёт.

Они поднимаются в гору, туда, где на самой вершине стоит трактор. Стоит и сверкает своими никелированными прожекторами-глазами, точно всматриваясь в бескрайние горные дали, в леса и озёра — в места, на которых ему придётся потрудиться.

БОРЬБА ЗА ПОБЕДУ

Пулемётной дробью рассыпался над озером треск мотора-пускателя. Он работает с минуту, не больше, потом слышатся глухие, благодушные хлопки. Сначала редкие, они быстро учащаются, и вот уже все звуки исчезли в густом и басовитом рёве главного мотора.

Шевельнувшись, трактор наклоняется, словно хочет посмотреть землю, потом начинает осторожно ползти вниз. Идёт он не прямо, а зигзагами, то двигается вперёд, то пятится назад, выбирая более пологий путь. Дверцы кабины открыты и беспрерывно хлопают, то распахиваясь, то закрываясь.

— Василь Дмитрич нарочно их не закрыл: в случае чего выпрыгнет. Как же, ведь опасно! — торопливо поясняет Митя, и голос его дрожит от волнения. Если бы не шагающий неподалёку от трактора Колокольцев, Митя давно бы умчался к машине — так его, горячего и бесшабашного, тянет туда, где опасно.

Опасно... Это простое слово обжигает Павлика, заставляет сильнее биться сердце. Он много читал об опасностях и приключениях, но это были какие-то книжные приключения, придуманные опасности, а эта вот опасность настоящая. Ведь трактор может перевернуться так быстро, что и выпрыгнуть не успеешь, и тогда конец, гибель. Вот почему Василий Дмитриевич так неохотно согласился спускать трактор с горы: не потому, что не хотел, а потому, что надо было рисковать жизнью. Но тогда об опасности не было сказано ни слова, — видимо, об этом не принято говорить...

Сквозь ветровое стекло Павлик видит как-то по-особенному затвердевшее, напряжённое лицо

Шевельнувшись, трактор наклоняется, словно хочет посмотреть землю, потом начинает осторожно ползти вниз.

тракториста, его глаза, прощупывающие каждую складку на пути, видит его руки, крупные, тяжёлые руки, лежащие на рычагах. Даже не взглядывая на рычаги, он с молниеносной быстротой переключает их, когда нужно...

Иногда трактор накрывается так круто, что у Павлика замирает дух: вот сейчас, сию минуту машина перевернётся и кувыркком покажется вниз. Сердце бьётся так сильно, с такой болью, что Павлик не может выдержать и закрывает глаза. Хоть бы скорей всё это закончилось!

— Ура! — кричит рядом Митя. — Павка, да ты посмотри: наша взяла!

Павлик открывает глаза: трактор идёт совсем рядом и, огибая скалы, по пологому склону выбирается на отмель. Развернувшись и сразу проделав в слое гальки глубокую впадину, он встаёт лебёдкой в сторону буйка.

Радость первой победы воодушевляет всех: Митя уже у трактора и ходит вокруг него, приплясывая; Семён мчит по берегу к лодке; Василий Дмитриевич, улыбаясь, выходит из кабины и вытирает ветошью вспотевшее лицо; до-

вольный Колокольцев раздевается в сторонке, аккуратно складывая костюм.

Один Павлик стоит там, где стоял. Он сконфужен своим минутным испугом, от которого ещё не избавился, и соображает, заметил ли кто-нибудь его страх.

Появляется лодка. Семён выпрыгивает из неё, подходит к Колокольцеву. Они о чём-то совещаются, и Семён тоже начинает раздеваться. Потом они идут к трактору, забирают конец троса с лебёдки и волокут к лодке. Лодка отчаливает, трос медленно ползёт за ней.

Митя уже тут. Вцепившись в стальной трос, он вместе с трактористом вытягивает его с барабана и подаёт вслед лодке. Но как они ни стараются, как ни гребут Колокольцев с Семёном, лодка замедляет ход: ей не вытянуть тяжёлого каната.

— Павка, чего ж ты? Помогай! — отчаянно кричит Митя.

Поплевав на натёртые стальными витками ладони, он опять хватается за трос и тянет его.

Павлик нерешительно подходит: ему не верится, что он может оказаться полезным.

— Берись, берись, парень! Пособляй, видишь, какое дело получается! — басит Пинчук.

Изнемогающие от усилий Колокольцев с Семёном тоже кричат:

— Подавайте трос! Чего вы там?

Они уже далеко, подле самого буйка, но лодка почти не движется.

Павлик хватается за трос, тянет его изо всех сил, не обращая внимания на то, что жёсткие витки обдирают ладони.

— Стоп! Хватит! — кричит с лодки Колокольцев.

Видно, как он совещается с Семёном и первым ныряет в воду. Проходит несколько секунд, все с волнением вглядываются в то место, где исчез под водой инспектор. Появившись, он долго отфыркивается и говорит:

— Глубоко сидит, на силу буксирную тягу отыскал. Теперь травы понемногу, попробую зацепить.

Он появляется над водой ещё несколько раз: видимо, зацепить трос за буксир не так просто. Потом они ныряют вдвоём, предварительно сговорившись о том, что каждый будет делать под водой.

Их долго нет. Первым выскакивает Колокольцев, вслед за ним появляется Семён.

— Чего ж вы вынырнули? — спрашивает он Колокольцева. — Ещё бы маленько, и зацепили бы...

— Дыхания не хватило, понимаешь, — оправдывается инспектор. — И так чуть не лопнул.

— А вы много воздуха не набирайте, от этого только хуже, — советует Семён. — Надо, чтобы вдох нормальный был.

Отдыхавшись, они опять скрываются в глубине и на этот раз успевают закрепить трос.

— Давай помалу! — приказывает Колокольцев и ложится на корму, чтобы лучше видеть, что будет происходить под водой.

На тракторе начинает работать мотор.

Медленно, а затем всё чаще начинают стучать шестерни лебёдки. Трос натягивается, на поверхности появляются его тугие витки, они раскручиваются, распрямляются, хлопают по воде, вздымая брызги.

— Полный давай! Видать, колёса засосало! — кричит Колокольцев.

Василий Дмитриевич добавляет обороты на лебёдке, не сводя глаз с троса.

Все охвачены волнением, все следят за тросом, натянувшимся, как струна. Там, где он входит в воду, вскипает лёгкий бурунок, словно трос превратился в сверло и буравит воду.

— Пошла! Пошла! — вопит Митя, первым из береговых, заметив, как тронулся с места буюк и поплыл, вздымая треугольник волн.

— Пошла! Пошла! — вторит ему Павлик.

Схватившись за руки, мальчики бегут по колёно в воде навстречу поднимающемуся из глубины грузовику.

Резкая, как удар хлыста, разносится над заливом трель милицейского свистка. Остановившись, ребята оглядываются, не понимая, откуда мог взяться такой необычный для этих мест звук. Колокольцев стоит в лодке во весь рост, свистит и грозит кулаком:

— К чёрту! Василь Дмитрич, удали ребятшек! Навязались на мою голову!

Пинчук спускается с трактора, подхватывает ребят под локти и молча уводит с отмели на берег, на скалы. Митя никак не может понять, за что их постигла такая кара. Широко открыв глаза, он моргает ресницами и изумлённо спрашивает тракториста:

— За что, Василий Дмитрич?

— За то, чтоб не совались, куда не положено, — хмуро отвечает тот. — Не в бирюльки играем, а делом заняты.

— Троса боятся, — соображает Павлик. — Если лопнет, захлестнуть может. Видишь, как натянулся.

Присмирив, они сидят на обломке скалы и наблюдают за событиями.

Колокольцев с Семёном плавают над тем местом, где теперь стоит машина. Она уже близка к поверхности, край борта Колокольцев достаёт рукой и весело говорит трактористу:

— Вот она, матушка, под рукой у меня!

Совсем и не похоже, что ещё минуту назад он так сердился на ребят.

— Пускать, что ли? — спрашивает Пинчук.

— Пускай! Сейчас наша будет!

Лодка отплывает в сторону, Василий Дмитриевич запускает лебёдку. Вода над машиной волнуется, бурлит. Буюк крутится, дёргается, словно стремясь оторваться и уплыть от того огромного и тёмного, что вылезает из воды. Потом он валится набор и исчезает в вспевшем буруне. Шумя водой над поверхностью залива, появляется потемневший, почти чёрный кузов.

И вот теперь, когда кажется, что машина уже поднята, происходит непредвиденное: грузовик перестаёт двигаться. Он подёргивается, шевелится, но с места сойти не может, словно его удерживает в воде какая-то неведомая сила.

Напряжение на тросе так велико, что начинает подёргиваться и вздрагивать сам трактор: вот-вот поползёт навстречу грузовику. Павлику кажется, что перед ним развёртывается какая-то бива, вступили в единоборство два могучих исполина, и каждый из них старается перетянуть друг друга на свою сторону: грузовик тащит трактор в воду, трактор тянет его на отмель. Кто победит?

Колокольцев и Пинчук озабоченно смотрят друг на друга: в чём дело?

— Останавливай! — кричит Колокольцев. — Что-то у нас неладно!

Трос ослабевает, и грузовик откатывается назад. Над водой торчит только угол кузова. При-

МАШИНА ПОДНЯТА!

До позднего вечера на отмели кипит горячая работа: Василий Дмитриевич предложил насыпать перед обрывом вал из камней и гальки и по нему закатить машину на мелкое место. Ребята нагребают в лодку гальку, отвозят к грузовику, высыпают под колеса. Василий Дмитриевич и Колокольцев по пояс в воде возятся над краем обрыва, раздобытыми на кордоне лопатами сбрасывают вниз камни и верхний наносный слой.

Все работают полуголые и босые, один Павлик в тапочках и верхней рубашке. Он сильно опалил себе на солнце спину и вынужден был одеться. Кроме того, до крови стёр на гальке ноги, и пришлось обуться. Теперь его размокшие тапочки по-птичьи поют и чиркают на каждом шагу.

Сильно ноет спина, кажется, плечи вот-вот отвалятся, на ладонях полопались мозоли, сочится кровь, и ранки больно разъедает вода. Но Павлик стойко переносит невзгоды и с ожесточением нагребает гальку в лодку. Он готов упасть на землю полумёртвым, но не признается в том, что устал и больше работать не может. Митя и Семён работают рядом с ним с прежним азартом, и в этом, может быть, главная причина усердия Павлика.

Отдыхает он в те несколько минут, в которые Семён и Митя отвозят груз к обрыву. В эти минутные передышки Павлик чувствует, как мелко-мелко дрожат его ослабевшие ноги и руки. Кажется ему, что силы кончились совсем и следующую лодку он не сможет, ни за что не сможет нагружать. Но пустая лодка возвращается, выпрыгивают Семён и Митя, начинается погрузка, и Павлик, охнув от нестерпимой боли в пояснице, снова берётся за лопату, снова швыряет шумящую гальку на дно лодки.

Близится ночь. На противоположном берегу озера над зубчатой стеной гор пламенеет густое золото заката. Стена совсем чёрная, на ней уже невозможно различить отдельные деревья, всё слилось в сплошной тёмный массив. Длинные тени пересекают озеро почти с одного берега до другого, и там, в синих тенях, начинают ползать голубоватые ленты тумана. От воды струятся невидимые потоки вечернего холодка вперемежку со струями горячего дневного воздуха.

Сам того не заметив, Павлик скользит руками по черенку лопаты и садится на землю. Прижавшись щекой к рукам, он смотрит, как Митя и Семён выгружают лодку над обрывом. Больше работает, конечно, Семён, Митя еле-еле шевелит лопатой... Ему, Павлику, ещё легче, чем Мите: он может хоть немного отдохнуть во время выгрузки. А Семён работает непрерывно: то грузит, то гребёт, то выгружает. Почему он такой сильный, почти как взрослый? Почему Павлик слабый, слабее даже Мити?

Павлик размышляет. Лодка причаливает к отмели, ребята начинают работать, а Павлик не может подняться с места. Как он ни напрягает-

Ребята нагребают в лодку гальку.

держиваясь за него, Колокольцев спускается в воду и долго шарит в ней.

— Что там? В чём дело? — спрашивает Пинчук.

— Скала на пути. Обрыв. Чёрт бы его взял! — ругается Колокольцев.

— Высокий?

— С метр будет.

— Вот и доработались. Как же теперь?

Колокольцев молча выходит на берег и ложится на горячую гальку. От непрерывной возни в воде он весь посинел и стучит зубами. Семён и Митя бродят вдоль обрыва, обследуя его в обе стороны — подводная скала перегородила почти весь залив. Павлик наблюдает за товарищами, стоя по пояс в воде: он не умеет плавать... От былого воодушевления не осталось и следа: все удручены неудачей, препятствие кажется непреодолимым.

— Надо что-то придумать, — говорит Василий Дмитриевич и начинает раздеваться, чтобы самому обследовать обрыв.

ся, как ни опирается на лопату, какая-то сила приковала его к земле и не отпускает. Не понимая, что случилось, Павлик смотрит в пространство пустыми глазами и покорно ждёт, что Митька сейчас начнёт над ним смеяться. Но тот молчит, хотя Павлик уверен, что не только Митя, но и все остальные уже заметили его беспомощное положение.

— А что, инспектор, не пошашаешь ли нам? — слабо слышит он отдалённый голос Василия Дмитриевича. — Всё равно дотемна не кончить, утром доделывать придётся.

— Шашаешь так шашаешь, — охотно соглашается Колокольцев. — Ночевать-то где будем: на кордон пойдём или тут переждём?

— Куда я от трактора пойду? Моё дело — с машиной...

— Нечего ходить взад-вперёд, — возражает и Семён. — У меня переночуете, я там балаган построил.

Павлик и Митя тупо переводят взгляд с одного на другого, не в силах сообразить, о чём говорят взрослые. Подталкиваемые Семёном, опираясь на лопаты, они ковыляют в гору, к той сосне, под которой Семён устроил балаган из сосновых веток.

Как хорошо положить усталую голову на свёрнутую в жгут старенькую телогрейку Семёна! Митя засыпает сразу, а Павлику в бок давит что-то твёрдое, должно быть, попал сучок или камешек, но нет сил поднять руку и отбросить его в сторону.

Он ещё видит, как Семён приносит с озера ведро воды, устанавливает над костром, разжигает огонь. Пламя быстро разгорается и длинными жадными языками лижет дно ведра. Как только у Семёна хватает сил делать всё это?

— Там у меня в сумке пироги есть. Бери, Семён! — предлагает Павлик.

— А сам-то что? Чай пить разве не будешь?

— Я потом. Сейчас что-то не хочется.

Семён ещё что-то говорит, — кажется, спрашивает, с повидлом или с мясом пирожки, — но Павлик слышит его голос как через слой воды, глухо и неясно. Он шевелит рукой: надо же всё-таки вытащить камешек из-под себя, уж очень неловко на нём лежать, но рука замирает на полпути, и мальчик погружается в сон...

Утром он просыпается от надоедливой трески мотора-пускателя. С трудом подняв голову, оглядывается. Озеро освещено косыми лучами восходящего солнца. Трактор на отмели работает на холостом ходу, из трубы вылетают круглые синие клубочки газа.

Рядом спит Митя. Рот у него полуоткрыт, он похрапывает и ёжится во сне. Оба они накрыты: Митя — ватником Василия Дмитриевича, Павлик — китемом Колокольцева. Семёна нет. Где же он? Приподнявшись, Павлик видит товарища на отмели, он набрасывает в лодку гальку. Колокольцев и Пинчук несут к обрыву большие камни. Неужели они совсем не спали?

Павлику становится совестно: они себе полёживают, а люди уже работают всюю. Он рассказывает Митю.

— Митя! Вставай!

Митя приподнимает голову и долго смотрит на Павлика заспанными, бессмысленными глазами, точно пытаясь понять, что это за человек перед ним и что ему нужно.

— Это ты, Павка? Чего тебе?

— Наши-то уже работают. Надо помогать

идти, — сообщает Павлик, но сам не может двинуться с места.

Митя оглядывается на озеро и вдруг начинает торопиться:

— И верно! Чего ж ты раньше не разбудил?

— Сам сейчас только проснулся.

— Пошли скорее!

Покряхтывая, они поднимаются.

— Честное слово, Митя, у меня, кажется, все кости скрипят, — говорит Павлик, рассматривая свои припухшие, израненные руки.

— Ничего, разомнёмся — и всё пройдёт.

И в самом деле, после первых движений боль в мускулах становится слабее, и Павлик чувствует себя лучше. Они бегут на отмель.

— С добрым утром, работнички! — приветствует их Василий Дмитриевич. — Поспали бы ещё маленько: глядишь, мы бы и уехали...

— Ну да! — возражает Митя. — Грузовик-то ещё в воде.

— Сейчас вылезет. Теперь он наш, — отзывается Колокольцев и обращается к Пинчуку: — Потянем, Василий Дмитрич?

— Потянуть недолго, вот дорога бы не расползлась...

— Расползётся — починять будем. Давай ключай лебёдку! Нам бы только задний скат закатить на обрыв, а там дело пойдёт...

Снова ревет мотор. Натянувшись, вибрирует и гудит трос, лязгают шестерни лебёдки. Край выгладывающего из воды кузова колыхнулся и медленно пополз к трактору. Он поднимается всё выше и выше. Видна уже рама, видны скакты, лоснящиеся и мокрые, словно покрытые лаком. Появилась крыша кабины, уголок бокового стекла, дверная ручка...

Из кузова обильно течёт вода, множество струек сверкает на солнце, и Митя не выдерживает: подбежав к борту медленно движущейся машины, он подставляет ладони и умывается вытекающей водой.

— Вот хорошо-то! А то я позабыл сегодня умыться!

Машина подходит к трактору вплотную и останавливается — мокрый, чёрный, грязный, весь какой-то непривычный, но всё-таки настоящий, заправщик грузовик. Колокольцев тотчас влезает в кабину и осматривает приборы.

— И всего только двенадцать тысяч прошла, — сообщает он. — Почти новая машина. Не пойму, что с ней случилось...

— А ты в мотор загляни, инспектор, наверно, там вся заковыка, — предлагает Пинчук и закуривает. — Мотор подвёл мужика, не иначе...

«Мужика? — недоумевает Павлик. — Ну да, они говорят о водителе затонувшего грузовика. Где-то он сейчас?» И Павлик старается представить себе водителя. «Наверное, он такой же большой и сильный, как тракторист Василий Дмитриевич Пинчук...»

ВСТРЕЧА НА ДОРОГЕ

В дымном кабинете Годунова сидит Виктор Бартенев, шофёр Алаганского целинного совхоза. Это невысокий худощавый паренёк с тонким, бледным и очень усталым лицом. У порога лежит брошенный Бартеневым полупустой рюкзак: Виктор только что приехал с вокзала и рассказал Ивану Алексеевичу историю потери грузовика. Он кончил и теперь смотрит на Годунова тревожными и лихорадочно поблески-

вающими глазами: что-то теперь скажет начальник милиции? Где машина?

Годунов пока молчит, о чём-то раздумывая, и это очень волнует Бартенева. Он наливает себе воду из графина и пьёт большими глотками.

— Ты сам-то откуда будешь, Бартенев? — спрашивает Иван Алексеевич.

— Киевский я, товарищ начальник.

— Вот как! Значит, украинец?

— Нет, товарищ начальник. Отец у меня был русский, только мать украинка.

— Климат на Украине хороший, тёплый. Не чета нашему, уральскому. Верно?

— Нет, я бы не сказал. Большой разницы не вижу. Погода у вас круто меняется, это точно. Из-за неё я и пострадал.

Виктор вematривается в Годунова и никак не может понять, почему начальник милиции ни слова не говорит о машине, а всё расспрашивает о том, что кажется Бартеневу совсем посторонним и ненужным. Он как будто нарочно отводит разговор куда-то в сторону. Неужели машину не нашли? Но зачем тогда он посыла телеграмму? Виктор сам видел её в областном управлении: «Грузовик 14-45 обнаружен, жду дальнейших указаний». Может быть, с машиной ещё что-нибудь случилось? Виктор зябко ёжится: неужели ещё не кончились его несчастья?

— Да, погодка тебя подвела, это верно, — не торопясь, говорит Годунов. — Надо себя с нею поаккуратней держать... Давно в совхозе-то?

— Осенью приехали.

— Ну и как, трудно?

— Бывает и трудновато. С жильём у нас, сами знаете... Спасибо, зима тёплая была.

— Настроение у ребят какое?

— Настроение? Да как будто бы ничего, неплохое. Только ведь я про настроения мало знаю: я ведь всё больше в разъездах был. Да вот два месяца в больнице валялся.

— А у самого-то как с настроением? Вид у тебя нехороший, прямо скажу.

— Это у меня после больницы. Я всё про машину думал, поэтому и не поправился. Недолечился маленько. Как узнал про вашу телеграмму, так и стал проситься выписать. Главный врач говорит: «Рано тебя ещё выписывать, да, видно, ничего не поделаешь, всё равно по машине с ума сходишь...» Ну и выписали. А не выписали бы, всё равно убежал бы...

— Вот как ты дисциплину понимаешь! — усмехается Годунов.

— Так ведь машина же, товарищ начальник! Вы что, шугите? Я ведь как в сознание пришёл, так всё время про неё думал. Ни есть, ни спать не мог...

— Н-да, машина! — Годунов несколько секунд молчит и наконец говорит то, чего Виктор уже ждёт давно и с нетерпением: — Ну, Виктор, машину твою мы нашли. Поднимают её сейчас на Светлом — озеро такое у нас есть. Через полчаса придёт с операции мой «газик», я прикажу тебя подбросить на Светлое. А пока пойдй погуляй!

Виктору хочется расспросить про машину по-подробнее, но он не решается этого сделать, — кажется, он и так уж много хлопот доставил этим людям. Там, на месте, он всё узнает... Он благодарит Годунова и выходит на улицу, небольшую каменную улочку, круто поднимающуюся в гору. В конце её зеленеет вершина хреб-

та, на склонах которого расположен заводской посёлок.

Бетонные ступени крыльца горячо накалены солнцем. Виктор садится, закуривает и посматривает на нижний конец улицы, откуда, по его мнению, должен появиться милицейский «газик». Внизу виден широкий, усаженный деревьями проспект, по которому в два потока движутся автомашины. На углу толпа людей обступила синюю тележку с газированной водой.

Виктор смотрит на всё это отсутствующим взглядом: мысли его у машины. Скорей бы до неё добраться, сесть за руль! Неужели это скоро случится? Виктор вскакивает и начинает ходить по узенькому тротуару под окнами отделения милиции. Из одного окна слышится телефонный разговор. Вот как! Кажется, говорят о нём!

— Понимаете, Владимир Павлович, он из больницы удрал...

«Почему он говорит, что я удрал? — недоумевает Бартенев. — Ведь я же ему сказал, что выписали меня законно. Не поверил, что ли?»

— С Киевщины он, с Украины, комсомолец... Хорошо-то хорошо, да вот помочь надо парню. Как чем? Машину-то, поди, перебрать надо, посмотреть. Надо с честью проводить человека — грузовик-то ведь с целинных земель, не какой-нибудь аварийщик!.. Что же, что суббота? Наоборот, даже хорошо, что суббота... Соберём мы завтра спозаранку с десятка слесарей и шофёров и завтра быстренько провернём это дело... Согласятся! Не было ещё такого случая, чтобы рабочий класс отказался помочь товарищу в беде. Да мы с автоинспектором сами провернём это дело, только ваше принципиальное согласие нужно, товарищ директор... Ну вот, всё в порядке, всего доброго!

Слышно, как звякает положенная на место трубка...

Первое мгновение Виктор доволен и обрадован: это хорошо, что ему помогут посмотреть и перебрать машину. Безусловно, она в этом нуждается, столько времени простояла под открытым небом. Но потом Бартенева охватывает тревога: нет, тут что-то не так! С машиной случилось что-то посерьёзнее, иначе зачем же её ремонтировать? Слово сквозь сон он припоминает, как покидал машину: спустил воду, снял прерыватель, отключил зажигание, — словом, всё хорошо подготовил, прежде чем оставить её там, на лесной поляне. Неужели раскулачили?

Желание поскорее увидеть машину, узнать, в каком она состоянии, становится просто нестерпимым. Нет, не может он больше томиться здесь, надо двигаться на Светлое! Виктор подходит к толпящимся у тележки с газированной водой людям и расспрашивает дорогу на Светлое...

Двадцать пять километров! Для машины это суший пустяк, а пешком... Всё равно надо идти! Он выходит из посёлка, долго шагает вдоль бесконечно длинного заводского забора, бредёт по серой, пыльной ленте дороги.

Больница даёт о себе знать: уже через полчаса он весь покрывается потом, дышит тяжело, ноги становятся зыбкими и слабыми. «Хоть бы попутная попалась!» — думает он, оглядываясь. Дорога пуста, ни одной машины не видно. На склоне пологой горы ослепительно белееет гряда

многоэтажных домов посёлка. Лучше ему было остаться в посёлке...

Понурившись, Виктор шагает дальше. Звонко погрохатывая гусеницами, навстречу ползёт трактор. Виктор окидывает его равнодушным взглядом, но глаза останавливаются на грузовике, прицепленном к трактору. Инстинктивно он всматривается в номер на борту машины. Цифры видно слабо, они выглядят какими-то размытыми, неясными. С трудом удаётся разобрать: 14-45. Появление этих цифр так неожиданно, что несколько секунд Виктор стоит неподвижно, не веря своим глазам, потом сбегает с обочины, догоняет уже проехавшую мимо машину и отчаянно стучит в дверцу.

— В чём дело? — выглядывает Колокольцев.

— Стой! Стой! — кричит Виктор, шагая рядом с кабиной и поминутно оглядываясь назад, на борт грузовика, на размытый водой номер.

— А что такое? — вновь спрашивает Колокольцев, сердясь, что этот бесполокый встречный не понимает, что остановить машину невозможно: ведь она идёт не своим ходом, а на прицепе у трактора.

— Остановись! Будь другом, остановись! — продолжает упрашивать Бартенев.

— Да как же я остановлюсь, чудак! Не видишь, что ли? — злится Колокольцев, мотая головой в сторону трактора.

Виктор смотрит вслед «Сталинцу». Да, трактор... Он чувствует, что не в силах догнать его. Он вообще не в состоянии больше двигаться. Пошатываясь, колеблющейся походкой он бредёт к обочине и бессильно опускается на траву. Колокольцев и ребята следят за ним.

— Неладно что-то с ним, Анатолий Иваныч! — говорит Семён.

— Наверное, больной, — добавляет Павлик.

— Хватил лишнего, а не больной, — сердится Колокольцев, но всё же вынимает свисток, останавливает трактор, подходит к Виктору и строго спрашивает:

— В чём дело? Что случилось?

Виктор молчит. Он тяжело дышит, капли пота проступили на лбу.

— Да ты что, товарищ? Больной или хлебнул лишнего?

С усилением усмехнувшись, Виктор произносит: — Какой там хлебнул! Так вот пришлось... Не ждал свою машину встретить. Как обухом по голове ударило!

Протяжно присвистнув, Колокольцев с любопытством осматривает Барте-

— Так она твоя?!

Подходят остальные и молча окружают их.

— Моя, ребята, моя! Как только вы её раздобыли?

— Раздобыли, — сухо произносит Колокольцев. Он не любит аварийщиков, а этот парень, по его мнению, аварийщик из самых отчаянных — умудрился загнать машину

на дно озера. — Раздобыли, как не раздобыли! Только чего это стоило, вот в чём вопрос...

— Погоди, Анатолий Иваныч, — вмешивается Василий Дмитриевич, подошедший к ним. — Не тревожь парня! Сперва разберись, как и что, потом попрекать будешь. Семён! Быстренько тащи сюда ведро с водой! Напоить надо человека.

Виктор пьёт жадно и много, затем, оторвавшись от ведёрка, оглядывается на обступивших людей и смущённо улыбается:

— Оказывается, пить очень хотелось. Теперь лучше...

Они размещаются в машинах и продолжают путь. Впереди чернеют контуры завода, дымное облако, словно туча мошкеры, вьётся над ним. Тыгырь, отделяющий завод от посёлка, густо заполнен толпами людей: видимо, кончилась смена.

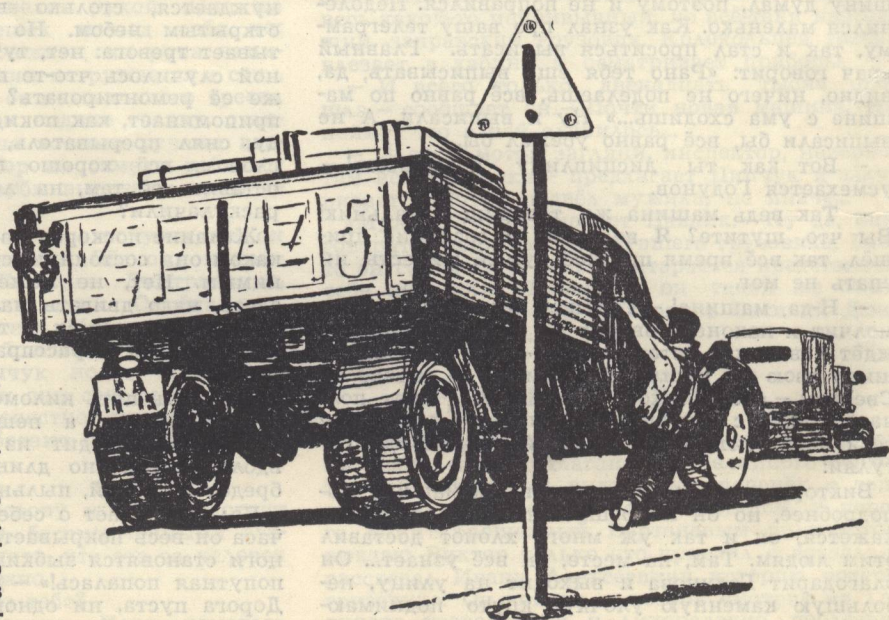
Павлик, опершись локтями на кабину, смотрит вперёд, на белеющий на тёмном фоне лесистой горы посёлок и думает: каким непохожим оказался водитель грузовика на того, которого он себе представлял, ничего общего с Василием Дмитриевичем! Совсем обыкновенный паренёк, немногим побольше Семёна. А уже работает на целине, водит машину...

Митя висит над бортом грузовика и слушает разговор, который происходит сейчас между Колокольцевым и Бартеневым, надеясь узнать какие-нибудь подробности из этой таинственной истории с грузовиком.

— Этот-то... Которого на дороге подобрали... Из больницы убежал... — докладывает он Павлику и продолжает слушать.

— Завтра машину перебирать будут... Рабочие нашей автобазы выйдут... Вроде воскресника... Сам Иван Алексеич сказал. Пойдём завтра, Павка? — Прислушавшись ещё, Митя с огорчением сообщает: — А про то, как машина на дно озера угодила, сам ничего не знает...

Машины выходят на улицы посёлка и под любопытными взглядами идущих со смены рабочих направляются к заводской автобазе.

— Остановись! Будь другом, остановись! — продолжает упрашивать Бартенев.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

К полудню просмотр и переборка грузовика закончены.

Смущённый Виктор Бартенев стоит рядом с машиной и пожимает протянутые к нему руки. Десятки рук, покрытых ссадинами и царапинами, в коричневых пятнах ржавчины и тёмных мазках мазута. Вот сколько ребят не пожалело выходного дня, пришло помогать ремонтировать машину! Сделали большое дело, а ему даже нечем отблагодарить!

— Извините, товарищи!

Слесари и шофёры видят его смущение и смеиваются:

— Ишь, красна девица, сконфузился совсем.

— У вас на целине все такие?

— Извините, товарищи! — повторяет Виктор, — Поблагодарить бы вас, да нечем. Весь я тут...

— А ты хлеба, хлеба побольше припасай!

— Осенью возить приедем — вот и отблагодарим.

— Хлеб будет, ребята, будет! Приезжайте, пожалуйста! — приглашает Виктор. — Спасибо вам, товарищи! Одному бы мне неделю мучиться.

— Это верно, один в поле — какой вояка, — басит Василий Дмитриевич, тоже явившийся ремонтировать спасённый им из подводного плена грузовик. — А целиннику как не помочь? Мы ваше дело понимаем, нелегко вам приходится. Ну, счастливого пути тебе, Виктор!

Шофёры и слесари гурьбой уходят из автобазы, а Виктор остаётся один с ребятами. Тихо на большом дворе автобазы, тесно уставленном машинами всех марок, систем и назначений. По-воскресному тихо и в заводском посёлке, который виден за решётчатым забором, только поставленный на крыше радиопула громкоговоритель могучим голосом ведёт рассказ о правилах ухода за кукурузой.

— Хороший народ у вас, ребятки! — замечает Виктор.

— Ничего себе народ, — кивает Митя.

Они все заняты переборкой снятого с машины груза. Митя усердно перегирает вынутый из распакованного ящика подшипник.

— И вы тоже хорошие, — неожиданно добавляет Виктор.

Он искренне взволнован той дружной помощью, которую ему оказали рабочие завода.

— Мы-то?

Ребята удивлённо переглядываются и смеются.

— В самом деле, ребятки, в самом деле! Здорово вы меня выручили, чего там и говорить!

Виктор знает, что машина обнаружена с помощью ребят. Если бы не они, — искали бы до сих пор, да и то неизвестно, как бы удалось найти.

— Какая наша помощь! — пожимает плечами Семён. — Поругались с Митькой — вот и нашлась машина. Только и дела.

Они усердно работают, перетирая и смазывая запасные части. Руки у всех густо покрыты солидолом, лоснятся, и блестят. Митя, несколько раз нерешительно взглянув на Виктора, набирается смелости и спрашивает:

— А как же машина в озеро попала?

— Разве ж я знаю, ребята? Только догадываюсь.

— А как вы догадываетесь? — спрашивает Семён. — Я вот тоже догадывался, да так ничего и не понял.

Он усмехается, вспомнив, как перетрусил, когда его под водой неожиданно толкнуло шофёрское сидение. Нет, он этого никогда никому не расскажет...

— Длинная история получилась со мной, ребята. Даже вспоминать не хочется... — Лица ребят так ясно выражают разочарование, что Виктор быстро говорит: — Ну да ладно, вот кончим погрузку, я вам попробую рассказать...

Они быстро погружают ящики в кузов и, когда всё готово, рассаживаются на лавки, и Бартенев начинает свой рассказ.

Алаганский совхоз лежит на юге области, километрах в трёхстах отсюда, в степных просторах Зауралья. Свезжаться туда народ стал ещё осенью прошлого года, и сразу начали строиться. Построили не так уж много: рядок саманных домиков, контору, два склада. Одну улицу усталили тремя десятками полевых вагончиков — вот и все здания.

Работы много, и больше всего у шофёров: надо возить и возить грузы. Всё нужно новосёлам: и строительные материалы, и семена, и машины, и продукты, и товары. Машин хотя и порядочно, но расстояния большие, и грузовики обычно исчезают из совхоза на несколько дней, а то и на неделю. Спасибо зиме: стоит она беснежная, тёплая. Ещё в феврале дороги такие, что не уступают летним, — как асфальт. В самые отдалённые уголки области можно забираться без риска застрять.

Виктор Бартенев — специалист по дальним рейсам, и ему поручили — это было в конце марта — вывезти запасные части из межрайонной базы, находящейся в глубине Урала, в горном городе Золотинске. Виктор был рад дальней поездке: в таком рейсе многое увидишь на незнакомой уральской земле. Интересные места, совсем не похожие на родную Украину...

Так вот, быстро собравшись, он покатил. Скрылась в степном просторе составленная из вагончиков улица «Целинная», исчезли саманные домики, и за ветровым стеклом открылась гладкая, ровная целинная земля, пересечённая до горизонта серой лентой дороги.

Снегу в степи мало, только корешки трав припорошены, а стебли стоят нетронутые, сухие и крепкие — такие, какими застали и загудили их морозы. День ясный, небо чистое, солнце висит низко. То впереди, то рядом мчится узкая и острая тень машины. Порой, когда машина взбирается на пригорок, она становится такой длинной, что кажется, вот-вот упрётся в горизонт.

К вечеру Виктор видит Уральские горы. Тёмной каёмкой они лежат у самого горизонта, похожие на скопившиеся там тяжёлые грозовые тучи. Всё чаще появляются деревни и рабочие посёлки, и Виктор, не останавливаясь, проносится по улицам.

Ночует он уже в горах, в посёлке известковых карьеров, а утром едет по горным дорогам, с двух сторон замкнутым в стены густого соснового леса. Подсевший в кабину попутчик — старичок в очках, местный учитель, — рассказывает, что сейчас они переедут границу, отделяющую Европу от Азии. На границе поставлен каменный столб.

— И далеко до него? — интересуется Виктор.

— Близко, совсем рядом. Вот по этой тропинке пройти немного — и белиск! Если есть желание, — полюбопытствуйте...

Они оставляют машину на дороге и по узень-

кой тропинке идут в лес. Белый восьмигранный обелиск поставлен на откосе железной дороги. На одной стороне — бронзовая доска с выпуклыми медными буквами «Азия», на другой — такая же доска с надписью «Европа». Буквы начислены и ярко блестят на солнце. Перед обелиском на путях у решётчатой арки с кроваво-красным глазом светофора стоит электропоезд и время от времени подаёт свои трубные сигналы, требуя дороги. Совсем недалеко, в тёмном сосновом бору, красиво белеет похожее на сказочный замок здание электроподстанции. Тишина такая, что ясно слышно, как гудят на подстанции трансформаторы.

Выкурив по папироске — половинку в Европе, половинку в Азии, — они возвращаются к машине и едут дальше.

А впереди всё горы и горы! Кажется, что им и конца не будет, что вовсе и нет на земле степных просторов. Перевалы становятся всё круче, мотор гнет с трудом, вниз тоже не скатиться без тормозов — так разнесёт, что потом никакие тормоза не удержат.

С последнего перевала перед Виктором открывается Золотинск. Это такой город, каких Виктору ещё не приходилось видеть: весь затолкан в горы. Крутые склоны обросли домами почти до самых макушек. Можно видеть, что делается в любом дворе. Улицы просматриваются от начала до конца.

В глубине ущелий, на самом их дне, правильными прямоугольниками раскинулись громадные цехи завода. Заводской двор покрыт сеткой железнодорожных путей, по ним снуют крохотные паровозики. Рядком стоят трубы мартенов, и чёрные, серые, рыжие и даже зеленоватые клубы дыма валят из них. Дым медленно поднимается над заводом, перекачивается над цехами и улицами, тяжело переваливает через горные вершины и исчезает в лесах.

На базе Виктор задерживается недолго: ему, как целиннику, груз отпускают без очереди. Присмотреть за погрузкой выходит толстый начальник базы в огромной ушанке, белых бурках и накинутом на плечи полушубке. Он долго расспрашивает Виктора о совхозных делах. Потом, зябко поёжившись, осматривает нависшие над городом горы и встревоженно говорит:

— А ведь неладно твоё дело, парень: метель будет.

День стоит такой ясный и прозрачный, что даже не верится, что существуют на свете какие-то там метели и бураны. Виктор недоверчиво смеётся:

— Что вы, товарищ начальник! Какая может быть метель в такую погоду?

— А ты на горы посмотри!

Что ж, отчего не посмотреть! Виктор оглядывает горы, но ничего особенного не замечает. Серебрятся на солнце облитые белой массой сугробов склоны. Ясно различаются на светлом фоне самые маленькие сосенки, весь лес точно просвечен солнцем. Кажется, что вся эта картина вычеканена из серебра и воронёной стали.

Тогда начальник показывает киевлянину на вершины: там между сосен на полянах и прогалинах колышутся белые тени снежных вихрей. Выходит, что там веет-задувает сильный северный ветер. Даже как-то странно: наверху уже бушует ветер, выметает из лесов снежную пыль, а здесь, внизу, хоть бы колыхнуло! Дым

Белый восьмигранный обелиск поставлен на откосе железной дороги.

из трубы ближайшего дома, не колеблясь, столбом поднимается вверх.

Начальник рассказывает, какие штуки выкидывает погода на Урале, и несколько минут Виктор колеблется: люди здешние, уральцы, причуды погоды им известны. Может быть, и в самом деле опасно выезжать в такое время? Дорога тоже мало знакомая, подъёмы да спуски. Но и оставаться рискованно: метель может затянуться, все дороги переметёт, тогда ещё труднее будет выбраться, насидишься в снегу. Нет, лучше ехать, чем пережидать; в метель не верится, и есть шанс проскочить горный район, а в степи, на привычных дорогах, будет легче...

— Так-то оно так, — соглашается начальник базы. — Проскочишь — твоё счастье. Не проскочишь — тогда держись!

— Надо мне привыкать к уральскому климату или нет, товарищ начальник? Верно ведь? — смеётся Виктор.

Простившись с начальником и грузчиками, Виктор повёл машину к горным перевалам.

В КАМЕННОЙ ЛОВУШКЕ

Ослепительно сверкает снег. Мартовское солнце днём припекало, верхний слой подтаивал, за ночь смерзало, и теперь поляны рядом с дорогой и белые пятна высоко в горах блестя, словно облитые глазурью, так что Виктору пришлось даже спустить щиток над ветровым стеклом, чтобы свет не так сильно бил в глаза.

Неожиданно и быстро, в какие-нибудь пять

минут, всё кругом потемнело. С севера надвинулась громадная туча. Чёрная, мрачная, она быстро застлала небо, закутала солнце, по накапанной дороге поползли и заструились белые хвосты позёмки. Даже сквозз рокот мотора стало слышно, как в какую-то щель громко посвистывает ветер. Правы были уральцы: метель надвинулась стремительно. Весенняя, неудержимая, разгульная метель...

Мрачно и пасмурно выглядит посёлок, в котором ночевал вчера Виктор. Выстроившиеся вдоль склона мохнатой горы домики рабочих известковых карьеров уже не сверкают окнами на солнце, как сверкали утром. Они тусклы и пасмурны, как это быстро помрачневшее, мутное небо.

Пригнувшись, навстречу ветру идёт вереница белых фигур, и трудно понять, отчего они белые — то ли от известковой пыли, то ли снег уже облепил их. Заслышав за собой машину, они сходят за обочину и ждут, когда она пройдёт. Один из рабочих, старик в большой мохнатой шапке, высокий и костистый, с раздуваемой ветром длинной седой бородой, машет рукой вперёд и что-то кричит Виктору, поднимая к небу морщинистое лицо.

— Без тебя, дедушка, знаю! — ворчит Виктор, поняв, что старик предупреждает его о надвигающейся непогоде.

Мелькает мысль: «Не остановиться ли, в самом деле? Вот доеду до переезда. Закрыт будет — поверну обратно, открыт — рискну поехать. Риск — благородное дело!» — успокаивая себя, загадывает Виктор. Он вглядывается в железнодорожный переезд: закрыт или открыт? Полосатый шлагбаум поднят вверх. Около него, отвернувшись от ветра, стоит женщина с флажками наготове: ждёт поезда. Женщина смотрит на грузовик и тоже что-то говорит, взмахивая флажком в ту сторону, откуда надвигается непогода. Но Виктору некогда обращать на неё внимание: он ведёт машину через рельсы, а за ними крутой поворот и спуск в какую-то ложбину.

Спустившись, Виктор вскидывает глаза и ахает: впереди всё исчезло, нет ни гор, ни лесов, ни дороги, стеной висит белая мгла, в ней крутятся вихри, словно вставшие на дыбы белые змеи. Невольно Виктор оглядывается: в заднее стекло видно, что у сторожки на переезде женщина торопливо вертит рукоятку и стрела шлагбаума опускается вниз: приближается электропоезд.

— Не судьба, значит, — усмехается Виктор. — Вперёд, так вперёд!

Машина ныряет во что-то такое, что иначе и не назовёшь, как снежным мешком. Видимость теряется, чуть различается радиаторная пробка. Над капотом крутятся снежинки, садятся, вновь испариваются, уносятся, появляются новые. Ветер в щели свистит всё отчётливее и отчётливее.

Машина идёт медленно, и так же медленно движется время. Виктор часто выходит из машины, ощупывает накат впереди — перед колёсами твёрдо, слой снега ещё не велик, надо полагать, с дороги не сбился. Вперёд он посматривает мельком, скорее по привычке, чем по необходимости: всё равно ничего не видно; главное внимание сосредоточено на лесных стенах, окаймляющих дорогу. Если лес виден на одинаковом расстоянии от машины, — значит, едет правильно, центром просеки, с дороги

не съехал. Скорость большую, понятно, не наберёшь: машину и так сильно встряхивает на ухабах, замаскированных снегом.

Виктору, привыкшему пролетать дороги по 30—40 километров в час, кажется нестерпимой та скорость, с которой он тащится сейчас. Так и подмывает прибавить газ, перейти на третью скорость, прорвать и сокрушить эту белую стену, сделавшую его почти слепым и беспомощным.

Но делать нечего, ускорять движение нельзя — лишь бы двигаться вперёд. Куда-нибудь он всё равно приедет, а там можно будет подумать, что предпринимать дальше. Однако куда девались дорожные приметы, которые он запомнил по пути в Золотинск? Что-то ни одна не попадает, и места кажутся незнакомыми. Или это всё изменила метель?

Он размышляет и едет, едет под вой ветра, под шорох пробирающейся в кабину метели, отгороженный от всего мира крутящейся завесой снега, один-одинёшенек. Становится немного грустно, хоть бы какого-нибудь попутчика посадить, всё-таки было бы веселее. Да кто пойдёт в такую погоду? Где-то теперь тот старичок-учитель, который показывал обелиск на границе Европы и Азии?

Внезапно Виктор всем телом чувствует, что машина накренилась вперёд и ползёт куда-то под гору. Впереди ничего не различить, видимость стала совсем плохой... Ну и что же, что машина ползёт? Дорога горная, ничего удивительного нет. Виктор успокаивает себя, но всё же сбавляет обороты, потом ставит мотор на холостой ход, выключает его, а машина всё-таки продолжает катиться. Виктор притормаживает, но это не действует, он пускает в ход ручной тормоз и тоже не может остановить движения машины.

Справа, совсем близко от бокового окна кабины, показывается кряжистый ствол толстой сосны и проплывает мимо в каком-нибудь полуметре от машины. Нависший над дорогой сук со скрежетом скребёт крышу и с треском ломается. Ещё какие-то сучья, помельче, хлещут по стёклам мохнатыми лапами. Виктор чувствует, как неподвижные, зажатые тормозами колёса сгребают под себя сугробы снега. Вместе со снежными валами машина ползёт и ползёт вниз.

Вопреки ожиданию всё кончается благополучно — скольжение прекращается, и впереди опять, насколько видно, лежит ровная местность, какая-то поляна. Что ж, попробуем поехать дальше! Виктор включает мотор, рывком легко выбирается из сугроба и катит дальше. Машина идёт хорошо, дорога ровная, и Виктор успокаивается.

Однако благополучие длится недолго: неожиданно Бартнев видит впереди гряду скал и еле успеваает взять вправо. Что ж, ничего особенного: когда он ехал в Золотинск, не раз видел нависшие над дорогой скалистые глыбы. Видимо, одна из них попала на пути...

И вдруг машину резко встряхивает, радиатор поднимается вверх, и перед ним возникает ещё одна скалистая гряда. Возникает она так быстро, что Виктор едва успеваает сбросить газ и нажать тормоз. Однако надо быть поосторожнее: врежешься так, что и щепок не соберёшь!

Он выходит из кабины, осматривает скалы. И в ту и в другую сторону гряде не видно конца. Как это его угораздило наехать на це-

лый горный кряж? Чего только не случается при такой погоде! Ветер порывами бьёт в лицо, оно сразу становится мокрым, и Виктор спешит в кабину. Надо отъехать назад, взять влево и попытаться объехать гряду.

Потихоньку он едет вдоль гряды. Но что это такое? Скалам не видно конца. Он поворачивает обратно. Вот и следы машины, здесь он наткнулся на скалы. Посмотрим, что делается дальше. Но и дальше нет ничего хорошего: каменная стена тянется и тянется вдаль, насколько только может видеть глаз. Что за напасть такая?

Остаётся одно: ехать обратно, отвести подальше машину и тогда разбираться, куда заехал. Виктор так и делает. Проходит минута, другая. Темнеет, следов почти не видно, приходится ехать наугад. И тогда дорогу вновь загораживают скалы. Да что это такое, в самом деле? Куда он попал? Какая-то каменная ловушка! Он начинает поворачивать налево — результат всё тот же: из снежной мглы встают безмолвные, каменные стены. В чём дело, наконец?

И тут происходит то, чего Виктор меньше всего ожидал, — глохнет мотор. Он пытается завести его стартером, заводит рукояткой — ни одной вспышки! Похоже, что прекратилась подача горючего. Он поднимает капот, собираясь проверить карбюратор, как вдруг вспоминает: он не заправлял машины с момента выезда из совхоза. Хотел сделать это в Золотинске, но поторопился выехать и тоже не заправился.

Он лезет в кузов и начинает искать канистру. Кузов густо засыпан снегом, ничего не видно. Куда он мог её девать? Виктор начинает припоминать и, вспомнив, вздрагивает, как от удара: канистра осталась там, на базе в Золотинске. Он снял её с кузова, чтобы не помяли при погрузке, а поставил обратно забыл: торопился выехать. Вот это номер!

Сразу, в одну секунду, положение становится отчаянным, гибельным. Что же он теперь будет делать? Виктор так ошеломлён неожиданным несчастьем, что бессильно опускается на покрытый снегом ящик с подшипниками и несколько минут сидит неподвижно, уставясь в окружающую его белую мглу. Как же он так оплошал? Ну да, это начальник базы его загворил, напугал метелью, он и позабыл погрузить канистру. Толстый чёрт! Где теперь взять бензин? И вообще, где он сейчас находится?

Здесь, в каменной ловушке, ветер слабее, чем на дороге, и сравнительно тепло. Слышно, как наверху, над обрывом, под напором ветра гудят сосны, как воздух свистит в ветвях, как со зловещим шорохом скользит по снегу позёмка. Дела! Нечего и рассчитывать, что кто-нибудь поедет в такую погоду. На помощь надеяться нельзя, надо спасать машину самому. Но в какую сторону направиться? Где теперь населённые пункты?

И вдруг до него доносится протяжный трубный звук. Он так отличается от гула сосен и свиста ветра, что Виктор сразу настораживается. Что это? Кто может так трубить? Старик-попутчик рассказывал о лосях. Неужели кричит лось?

Звук повторяется — необыкновенно низкий, густой, протяжный, он длится никак не меньше полминуты. Нет, никакое живое существо не способно издавать такие звуки. Кто же это

трубит? И Виктор вспоминает арку со светофором, у обелиска на границе Европы и Азии — точно так трубил электропоезд. Ну да, как он раньше не сообразил: это звучит сирена электровоза. И он представляет себе кабину электровоза, машиниста, нажавшего кнопку сирены и глядящегося в снежную муть. Ему тоже придётся нелегко — пробиваться с тяжёлым составом сквозь эту стену вздыбившегося снега.

— Спасибо, друг! — вслух говорит Виктор тому далёкому и неизвестному человеку, который подал ему, как руку помощи, перелетавший через леса и горы сигнал.

Теперь Бартенев уже не чувствует себя таким одиноким и беспомощным среди разбушевавшейся стихии. Там, за горами, на железной дороге, такие же, как он, транспортники борются с метелью, ведут свои составы, и он должен бороться! Надо идти в сторону железной дороги, добраться до какого-нибудь населённого пункта, достать бензин, завести машину и вывести её на дорогу. Сейчас он всё это сделает...

Но когда из радиаторного краника начинает вытекать спускаемая вода, Виктору опять становится тоскливо. Через несколько минут он покинет машину, и кто знает, когда увидит её опять. Вода вытекает в снег. Горячая, она выверливается в снегу тонкое и глубокое отверстие. Течёт, как кровь из раны. Чувство такое, будто это и в самом деле струится кровь из него, из Виктор, — так жалко покидать машину! Но ведь нет же, нет, он не покидает машину! Наоборот, он пойдёт сейчас добывать горючее, чтобы её спасти.

Взобравшись на обрыв, определив направление по сигналам электровозов, Виктор в последний раз оглядывается назад. Грузовик почти не виден: его уже закидало снегом. Как бы ему сейчас хотелось остаться здесь, с машиной! Но ничего не поделаешь, надо идти...

Страшно вспомнить, что это была за дорога! По прямой, наверное, не больше пятнадцати — двадцати километров, но путь кажется бесконечным: то и дело приходится обходить неприступные горы и бездонные балки, продираться через чащобу, которая в другое время казалась бы ему непроходимой, брести по нетронутому снегу, тяжёлому, как песок. Он скатывается в овраги, карабкается на склоны и всё прислушивается к трубным сигналам. Там, видимо, тоже трудно — трубят электровозы часто. Сигналы манят и зовут к себе: там люди, жизнь, свет, тепло...

Только под утро он выходит на железную дорогу и, совершенно обессилив, шатаясь, как пьяный, бредёт по пути. К счастью, это происходит недалеко от той будки на переезде, мимо которой он проезжал днём. Дежурная стрелочница замечает его и кричит:

— Эй ты! С рельсов уйди! Поезд идёт!

Бартенев не слышит и продолжает идти.

«Что с ним? — думает стрелочница. — И откуда только взялся?» Она подходит к нему и за рукав уводит с рельсов. — Ну, куда тебя занесло? Жизнь надоела? Попадёшь под колёса, я отвечу за тебя должна?

Бартенев, оглушённый грозным гулом, уже давно разламывающим ему голову, смотрит на женщину бессмысленным взглядом и с усилием выговаривает:

— Машина у меня... В лесу завязала... Бензина... нет ли?

То и дело приходится продира́ться через чащобу. Виктор ска-
тывается в овраги, карабкается на склоны.

Вид у него дикий и измождённый, и стрелочница догадывается, что с человеком что-то случилось. Сменщица, у которой она принимала смену, говорила, что перед метелью в горы прошла машина. «Уж не с неё ли он, сердешный?»

Она устроила обеспамятёвшего Виктора на лавке в своей крохотной будке. Когда в вихрях снега в горы уходит блистающий прожекторами электропоезд, она вызывает дежурного по разъезду и докладывает о пришедшем из лесу больном человеке. Приходят люди, увозят Бартенева на станцию, усаживают в пассажирскую электричку и увозят в областной город.

Он очнулся через много дней в железнодорожной больнице. Узнал, что приезжали представители совхоза, приходили работники областного управления милиции, но добиться ничего не могли: Бартенева сильно бредило. Начались поиски машины, но безуспешно...

Да и как было её найти, когда она стояла далеко в стороне от дороги, в одном из глухих заливов озера Светлого, укутанная в трёхметровые сугробы. Лесник захаживал сюда редко: нечего было ему здесь делать. А когда наступила весна, началось таяние, тяжёлый грузовик продавил лёд и ушёл под воду.

Странно слышать этот рассказ сейчас, когда над Уралом сверкает горячее, яркое лето. Маленькое раскалённое солнце заливает землю своими лучами, дышать нечем, и о зимних морозах вспоминаешь с удовольствием. Курилка, в которой сидят ребята, поставлена в тени громадной сосны, но всё равно жарко, ребята обливаются потом. Пока не закончился рассказ, никто из них не шелохнулся. Потом наступает долгое молчание. Слышно, как шуршит бумага. Виктор достаёт папироску, достаёт прямо из кармана, не вынимая пачки, как он привык делать во время хода машины.

— Всё дело в бензине, — говорит Митя. — Был бы бензин — вы бы выбрались из залива.

— Трудно сказать, ребята. Уж очень погода дурная была...

— Вам бы на кордон идти — от Скалистого недалеко, километра три. Обогрелись бы и не заболели, — замечает Павлик.

— Откуда же мне было знать про кордон?

— Да, конечно.

Опять молчание. Семён, что-то напряжённо разгадывавший, вдруг начинает тихонько смеяться. Это так не похоже на него, всегда серьёзного и немного угрюмого, что ребята смотрят на него удивлённо.

— Чего ты, Семён?

Семён ничего не может ответить, его всё больше разбирает смех.

— Дурак я, ребята! Ох, и дурак! — наконец произносит он. — А я-то себе голову ломаю: как машина добралась до залива? По воде — не может быть, она не пловучая; с гор скатиться — тоже не может, лес кругом. А про зиму и забыл совсем! По льду пришла!

Он опять хохочет, сквозь слёзы говоря:

— Просто-то ведь как! А вот раньше не сообразил!

Ребята и Виктор тоже смеются, но не над словами Семёна, а над его потешным видом. Да, теперь всё ясно: за железнодорожным переездом, попав в снежный мешок, Виктор незаметно свернул с тракта в какую-то другую просеку, скатился в Светлое и по льду въехал в Скалистый залив.

Они обсуждают эту простую и совсем не таинственную историю появления грузовика на дне Скалистого залива, пока не приходит Колокольцев. Поздоровавшись и деловито осмотрев грузовик, он вручает Бартенева документы и спрашивает:

— Заводить пробовали?

— Пробовали, Анатолий Иванович.

— Как?

— Как зверь, лучше не надо. Сделано на совесть, — одобряет Виктор.

Несколько мгновений Колокольцев и Бартенева, улыбаясь, молча рассматривают друг друга.

— Ну вот, — говорит Колокольцев, — и кончились твои мучения.

— Так точно, кончились, — отвечает Бартенева.

Помолчав, спрашивает: — Можно трогаться, товарищ инспектор?

— Можно, поезжай!

У Мити и Павлика расстроенные лица, Семён хмурится, глядит исподлобья: вот сейчас Виктор сядет в кабину и уедет. Уедет грузовик в совхоз, и они больше его никогда не увидят. А они так привыкли к нему, он заполнял все их мысли в эти дни, они приобшились к жизни взрослых, увидели другой мир — мир упорного, всё преодолевающего труда. Жалко, что всё это сейчас кончится: уедет Виктор — и всё, конеш!

Бартенев тоже почему-то медлит. Он долго застёгивает пуговицу нагрудного кармана, в который уложены документы, и о чём-то размышляет. Повидимому, он чувствует себя в неоплаченном долгу перед этими ребятами, нашедшими и вытаскившими его машину из лесных дебрей. Надо бы для них что-нибудь сделать, но у него нет с собой ничего, что бы он мог им подарить.

— Ладно, ребята, я вам в следующий раз привезу подарки. Поеду в рейс и завезу, — смущённо говорит он.

— Новости! — фыркает Митя. — Мы не маленькие...

— Даже обидно, — бормочет Семён. — Как будто мы так просто не можем...

— Маленькие, не маленькие, а помогли. Спасибо вам за всё!

Семён оглядывается на товарищей, те смотрят на него: ты старший, ты и отвечай в эту торжественную минуту расставания! Семён и рад бы сказать Виктору что-нибудь позадушевнее, но, как назло, все хорошие слова исчезли и никак не приходят на ум.

— Да мы... понимаем же... целина-то для нас, чтоб нам лучше было... И вам там нелегко — тоже понимаем. Как же не помочь? Всякий бы помог, чего тут и говорить... Ведь мы... — Он размышляет, отыскивая нужное слово, которым можно было бы покрасивее выразить те чувства, которые переполняют его сейчас. Наконец находит его: — Ведь мы — советские, одной семьёй живём. Верно?

— Верно! Мы — советские, — почему-то вздохнув, кивает Бартенев и пожимает тонкие, исцарапанные, с раздавленными мозолями, покрытые солидолом мальчишеские руки. — До свидания, ребята, до свидания! Выпадет дорога — приеду к вам! Обязательно заеду!

— Заезжайте, Витя, заезжайте!

Мотор рокочет, и грузовик трогается в путь. Сторож снимает цепь, протянутую поперёк ворот, машина выкатывается из автобазы, поворачивает направо, спускается вниз, к проспекту. Там в это время проходит длинная, из нескольких десятков, колонна новых грузовиков: бригада шофёров из какого-то восточного совхоза самоходом ведёт полученные на заводе машины на место работы. На бортах мелом написаны номера и одно слово: «Транзит».

Грузовик Бартенева приостанавливается и сигналист. Одна из машин колонны замедляет ход, открывается просвет, и Бартенев проворно

вводит в него свою машину. Она становится сразу такой же простой и будничной, как и грузовики колонны, как будто с ней никогда ничего не случилось. И только ребята, всё ещё молча следящие за своим грузовиком, знают, что произошло с ним там, на озере Светлом, в угрюмом Скалистом заливе.

Митя и Павлик сбегают вниз, на проспект, но Бартеневской машины уже не видно. Подходят Колокольцев и Семён. Колонна катится мимо них, рокоча моторами, как будто это не отдельные грузовики, а одно целое, один громадный механизм. Шофёры узнают Колокольцева, кивают ему: всех их он готовил к дальней дороге, все машины снабдил транзитными номерами. Потом проходит последний грузовик, гул смолкает, и на проспекте слышны только говор празднично одетых гуляющих людей и порох подошв на асфальте. Маленькое, невыносимо яркое солнце обливает своим ярким светом зелёные горы, виднеющиеся за домами, белоснежные дома на склонах горной гряды.

— Пусто как стало! — с сожалением говорит Павлик, вглядываясь в ту сторону, где за посылком исчезла колонна грузовиков.

— Жалко машины! Правда, Семён? — поблескивая влажными глазами, спрашивает Митя.

— Вот ещё! Нашёл чего жалеть! — хмуро отзывается Семён. — Человеку помогли — это да! А на жалости наплевать!

Митя с сомнением смотрит на приятеля. Впервые за всё время дружбы у него возникает мысль, что Семён говорит не совсем то, что думает, и ему жалко машины, только не хочет признаться.

Колокольцев тоже задумчив.

— Поговоришь вот так с целинником — и самому охота туда уехать. Так и тянет, правда! — говорит он, ни к кому не обращаясь.

Семён быстро вглядывается на Колокольцева и криво усмеяется:

— Я уж просился у Виктора.

Ребята удивлённо смотрят на него: когда он успел?

— На целину? — спрашивает Колокольцев, да так спокойно, словно это самое обыкновенное дело. — И что же он тебе сказал?

— А чего он скажет? Известно, учиться, говорит, тебе надо. А у них школы нет ещё. Так и не взял. «Подожди, — говорит, — я всё разузнаю и тогда тебе напишу».

— Меня-то возьмут, — говорит Колокольцев.

— Вас возьмут. Вы взрослый, — соглашается Семён.

Они умолкают. Молчат и удивлённые ребята.

— Наскучаемся теперь! — сердито говорит Митя. — То хоть дело было, а сейчас...

— Пошли-ка лучше купаться! — обрывает его Семён. — Анатолий Иваныч, пойдёте с нами? — Пожалуй...

Они отправляются на водную станцию, устроенную на пруду. И, купаясь, то и дело вспоминают те пять дней, когда они возились с затонувшим грузовиком. Вот это была жизнь, настоящая большая жизнь взрослых! Как жаль, что она так скоро закончилась!

ВАРШАВА ЖДЕТ ГОСТЕЙ

Эдвард Карлович,

редактор польского журнала «Свят»

Дом № 17 по улице Груйецкой в Варшаве построен недавно, но писемосцы хорошо знают этот адрес. Уже который месяц они ежедневно приносят сюда полные сумки писем. На конвертах можно увидеть почтовые марки Китая и Аргентины, Советского Союза и Мексики, Финляндии и Цейлона, Италии и Венесуэлы, Алжира и Ливана.

Что же это за дом? Почему, словно сговорившись, пишут сюда люди со всего земного шара?

Потому что здесь работает Международный подготовительный комитет V Всемирного фестиваля молодёжи и студентов. В ста двадцати странах земли молодёжь усиленно готовится к встрече в августе в Варшаве.

Международный подготовительный комитет подробно отвечает на все письма. Не удивительно, что ещё больше писем, брошюр, журналов и бюллетеней — больше, чем их поступает в комитет, — ежедневно уходит из Варшавы во все уголки нашей планеты — к чёрным, белым и жёлтым друзьям, которые хотят встретиться на фестивале.

Зачем же устраивается V фестиваль, праздник молодёжи всего мира? Что связывает этих юношей и девушек, которые из всех частей света, преодолевая тысячи преград, соберутся в Варшаве?

Их связывает дружба, стремление к миру, к счастью, к справедливости, твёрдая воля бороться против тех, кто хочет разжечь новую чудовищную войну.

Враги мира и дружбы народов на каждом шагу стараются помешать этой мирной и радостной встрече молодёжи. За время подго-

Это заново отстроенная Маршалковская улица — главная улица Варшавы.

товки к фестивалю то и дело приходили в Варшаву тревожные вести из разных стран. То в одной стране правительство арестовало всех членов национального Подготовительного комитета; то другое правительство не захотело дать выездных виз делегатам, избранным на фестиваль; а в третьей стране арестовали нескольких молодых людей только потому, что у них оказались газеты с программой фестиваля. Но молодёжь боролась. Мужество, энергия, сплочённость помогли ей победить все препятствия.

Организаторы фестиваля ещё не могут точно сказать, сколько юношей и девушек из разных стран будет участвовать в фести-

вале. Ожидается, что в этой братской встрече примет участие не меньше 30 тысяч человек. Из Советского Союза, из Китая и стран народной демократии приедет 8 тысяч делегатов. Из Западной Германии и Германской Демократической Республики — 3 тысячи, из Англии — около тысячи; от азиатских стран должно быть 1 500 участников, от Америки — тысяча, от Африки — около 500.

Столица Польши с любовью и заботой готовится к фестивалю. Ещё в прошлом году, как только пришла весть, что он будет проходить в Варшаве, началось строительство центрального стадиона. Это не простое дело — построить стадион на 80 тысяч зрителей за такой короткий срок! А тут ещё зимой на строительстве вдруг вспыхнул пожар. Он уничтожил часть сооружений. Казалось, времени, расчитанного по дням и часам, теперь не может хватить, чтобы закончить стадион в срок. Но молодые строители напрягли все силы, удвоили скорость работы и уже к апрелю наверстали упущенное, словно и не было никакого пожара.

Одновременно со стадионом в Варшаве строились и другие спортивные сооружения: мотовелодром на 30 тысяч зрителей, новые

плавательные бассейны, летний трамплин для лыжников. Величественный Дворец культуры и науки — братский подарок советского народа народу Польши — раскроет свои чудесные залы для участников фестиваля.

Чтобы гостям было уютно и удобно, в двух районах столицы строятся специальные фестивальные городки со столовыми, клубами, парикмахерскими, спортплощадками, санитарными постами, киосками, буфетами.

Но самое удивительное, самое волнующее и прекрасное из всего, что варшавяне готовятся показать своим молодым гостям, — это сама Варшава.

Город, превращённый гитлеровцами в груды кирпичей, город, где враг безжалостно сравнивал дома с землёй, возрождается, отстраивается заново с чудесной, невероятной скоростью. Словно в сказке, встают из развалин дом за домом, улица за улицей. Делегаты увидят красивую, уже целиком отстроенную артерию — Краковское Предместье — Новый Свят — Аллея Сталина, которая пересекает город с севера на юг. Они смогут полюбоваться совсем новыми большими жилыми районами — Муранов, Прага, Млынов, Охота, Миров, Коло, Мокотов. Несомненно, они посетят заботливо восстановленное с ревнивой и строгой точностью чудесное Старе Място — Старый Город, самую древнюю часть Варшавы, где каждая улица, каждый дом, каждый камень — памятник многовековой истории Польши, её национальная гордость и слава. Побывают гости и на оживлённой широкой трассе Восток—Запад, и в наших замечательных музеях, и в восстановленных в прежнем их виде театрах, и в бурлящих жизнью институтах, и на тихих бульварах над Вислой.

Однажды в Польском оргкомитете V фестиваля произошёл спор: как лучше и интереснее рассказать гостям о том, сколько сделано для восстановления Варшавы? И вот явилась мысль поместить на всех больших улицах щиты с фотографиями тех же улиц в 1945 году, когда Варшава ещё лежала в развалинах. Так и решили сделать. Сейчас уже готовы огромные фотографии в 16 квадратных метров каждая. Участники фестиваля увидят мрачную картину уничтожения — дело рук фашистских варваров — и рядом с этим полные движения и жизни улицы восстановленного города.

Прекрасна Варшава после десяти лет строительства! Но жители столицы и в первую очередь молодёжь хотят, чтобы к приезду дорогих гостей она стала ещё прекрас-

Почтовое отделение при Международном подготовительном комитете фестиваля. Каждый день отсюда уходят письма во все уголки мира.

нее. Вот почему с таким увлечением и подъёмом работают сейчас молодые варшавяне во всех уголках города. Возникают новые скверы и газоны, приводятся в порядок парки и сады, готовятся украшения, которые в радостные дни фестиваля расцветят город.

Почти все делегации привезут с собой специальные концертные программы — песни, танцы и музыку своих стран. Во время фестиваля состоится четыреста семьдесят концертов с национальными программами и сто пять международных концертов. Выступления артистов будут проходить не только в концертных залах и на стадионах, но и на специально подготовленных открытых эстрадах, которые строятся во всех районах города. Разнообразная художественная и спортивная программа фестиваля пополнится ещё массовыми состязаниями, вечерними зрелищами при кострах и с факелами, выступлениями двадцати трёх театров и трёх цирков (польского, венгерского и международного), а также дружескими встречами делегатов различных стран, выступлениями, развлечениями, прогулками и экскурсиями.

Организаторы фестиваля подумали и о том, чтобы делегаты смогли увезти с собой красивые вещицы в память о варшавском фестивале. Образцы этих изделий созданы польскими художниками, студентами художественных школ и народными мастерами. Гости увезут домой на память о фестивале яркие платки и косынки, оригинальные шапочки, памятные значки, вышитые салфетки, пепельницы и вазы, украшенные национальным орнаментом, открытки с портретами Мицкевича и Шопена, фестивальные портсигары, альбомы, куклы, веера. Кроме того, группы Союза польской молодёжи готовят по всей стране тысячи подарков для гостей.

Близится время, когда серебряные фанфа-

Старе Място восстанавливается во всей его древней красе. Даже фонари на улицах ставятся не литые, а кованные, как в старину.

ры торжественно возвестят начало замечательного праздника юности. В Варшаве, которая сегодня стала символом мирного, созидательного труда, подадут друг другу руки молодые люди разных рас и разных народов во имя братства всей молодёжи, борющейся за справедливость, свободу и счастье.

Перевёл с польского
Я. Немчинский.

Варшава. 1955 год.

НА ФЕСТИВАЛЬ В ВАРШАВУ!

Дружба

Есть страны, где юношей и девушек, готовящихся к фестивалю, арестовывают и сажают в тюрьму. Есть страны, в которых молодёжь должна тайком переходить границу, чтобы попасть на фестиваль. А есть страны, где молодёжь просто не имеет денег на дальнюю дорогу. Как же помочь своим посланцам доехать до Варшавы?

Молодые голландцы придумали очень хороший способ собрать средства для поездки на фестиваль. Они выпустили маленькие разноцветные марочки вроде почтовых. На одних нарисованы мексиканцы в широкополых шляпах, на других — весёлый хорвод молодёжи, на третьих — китайские танцовщицы в вихре разноцветных лент, на четвёртых — спортсмены в стремительном беге. И на каждой марке написано:

«Wereldjeugdfestival 1955»
«25 cent.—2 km. naar Warschau».

Это значит: «Всемирный фестиваль молодёжи 1955». «25 центов=2 километра к Варшаве». Кто покупает такую марку, тот помогает делегату проехать два километра.

Молодые рабочие большого завода в английском городе Манчестере каждую неде-

Это одна из марок, выпущенных молодыми голландцами. Видите? На ней нарисованы поезд и пароход с делегатами, которые едут в Варшаву.

лю откладывали на дорогу делегатам фестиваля по шиллингу из своего заработка.

В одном маленьком и бедном посёлке шотландских горняков каждая семья отдала небольшую сумму из своих скудных средств, чтобы помочь делегатам, едущим в Варшаву.

Ещё труднее юношам и девушкам, которые должны добираться в Варшаву из тропических джунглей Южной Африки, с берегов Нила, из песков Судана и Марокко. Долг и труден их путь! Целого года тяжёлой работы не хватило бы, чтобы оплатить его. Но у них есть верные друзья. Молодые шведы, продавая утиль, собирали средства для делегатов Судана. Финские юноши и девушки трудились в портах на погрузке пароходов, чтобы заработать на дорогу делегатам Сенегала. Молодые английские рабочие позаботились о делегатах Кении и Малайи. В городах и сёлах Чехословакии на каждом своём собрании молодёжь пускала шапку по кругу. Окончив путешествие, шапка возвращалась, до краёв наполненная деньгами, а деньги шли в «фонд солидарности» для посланцев других стран.

Если сложить путь всех делегатов до Варшавы, получится большее расстояние, чем от Земли до Луны. И всё же каждому делегату обеспечен приезд в Варшаву на V Фестиваль! Об этом позаботились друзья.

«Поющий голос Японии»

Так называется молодёжный хор страны, которая уже в прошедшую войну стала жертвой атомной бомбы. «Поющий голос Японии», сильный и смелый, зовёт к борьбе против новой войны:

«Атомная бомба — никогда...», «Мы защищаем мир...», «Реки и горы нашей страны...». Эти песни японской молодёжи будут звучать в Варшаве и полетят вокруг всего земного шара.

Из-за тюремной решётки

«Дорогие друзья!

Это письмо мы пишем изуродованными руками, скрываясь от строгого надзора тюремщиков. Пусть наш голос дойдёт из этой тюрьмы до вашего слуха, до слуха всей молодёжи мира...

Мы, несколько сот молодых людей, вместе с нашими старшими товарищами заключены в одну из тюрем Тегерана. Среди нас есть рабочие, крестьяне, артисты, поэты, студенты — люди разных слоёв населения. Но всех нас обвиняют в одном и том же «преступлении» — мы любим свой народ и боремся против колониализма. С нами находятся и участники фестиваля, состоявшегося в Бухаресте. Все они были арестованы одновременно. Некоторые приговорены к десяти годам тюрьмы.

Вина этих людей заключается лишь в том, что они познакомились с молодёжью Советского Союза, Китая и других стран и веселились вместе с ними. Здесь, в тюрьме, они часто рассказывают нам о чудесных днях IV Фестиваля...

Это письмо из Ирана. Иранское правительство жестоко расправилось с участниками прошлого фестиваля. Но молодёжь не запугаешь! Её стремление к дружбе, к счастью, к миру не заглушишь, не убьёшь. Оно сильнее тюремных решёток. Молодые иранцы и на V Фестиваль послали своих представителей.

«Трофей мира»

В Италии десятки тысяч юношей и девушек готовят к фестивалю «трофеи мира». Это картины молодых художников, песни, стихи, рассказы, скульптуры, которые прославляют мир и служат оружием против войны. А самый главный «трофей мира» — подписи под Венским воззванием; подписи людей, которые говорят «нет» атомной бомбе и возрождению гитлеровских дивизий.

Молодые итальянцы решили собрать к фестивалю два с половиной миллиона подписей.

Послан лучший

Демократическая молодёжь Индийской провинции Бихар, готовясь к фестивалю, решила своими руками построить школу в деревне Кохаран. Лучший из молодых строителей школы приедет на фестиваль.

Десять песен

Во Франции есть хор. Он славится на всю страну и носит имя, которое чтит каждый честный француз. Это имя семнадцатилетнего героя Ги Мокэ, патриота-подпольщика, казнённого фашистами во время оккупации.

Сорок певцов хора Ги Мокэ — молодые рабочие и работницы, железнодорожники, конторщики, ремесленники. Они собирают и разучивают песни своей страны. Весёлые и грустные, нежные и мужественные, задорные, насмешливые и задумчивые, эти песни воплощают в себе душу французского народа. Десять лучших народных песен хор, носящий имя героя, везёт на фестиваль.

«Мир, в котором мы живём»

Так называется выставка, которую покажет на V Фестивале советская делегация. Эта выставка раскроет участникам фестиваля чудесный и светлый мир, в котором живёт молодёжь нашей страны, мир, в котором нет безработицы, нет порабощения человека человеком, мир радостного труда, величественных строек, смелых мечтаний, ставших явью.

Выставка покажет, как работает, учится и отдыхает советская молодёжь во всех уголках большой Советской страны. Молодой бетонщик-строитель с Куйбышевской ГЭС, украинская колхозница, рабочий большого уральского завода, рыбак с берегов Тихого океана, кузбасский шахтёр, полярник, узбекская актриса, молодой учёный, комсомолец-тракторист из нового совхоза, недавно родившегося в Кулундинской целинной степи, — вот герои выставки. Их жизнь — это жизнь миллионов юношей и девушек нашей страны.

ОХОТНИКИ ЗА ЯЩЕРОМ

Рассказ М. Зверева.

Рисунки А. Ливанова.

Находка

Небольшая бетпак-далинская зоологическая экспедиция только под вечер дошла до зарослей боялыча и саксаула. Здесь можно было набрать сколько угодно дров и сварить ужин на костре.

— Привал на ночёвку! — крикнул начальник экспедиции зоолог Виктор Алексеевич Селевин.

— Чёк, чёк! — закричал проводник экспедиции Толубаев, дёргая за повод своего верблюда. Усталое животное послушно легло. Остальные верблюды тоже легли, и участники экспедиции занялись каждый своим делом. Второй проводник, пожилой казах Кисанов, ловко развязывал волосяные арканы и снимал вьюки. Селевин и студент-практикант Борис быстро установили палатку. Застучал топор. Вскрывались банки с консервами для ужина. За несколько минут площадка приобрела обжитой вид.

— Экономьте воду, товарищи, — предупреждал начальник экспедиции, — до реки нам остался ещё большой дневной переход, а вода на исходе. — Он уселся у входа в палатку и занялся очередными записями в дневнике.

Когда стемнело, у костра собрался весь отряд. Все набросились на ужин с аппетитом людей, которых целый день пекло солнце, жёл раскалённый ветер и укачивали до тошноты «корабли пустынь» — верблюды.

Уже почти месяц путешествовал отряд в пустыне, и на днях работа его должна была закончиться. Исследователи нанесли на карту места, где можно будет развернуть дополнительный промысел сусликов и других животных. А какие огромные стада сайги встретились по пути!

Запрет охоты на сайгу уже оказывал своё действие.

Беседа у костра затянулась до позднего вечера. После ужина все уснули, утомлённые большим дневным переходом. Костёр погас. Привязанные верблюды лежали около палатки, тяжело вздыхая и шумно пережёвывая жвачку. Тишину ночи не нарушал больше ни один звук. Только после полуночи где-то далеко заухал филин.

Под утро сильно похолодало. На рассвете проводник вылез из палатки и принялся раздувать костёр. Вскоре весёлый огонёк забегал по хвосту, и над костром повис чайник.

Вслед за проводником проснулся Борис и отправился собирать дрова. Ночная жизнь пустыни оставила свои красноречивые записи крохотными ямками множества следов. Вот здесь пробежали по песку жуки-чернотелки, змея провела извилистую бороздку, а дальше рассыпью шли тысячи следов ежей, ящериц и песчанок — мелких зверьков, похожих на сусликов. С рассветом все эти жители пустыни скрылись в норках и зарылись в песок. Остались только их следы, словно рябь от крупных капель дождя.

Едва показалось солнце, как от слабого ещё ветерка небольшие холмики закурились песочным «дымком». Через час ни одного следа не останется на песке.

Борис набрал охалку хвоста и направился к лагерю. Проходя мимо небольшого обрыва, студент заглянул в него и увидел толстые кости ног и позвонки шеи, повидимому, остатки скелета какой-то огромной птицы.

Борис бросил хворост и быстро пошёл к лагерю.

— Виктор Алексеевич! — сказал он, просовывая голову в палатку. — Я нашёл кости какой-то огромной птицы. Совсем как страус!

Через несколько минут все уже были около находки. С одного взгляда Селевин понял, что она имеет огромную научную ценность.

— Товарищи! Да это же скелет гигантского первобытного ящера траходонта! Он жил на земле шестьдесят пять миллионов лет назад. Полного скелета нет ни в одном музее мира! — От волнения у Виктора Алексеевича перехватило дыхание, и он закашлял.

Все столпились около диковинного скелета. Борис принёс аппарат и сделал несколько снимков со всех сторон. Затем он сфотографировал общий вид ландшафта: границу ровной пустыни перед началом песчаных барханов, уходящих вдаль.

— А это что выглядывает из песка? — воскликнул Борис. Около скелета в песке виднелся какой-то круглый серый предмет.

— Несомненно, это — окаменелое яйцо ящера! — взволнованно пояснил Виктор Алексеевич, бросаясь к новой находке.

— Товарищ начальник! — проводник коснулся рукой плеча Селевина. — Ехать надо. До реки шибко далеко, не дойдём до вечера. Что без воды будем делать?

Зоолог вскочил на ноги.

— Да, да, конечно, пора!.. Но мы вернёмся сюда, как только пополним свои запасы воды, вернёмся и выкопаем скелет.

— Как же мы найдём это место, ведь наши следы занесёт песком? — спросил Борис.

— А мы на бархане сигнал поставим, — сказал проводник.

После отъезда экспедиции около места стоянки осталась трепещущая на ветру белая простыня, крепко привязанная к кусту самого высокого саксаула на бугре.

Только после полудня белая точка на горизонте как будто стала растворяться в колеблющихся струях раскалённого воздуха.

Зоолог беспокоился: «Найдём ли мы ящера? Простыню видно только километров за пять во все стороны. Если даже уклониться немного в сторону...»

— Товарищ начальник! — прервал его мысли проводник. — Второй сигнал надо ставить. Первый стал плохо виден.

— Да, да, конечно!..

«Как я сам не сообразил...» — подумал про себя Селевин.

Вторую простыню прикрепили на вершине песчаного бархана к кусту тамариска. Спустя три часа позади осталась третья простыня. Её было видно до самого вечера.

Сумерки наступили раньше, чем экспедиция добралась до реки. Пришлось ночевать без воды. Утром чуть свет тронулись дальше «натощак». Когда скрылась за горизонтом последняя простыня, далеко впереди блеснула наконец река.

Верблюды сразу прибавили шаг, и через час все жадно пили, припав к быстрым струям реки.

Река в пустыне — это совсем не то, что обычная река. На её берегах нет ни

лугов с пышными травами, ни кустарников с певчими птицами. В нескольких метрах от берега уже ничто не напоминает о том, что находишься около реки.

Река течёт среди раскалённых барханов, с каждым километром делаясь всё мельче, и, наконец, совсем теряется в песках.

Весь остаток дня отдыхали на берегу реки. К скелету ящера решили выехать завтра с рассветом, взяв с собой недельный запас воды.

Песчаная буря

Вечером все собрались у входа в палатку. Ужин был необыкновенный: уха из свежей рыбы! У запасливого проводника оказались с собой рыболовные крючки, и они с Борисом без труда наловили рыбы.

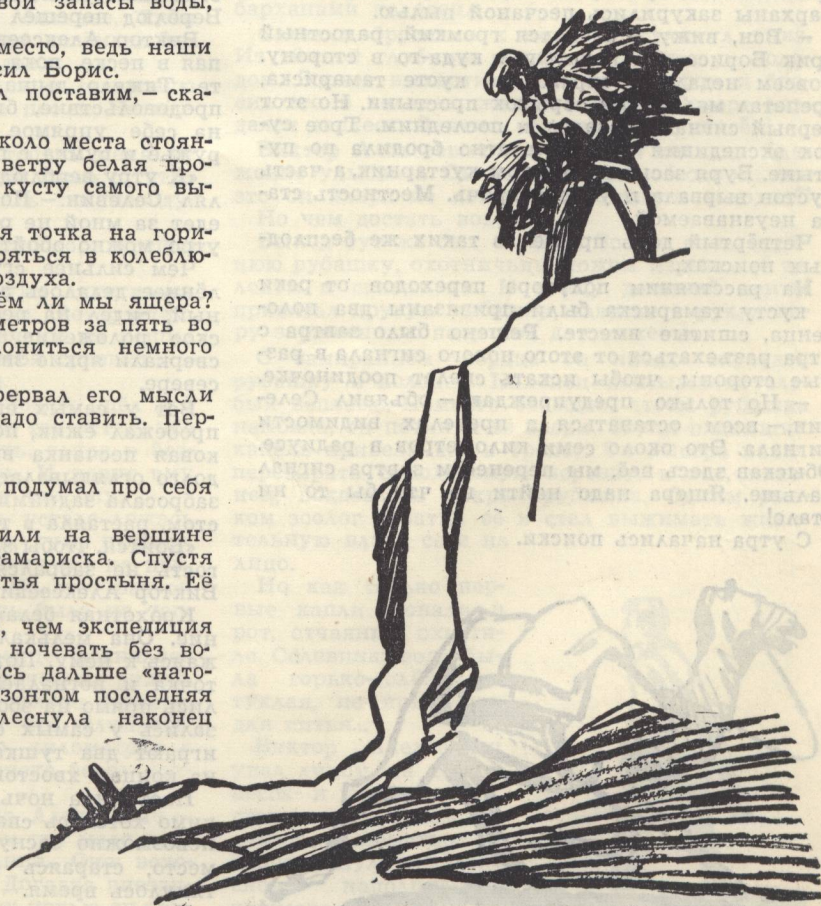
— Не нравится мне, что сегодня песчанки не свистят, — мрачно сказал Кисанов, сплёвывая мелкие рыбы кости. — Как будто вымерли все!

— Да, действительно, — ответил Виктор Алексеевич, — обычно они бегают до самой темноты. Что это сегодня с ними?

— Погода переменится, — уверенно сказал Кисанов, — это верная примета.

— Но ведь закат сегодня такой же, как и вчера и вообще как все эти дни, — возразил Виктор Алексеевич.

Проводник ничего не ответил.

Улеглись рано, сразу после ужина. Под утро всех разбудил ураган. Палатку сорвало бешеным порывом ветра...

В утренних сумерках все бежали, кричали, хватали вещи, относили их в одно место — под береговой обрыв — и укрепляли арканами... Верблюды легли спинами к ветру. Через несколько минут все собрались под защитой берега и накрылись палаткой.

Песчаная буря свирепела с каждой минутой, вздымая на реке волны с белыми гребнями и обнажая дно на мелких местах. Из-под палатки невозможно было даже нос высунуть. Всё скрылось в тучах песка и пыли. Песок скрипел на зубах, глаза слезились.

Весь день завывал ураган и только ночью начал стихать. К утру яркое солнце осветило совершенно новый ландшафт: барханы изменили свои очертания. Появились новые.

Много вещей унесло в реку. Всё утро ушло на приведение в порядок имущества и в сборах к походу. Участники экспедиции приуныли. Селевин не находил себе места.

«Конечно, наши простыни сорвало и унесло ураганом, — думал он, — как же мы найдём теперь ящера?»

Наконец тронулись в путь. Виктор Алексеевич тревожно осматривал горизонт с вершин барханов, но нигде не было видно оставленных сигналов.

Прошло несколько часов. Верблюды медленно брели по сыпучему песку. Жара нарастала. Барханы закурились песчаной пылью.

— Вон, вижу! — раздался громкий, радостный крик Бориса. Он показывал куда-то в сторону. Совсем недалеко, справа, на кусте тамариска, трепетал маленький обрывок простыни. Но этот первый сигнал оказался и последним. Трое суток экспедиция безрезультатно бродила по пустыне. Буря засыпала песком кустарник, а часть кустов вырвала и унесла прочь. Местность стала неузнаваемой.

Четвёртый день прошел в таких же бесплодных поисках.

На расстоянии полутора переходов от реки к кусту тамариска были привязаны два полотенца, сшитые вместе. Решено было завтра с утра разехать от этого нового сигнала в разные стороны, чтобы искать скелет поодиночке.

— Но только предупреждаю, — объявил Селевин, — всем оставаться в пределах видимости сигнала. Это около семи километров в радиусе. Обьскав здесь всё, мы перенесём завтра сигнал дальше. Ящера надо найти во что бы то ни стало!

С утра начались поиски.

Белый сигнал

Было около шести вечера, когда Селевин подъехал к гряде высоких барханов и поднялся на один из них. На горизонте едва виднелся белый сигнал у лагеря.

Виктор Алексеевич спустился с бархана, туда, где лежал и жевал жвачку верблюд. Зоолог уселся на него и потянул за повод. Животное медленно встало вместе с всадником. Селевин хотел повернуть к лагерю, но вдруг ясно увидел какую-то белую точку в противоположной стороне от лагеря. До неё было не менее пяти — семи километров.

«Надо посмотреть, — решил Селевин, — успею ещё до темноты. Может быть, это обрывок простыни около ящера. Обрато придётся ехать ночью, да ничего — верблюд сам найдёт дорогу к лагерю».

Однако до наступления темноты он не успел добраться до белой точки. Селевин положил верблюда, слез и, закинув ружьё за плечи, взобрался на бархан. Но сумерки быстро сгустились, и ничего нельзя было разобрать дальше нескольких сотен метров.

«Ночую здесь», — решил зоолог и спустился с бархана.

Верблюд между тем встал и, опустив голову, жевал какие-то колючки. Зоолог подошёл к нему и протянул руку к поводу. И вдруг верблюд резко поднял голову, круто повернулся и быстро зашагал по песку. Зоолог бросился за ним. Верблюд перешёл на рысь...

Виктор Алексеевич бежал за животным, утопая в песке, пока верблюд не скрылся в темноте. Тяжело дыша, зоолог остановился. Вода, продовольствие, бинокль, одежда — всё унесло на себе упрямое животное. Остались только ружьё и сумка с патронами.

«К утру верблюд вернётся в лагерь, — размышлял Селевин. — По его следам проводник придет за мной не раньше полудня. Одну ночь и утро можно обойтись и без воды».

Чем сильнее сгустились сумерки, тем оживлённее делалось вокруг. Зоолог, как зачарованный, сидел на песке, забыв про своё трагическое положение. В наступившей темноте засверкали яркие звёзды, совсем не такие, как на севере.

Вот у самых его ног поспешной иноходью пробежал ёжик, посапывая и пыхтя. Гребенщикова песчанка высунула из норы головку и долго оглядывалась. Затем она вылезла, быстро забросала задними лапками вход. Взмахнув хвостом, растаяла в темноте.

«Бойся, чтобы змея или другой непрошенный гость не забрался к ней в жильё», — подумал Виктор Алексеевич.

Крохотная белая точка привлекла его внимание. Она мелькала вдали, постепенно приближаясь к нему. Потом появилась ещё одна белая точка и погналась за первой. Вот они понеслись прямо на зоолога, и только когда они оказались у самых его ног, он разобрал, что это играют два тушканчика с белыми кисточками на концах хвостов.

Наступила ночь, холодная и тёмная. Нестерпимо хотелось спать, но в одной рубашке было невозможно заснуть. Зоолог ходил с места на место, стараясь согреться. Томительно долго тянулось время.

Под утро из-за барханов в багровом зареве

взошла луна. Она быстро стала подниматься вверх, ровным светом озаряя барханы, словно волны застывшего сказочного моря. Перед рассветом стало ещё холоднее.

Наконец ярко запылала заря. Солнце не встало, но уже сделалось светло. Дрожь от холода, Селевин поднялся на бархан.

«Воображаю, какой переполох поднимется в лагере, когда вернётся верблюду», — подумал зоолог. Он оглянулся. Отсюда хорошо видна белая точка, она совсем недалеко.

«Пойду туда, — решил Селевин, — проводник придет за мной только к полудню». И зоолог зашагал по сыпучему песку.

На горизонте показался ослепительный шар солнца.

«День будет опять жаркий и ветренный», — подумал Виктор Алексеевич.

Расстояния в пустыне для глаза обманчивы. Когда, изнемогая от жары, Селевин добрался наконец до цели, его разочарованию не было предела: перед ним был самый обыкновенный конский череп, выбеленный солнцем. Кто-то крепко насадил его на толстый сук тамариска. Даже ураганы не могли его сбросить.

Колодец в пустыне

Зоолог в изнеможении опустился на раскалённый песок. Кругом не было ни пятнышка тени, кроме той, которую он отбрасывал сам. Укрыться от палящих лучей солнца было нелегко. Между тем ветер становился всё сильнее. Тучи раскалённого песка, как снежная позёмка, быстро заравнивали ямки его следов.

Виктор Алексеевич перебрался в «ветровую тень» бархана и устало лёг на песок. Нестерпимо хотелось пить...

«Следы верблюда занесло, и теперь меня не скоро найдут, — думал он, — надо было с утра идти к лагерю и не растрчивать так необдуманно свои силы...»

Сказалась бессонная ночь: зоолог крепко уснул.

Проснулся он, когда солнце уже опустилось за горизонт, но было ещё светло. Ветер стих. Сон освежил Виктора Алексеевича, и он решил идти к лагерю. Чувствовал он себя сравнительно бодро, только мучила жажда.

Вскоре стало совсем темно. Зоолог шёл всё вперёд, но часа через два он уже так устал, что пришлось лечь и долго отдыхать, глядя в беззвёздное небо. Потом снова шёл. И вдруг ему показалось, что он идёт не в ту сторону.

«Надо ждать утра, — решил он, устало ложась на песок, — ещё уйдёшь не туда, куда нужно». Песок был тёплый. Селевин растянулся на нём, как на постели, и сразу уснул. На этот раз он не чувствовал холода, хотя ночь была не теплее прошедшей.

Проснулся Селевин, когда солнце поднялось высоко и стало припекать. Опираясь на ружьё, зоолог взобрался на бархан. В голове шумело, пить уже не хотелось. Во рту всё слиплось, язык распух. К его удивлению, километрах в двух или в трёх на кусте тамариска белел конский череп.

«Как же так, — подумал Виктор Алексеевич, — ведь я шёл почти до полуночи и так мало прошёл!» Зоолог взглянул на солнце. Оно всходило почему-то справа от него. Догадка внезапно озарила затуманенную голову: ночью он кру-

жился вокруг куста с черепом и теперь был ещё на несколько километров дальше от лагеря, чем вчера.

«Так безрассудно растрчивать свои силы может только сумасшедший!» — с досадой подумал Селевин, направляясь к кусту с черепом. Он то и дело ложился на песок, переходы делались всё короче, а «лёжки» продолжительней. В то время, когда он отдыхал под барханом, он вдруг увидал, что на куст с черепом села какая-то птица. До куста оставалось не больше полукилометра, и было хорошо видно, что это голубь.

«Откуда здесь, за десятки километров от воды, птица?» — размышлял Селевин, поглядывая на куст, где рядом с белой была теперь маленькая серая точка.

Голубь вспорхнул и улетел за бархан. Зоолог знал, что голуби гнездятся в пустыне в колодцах.

«А что, если там колодец? Как это я вечером не догадался, может быть, череп нарочно повешен на куст как указатель?!»

Зоолог встал и направился к черепу. Ноги плохо слушались. Два раза Виктор Алексеевич падал, и подниматься было всё труднее. Перед глазами вертелись разноцветные круги. Чем выше поднималось солнце, тем делалось жарче. Но сознание, что, может быть, совсем близко есть вода, придавало силы.

Вот и куст с черепом. Ещё несколько шагов — и зоолог увидел за кустом в западине между барханами колодец.

Селевин бросился к нему и заглянул вниз. Из тёмной глубины дохнуло сыростью и холодом. Зоолог выхватил из сумки патрон и бросил его в колодец, жадно слушая. Вскоре раздался всплеск. Значит, есть вода! Он спасён!

Виктор Алексеевич сел на край колодца, блаженно улыбаясь. Он жалел только об одном: как это он вчера не догадался поискать колодец?! Но чем достать воду?

Выход тут же был найден. Зоолог снял верхнюю рубашку, охотничьим ножом изрезал её на ленты и связал их. К концу длинной ленты привязал другую рубашку, завязав в рукав пару заряженных патронов для тяжести.

С замиранием сердца он начал спускаться рубашку в колодец. Наконец послышался слабый всплеск. Немного обождав, чтобы рубашка намочилась, он потянул её вверх. Звуки падающих капель привели его в трепет. Он быстро начал перебирать самодельную веревку, и вот, наконец, показалась мокрая рубашка. Одним рывком зоолог схватил её и стал выжимать живительную влагу себе на лицо.

Но как только первые капли попали в рот, отчаяние охватило Селевина: вода была горько-солёная и тухлая, не пригодная для питья...

Виктор Алексеевич упал лицом на сырой песок и долго лежал, стараясь ни о чём не думать. Незаметно он снова уснул тяжёлым сном; наполненным кошмарами.

Охота на бульдуруков. Борьба с комарами

Проснулся Селевин от какого-то звука. Сердце зоолога радостно забилося: конечно, это люди из лагеря!.. Снова тот же звук, — и стайка пустынных рябков-бульдуруков пронеслась совсем низко над колодцем. Стайка за стайкой с мелодичным криком летели птицы в сторону реки. Промчаться по воздуху несколько десятков километров до водопоя им ничего не стоило.

«Через час они полетят обратно, и у каждого в зобу будет почти по стакану воды, — соображал зоолог, — хорошо, что я не бросил ружьё!»

Зарядив ружьё, он спрятался за куст и стал ждать. Не прошло и часу, как вернулась первая стайка. Бульдуруки пронеслись справа от колодца, вне досягаемости выстрела. Вслед за первой показалась вторая стайка. Она пролетела значительно левее. Но вот прямо на колодец мчится большая стая. Она пролетит над самой головой.

Зоолог вскинул ружьё, прицелился, но руки у него тряслись. Ни выстрел навстречу стае, ни второй — в угон — не сбили ни одной птицы.

Виктор Алексеевич растерянно опустил ружьё. На горизонте показалось ещё несколько стай бульдуруков. Они быстро приближались.

Зоолог поспешно перезарядил ружьё и снова выстрелил. Два бульдурука упали на песок. Бросив ружьё у колодца, он кинулся к добыче. Почти два стакана воды были наградой за удачный выстрел. Виктор Алексеевич расстрелял все патроны — более десятка бульдуруков сделали его добычей. Как только он напился, ему сразу захотелось есть. Мучения жажды сменились мучениями голода.

Вода освежила зоолога. Он оглянулся по сторонам. За колодцем росли кусты тамариска и несколько саксаулов.

«Если бы у меня были спички, — подумал Виктор Алексеевич, — я мог бы развести костёр и изжарить бульдуруков! А дымом я привлек бы внимание к себе. Проклятый верблюд унёс рюкзак с собой!..»

Чьё-то гнездо привлекло к себе внимание зоолога. До него было совсем недалеко. Оно походило на сорочье, только поменьше размером.

«Наверно, это гнездо саксаульной сойки, — подумал Виктор Алексеевич, — нет ли в нём яиц или птенцов?» Любознательность учёного оказалась сильнее всех невзгод. Он пошёл к гнезду, тяжело опираясь на ружьё.

И в самом деле, это было брошенное гнездо саксаульной сойки — редчайшей птицы пусты-

ни. Нигде поблизости не было видно хозяйки гнезда, «птицы-иноходца». Так зовут сойку казачи за то, что она быстро бегаёт по пескам.

Виктор Алексеевич не без труда снял гнездо и пригёс его к колодцу. Силы оставили его, и он более часа сидел на песке.

— Увезём гнездо в город. Ведь их нет ни в одном музее! — сказал он громко и тут же поймав себя на том, что он говорит это, обращаясь к студенту Борису, который стоит у него за спиной...

«Кажется, я начинаю бредить!» — испуганно подумал Виктор Алексеевич. Он с трудом встал, поднялся на бархан и просидел на нём до вечера, глядя в сторону лагеря. А рядом на кусте белел конский череп. У Виктора Алексеевича мелькнула мысль, что если его не найдут, то и его череп будет белеть рядом...

«Почему же до сих пор меня не могут найти? — думал он, сидя на бархане. — Верблюд, конечно, пролежал всю ночь где-нибудь на дороге к лагерю, а утром не спеша пошёл дальше, пощипывая колючки. Он мог прийти в лагерь совсем не с той стороны, где он оставил своего всадника. Ветер замёл следы верблюда, и поиски, наверно, ведутся в другой стороне».

От этих размышлений стало ещё тяжелее. Когда солнце село, Виктор Алексеевич спустился с бархана и улёгся на песок около колодца. Наступала третья ночь.

Когда стемнело, жгучие укусы комаров привели в себя зоолога. С каждой минутой комаров становилось всё больше. Вскоре они тучей гудели над ним, и он едва успевал отмахиваться.

Виктор Алексеевич припомнил, что в пустыне комары выводятся в колодцах. Теперь он мог убедиться в этом. Единственное спасение — это закопаться в песок.

С огромным трудом он руками вырыл продолговатую ямку, лёг в неё и засыпал себя песком, положив на лицо рубашку. Но уснуть зоолог не мог, он то впадал в забытие, то снова приходил в себя. Слой песка давил на тело, лежать под этим «одеялом» было невыносимо. К счастью для Виктора Алексеевича, сделалось холоднее, и комары постепенно исчезли. Он выбрался из ямы и пролежал всю ночь на песке, трясясь от холода.

Поднялось солнце, стало теплее, но безразличие ко всему и сильнейшая слабость не позволили Селевину подняться, и он лежал на песке около колодца, там, где лёг с вечера.

«Но как же комары могут выводиться в колодеце с тухлой, горько-солёной водой? — возникла мысль. — Конечно, где-то здесь, недалеко, есть ещё колодец, с пресной водой. Надо встать и поискать его... обязательно, только вот не хочется вставать...» — Согревшись, он задремал.

Всадник на горизонте

Очнулся Селевин оттого, что ему показалось, будто где-то недалеко выстрелили из пушки. Дул ветер. Грозовые тучи неслись над барханами. Раскат грома раздался совсем близко над головой.

«Гроза в пустыне летом, — вяло подумал зоолог, — редко кончается дождём. Водяные капли испаряются раньше, чем долетят до земли...»

Вдруг совсем рядом раздалась шага. Резким движением Селевин повернул голову: совсем близко стоял огромный гриф и жадно смотрел ему в лицо. Мурашки пробежали по спине зоолога, напряжением всех сил он поднялся со своего песчаного ложа. Гриф сделал несколько неуклюжих прыжков и отлетел. Ещё два грифа поднялись с соседних барханов.

— Раню, проклятые, я ещё жив! — прохрипел им вслед Селевин, на четвереньках взбираясь на бархан.

На бархане лежали его ружьё и сумка. Он смотрел туда, где был лагерь. Только оттуда могло придти спасение. Но впереди вздымались одни барханы, уходящие в бесконечную даль.

Удар грома опять пронёсся над пустыней.

Селевин глянул в сторону — и вдруг дикая радость охватила его: невдалеке ехал проводник, ведя на поводу второго верблюда. И точас радость сменилась испугом: проводник удалялся от него.

Виктор Алексеевич хрипло крикнул, но вряд ли его было слышно на расстоянии десяти шагов.

А проводник тем временем скрылся за барханом и появился уже значительно дальше.

Зоолог высыпал на песок стреляные патроны и беспомощно рылся в них. Он вспомнил, что в кармане у него есть два патрона, которые он

завязывал в рукав для тяжести, опуская рубашку в колодец. С трудом загнал он распухшие гильзы в стволы.

Проводник снова скрылся за барханом. Его долго не было видно. Когда наконец он снова появился, Виктор Алексеевич взвёл курки. Нельзя было медлить ни секунды. Сейчас проводник опять скроется за барханами и, быть может, навсегда.

Селевин поднял ружьё и нажал спуск. Раздался слабый щелчок осечки: патрон отсырел в воде. Не помня себя от отчаяния, он нажал второй спуск. Грянул выстрел одновременно с последним раскатом грома. Проводник попрежнему удалялся. Он не расслышал выстрела из-за грома... и скрылся за барханами.

В глазах у Виктора Алексеевича потемнело, и он упал, потеряв сознание.

Очнулся он от воды, которая лилась ему на лицо. Над ним склонился проводник Кисанов с кружкой воды.

Как потом оказалось, проводник, поднявшись на высокий бархан, осмотрелся вокруг и заметил что-то чёрное. Это заставило проводника повернуть назад.

— Нашли ящера?.. — первое, о чём спросил зоолог, придя в себя.

— Нет ещё, вас ищем, — ответил Кисанов.

— Не трать воду зря, Кисанов! — прохрипел Селевин, глотая живительную влагу.

— Воды здесь сколько угодно. Вон за тем барханом колодец!

* * *

Раскопать ящера оказалось не под силу небольшой экспедиции Селевина. И только спустя некоторое время учёные Академии наук Казахстана выкопали ящера и перевезли в Алматы.

У т р о

Иван Осьмухин

Под ясным солнцем
В переливных росах
Склонилась рожь
И тучная трава.
Бежит тропинка
Сквозь метёлки проса.
Июль вступил
В законные права.

А липу облепили
Роем пчёлы,
С её цветов
Берут медовый сок.
И детвора, шумя,
Гурьбой весёлой
Из речки вышла
Греться на песок.

М О Р Я К И

Недавно в городе Львове, расположенном далеко от каких бы то ни было морей, двести мальчиков пришли во Дворец пионеров на собрание. Это были ребята, которые мечтают стать моряками. Они влюблены в линкоры и в подводные лодки, в строгую и суровую жизнь корабля, в славу нашего Военно-Морского Флота. Наш флот, его боевую и революционную славу любят и дети и взрослые во всей стране. День военных моряков — 24 июля — празднует весь народ, с гордостью и нежностью думая о своих сыновьях — мужественных и смелых, стойких и героических советских матросах и офицерах.

Может быть, кому-нибудь из тех, кто читает эти страницы, доведётся, когда он вырастет, стоять на палубе крейсера, чутко прислушиваться к голосу акустического прибора в трюме «морского охотника» — грозы подводных лодок — или держать вахту на быстром сторожевом катере, охраняющем

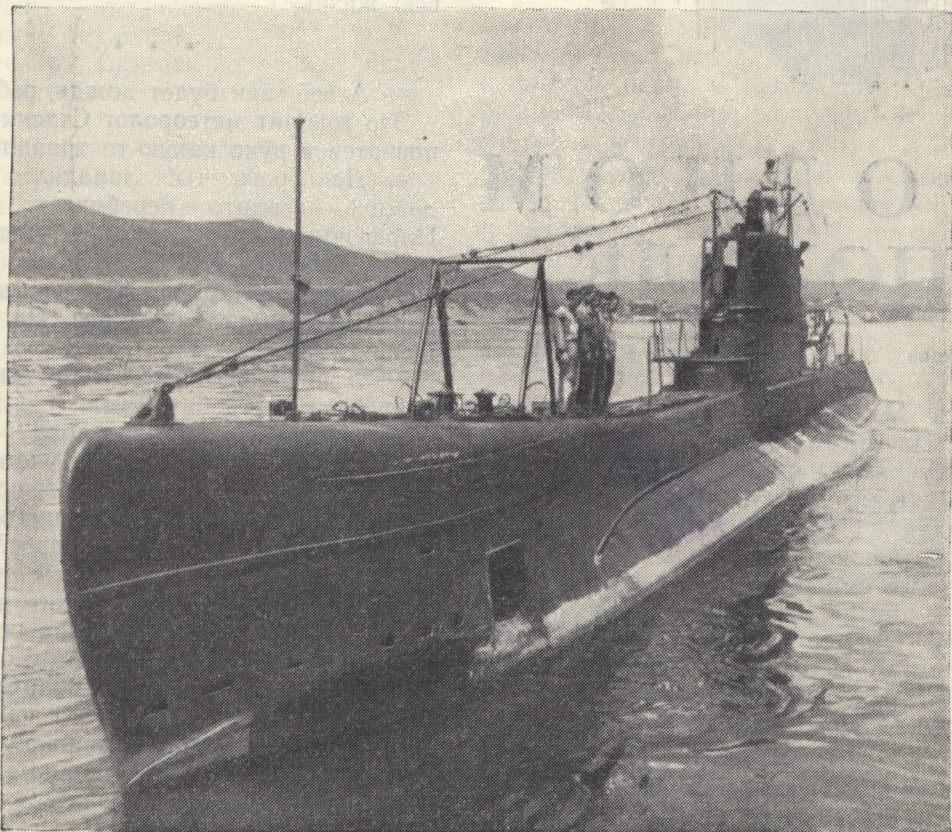
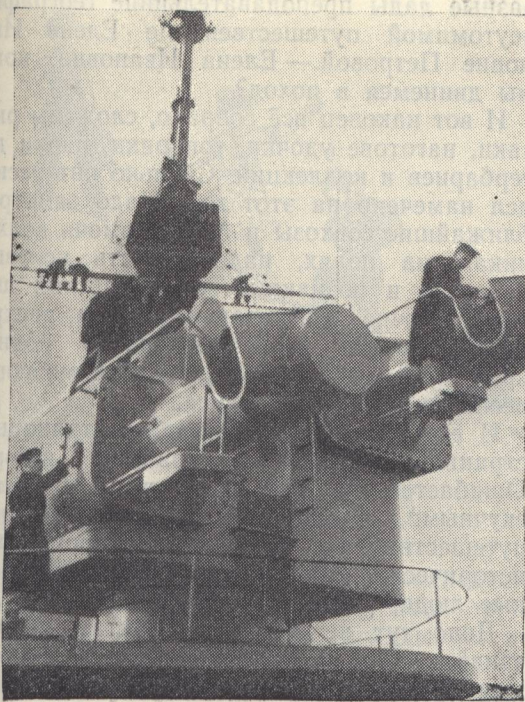
советские берега. А пока вам, наверное, интересно хоть краешком глаза проникнуть в жизнь нашего флота, в его будничную, мирную жизнь.

Фотографии, которые вы здесь видите, рассказывают об этой жизни. Вот сигнальщик на мачте, отличник боевой и политической подготовки, старшина первой статьи комсомолец Носов. Его корабль вместе с другими вышел в море проводить боевые учения. Молодой старшина передаёт семафорной азбукой сообщение на соседний корабль. Управлять манёврами боевого судна — дело не простое. Если же судно должно двигаться не в одиночку, а вместе с другими, строем, — так и подавно. От чёткой передачи приказов флагмана, от чёткого и быстрого выполнения манёвра может зависеть успех боя. Конечно, на современных судах для связи есть и радио и телефон. Но старое искусство сигнальщиков не умирает во флоте. Оно может сослужить большую службу, если повреждена радиосвязь. Вот почему каждый матрос должен уметь белло и быстро разговаривать языком семафора и морзе.

А теперь взгляните на фотографию в верхнем левом углу соседней страницы. На крейсере «Адмирал Ушаков» идёт большая приборка. Матросы моют башню дальномера. Идеальная чистота и блеск на боевом корабле — старинная традиция во флоте. Отшвабренная до белизны палуба, надраенные до ослепительного блеска латунные части приборов, поручни, дверные ручки, аккуратными кругами свёрнутые тросы, словно змеи, греющиеся на солнце, — всё это не пустое щегольство. Каждый морской обычай служит одной цели — боеспособности корабля. Там, где не чищены латунные поручни, могут оказаться нечищенными, заржавленными и части механизмов; там, где беспорядок в мелочах, может появиться беспорядок и в большом. Моряк не делает себе скидки ни в чём. Чёткость, чистота, аккуратность превращают корабль в могучую силу, грозную для врага.

На верхнем правом снимке — водолаз готовится к спуску для осмотра винтов. Служба водолаза — очень важная на корабле. Там, где корпус корабля уходит на много метров в глубину, хозяин — водолаз. Он очищает корпус от нарастающих на нём ракушек, которые могут уменьшать скорость хода, он производит мелкий ремонт, ликвидирует всякие повреждения, наводит чистоту и порядок.

На нижнем снимке — подводная лодка. Она уходит в учебно-боевой поход. Моряки-подводники, как и экипажи всех кораблей Военно-Морского Флота, неустанно учатся лучше и лучше владеть могучей техникой, которую дал им народ для защиты нашей страны.

В О Д Н О М П О Х О Д Е

Ю. Новикова

Рисунки Б. Винокурова.

Школа № 1 расположена на редкость хорошо. На самом берегу Ловати стоит она, на берегу реки, надвое рассекающей город Великие Луки. Ловать — излучистая река, но каждая излучина — по-старинному «лука» — так длинна, что конца её не видать, и река, если смотришь на неё со школьного крыльца, представляется совсем прямой, как луч. Прямой голубой дорогой бежит Ловать мимо школы в синюю-синюю даль.

Вдаль зовёт река, вдаль манят зелёные просторы. И удивительно ли, что, едва наступает лето и подходят к концу экзамены, ребят из школы № 1 неудержимо тянет в эту самую даль!

— Елена Ивановна! — твердят они па

разные лады преподавательнице географии, неутомимой путешественнице Елене Ивановне Петровой. — Елена Ивановна, когда мы двинемся в поход?

И вот наконец всё собрано, сложены рюкзаки, наготове удочки, топоры, папки для гербариев и коллекций. Сколько интересных дел намечено на этот год! Надо осмотреть ближайшие совхозы и МТС, помочь колхозникам на полях, надо собрать полезные растения и познакомиться с работой шахтёров. Точно увлекательная книга, раскрывается перед ребятами жизнь родного края — живая, говорящая, благоухающая лесными ароматами книга.

И есть в этой книге особые страницы — страницы прошлого, страницы истории. Ошибается тот, кто считает их сухими и скучными. «Походы в прошлое», а иначе путешествия по местам, где происходили исторические события или жили замечательные люди, радуют и волнуют на свой лад.

Дело тут не только в фактах, которые узнаёшь. Есть в таких походах та неуловимая прелесть, которую называют поэзией, романтикой. И пусть даже ничего особенного не случилось в таком походе, тёплая память о нём живёт в сердце долго, иногда всю жизнь.

* * *

— А всё-таки будет дождь, ребята!

Это говорит метеоролог Стасик Крикунов, повертев в руке какую-то травинку.

— Да брось ты! Заладил: дождь да дождь! — сердито перебивает его Дима Парфёнов. — С чего ему быть, дождю? На небе ни облачка!

— Небо тут ни при чём, ты посмотри на землю. Росы нет — это раз. На лебеде капельки — два...

— А дождя не будет — это три! — заключает под смех ребят Дима.

И в самом деле, ничто вокруг не предвещает дождя. Над головами чистое, высокое небо. Солнечные зайчики играют на ряби Жижицкого озера, голубеющего слева, на тугих волнах пшеницы, на просёлочной дороге, по которой шагают юные путешественники. Сегодня их путь лежит в Карево — село, где более ста лет назад родился композитор Модест Петрович Мусоргский.

Перед походом ребята почитали книжки о жизни своего знаменитого земляка, и теперь, в пути, они вспоминают его оперы.

— «Годунова» я слышала. А «Хованщину» — ни разу, — признаётся Аля Фёдорова.

— И я тоже. А Мусоргский так ведь и не успел её дописать. Римский-Корсаков потом закончил,— вспоминает Нина Кособуцкая — летописец отряда.

— Угу,— мычит Аля.

Внезапно она сбегает вниз, к канавке, заросшей голубоватым лопухом, ловко орудует там ножичком и что-то складывает в сумку.

Нина в рассеянности смотрит на Алю, на ребят, шагающих по дороге, и размышляет вслух:

— Слушайте, а как сочиняют музыку?.. Ну, песню — это понятно. А вот как сочиняют музыку без слов?..

Ребята молчат. Сказать по правде, никто из них не задумывался над тем, как сочиняется музыка.

Солнце припекает, дорога бежит мимо зреющих нив. И вот на холме показалось Карево. На вид это обыкновенное небольшое село, каких много. Но почему-то, вступив на его пыльную улицу, разом притихают все, даже озорники... Здесь жил некогда мальчик Модест Мусоргский, здесь впервые услышал он крестьянские песни, и они глубоко запали ему в душу.

— Помните,— говорит ребятам Елена Ивановна,— помните, мы читали письмо Мусоргского? Он писал своему другу: «Как меня тянуло и тянет к этим родным полям...» Эти поля навяли ему первые музыкальные впечатления.

— А умер он далеко от здешних мест, один, в больнице,— вспоминает Нина.

В её памяти встаёт всё, что она читала и слышала о композиторе. Печально сложилась его судьба. Опер его, в которых звучит народный гнев и народное горе, не хотели ставить тогдашние театры. Мусоргский умер непризнанным.

Самобытная музыка, отражавшая русский характер и родную природу, пришлось не по

вкусу «высшему» обществу, цензуре, критикам. Мусоргский изображал жизнь народа — его обвиняли в пристрастии к грубому. Он стремился писать по-новому — критикам эта новизна казалась чуть ли не музыкальной безграмотностью. И всё же ни разу не пожалел композитор о том, что избрал этот трудный, нехоженный путь. Нина выписала на память его слова: «...с поднятой головой, бодро и весело

пойду, против всяких, к светлой, сильной, праведной цели, к настоящему искусству, любящему человека, живущему его отрадой, его горем и страдой».

Ребята поднимаются на высокий холм, где стоял когда-то дом Мусоргских. Ничего не осталось от имения, ещё при жизни хозяев проданного за долги. О далёком прошлом напоминают только заросший тинной пруд да широкий вид на лес, на озеро, на луговые просторы...

— Вот бы разыскать старика или старушку, которые помнят, как здесь было раньше! — говорит кто-то из ребят.

И вот ребята заходят из дома в дом в поисках старожилов. Так встретились они со старушкой Маврой Афанасьевной. От отца она слышала о семье Мусоргских и рассказала ребятам о том, какие они были добрые и отзывчивые, о музыкальных вечерах, которые давались у Мусоргских в усадьбе.

— Тут кое-какие вещички ихние остались,— говорит Мавра Афанасьевна.— Пойдёмте, покажу.

Ребята рассматривают старинное зеркало в овальной раме и потемневший шкаф, покрытый тонкой резьбой.

— Сильно! — говорит Ваня Владимиров, осторожно притрагиваясь к звериным головам, выточенным на дверце шкафа. — Прямо живые.

Ребята смеются. Все знают, что Ваня очень любит зверей.

А Нина, глядя на старый шкаф, думает совсем не о резьбе. Ей мерещится комната в старом помещицком доме, за фортепьяно сидит мальчик, рядом с ним — женщина в длинном платье, каких рисуют на картинах... Юлия Ивановна Мусоргская обучает игре на фортепьяно маленького сына...

— Надо было бы открыть у нас в городе музей Мусоргского и перенести туда эти вещи, — говорит Дима, и все согласны с ним.

Из Карева путешественники идут в село Михайловское. Это тоже «мусоргские» места, там у родителей композитора был дом. Дорога лежит лесом. По пути ребята собирают листья для гербария, а Аля Фёдорова всё орудует да орудует своим ножичком. Девочки переглядываются: значит, Аля снова будет варить повидло «по Верзилину». Это сладкое блюдо из корней лопуха никак ей не удаётся.

...Смеркается. На берегу озера уютно горит костёр, бурлит уха в котелке.

— Заночуем здесь. Хорошо, Елена Ивановна? — спрашивает Дима и до-

бавляет, вызывающе поглядывая на Стасика-метеоролога. — Чудесный вечер!

Но Стасик неуязвим.

— Посмотрите на ласточек, — говорит он, — ласточки летают над самой водой.

Пророчества Стасика никого не смущают, кроме, пожалуй, Елены Ивановны.

— Если решили ночевать здесь, поторапливайтесь с шалашами, — советует она. — Ласточки и вправду летают низко.

Но ребятам не хочется торопиться. Основательно поев, они не спеша отправляются в лес за ветками.

— Встретить бы какого зверя! — мечтает Ваня.

Девочки собрались вокруг Али — она «колдует» над котелком.

— Варить до прозрачности, — повто-

ряет она,— варить до полной прозрачности...— Пробует варево и отплёвывается.

Нина сидит у самого озера и слушает, как вода лепечет у берегов. Вокруг озера, точно часовые, стоят могучие сосны. Сколько им лет? Может быть, они были такими ещё при Мусоргском? Словно заколдованные великаны, стоят они вокруг озера. И всё кругом, как в волшебной сказке.

— Девочки, сладко! Честное слово, сладко! — кричит Аля и спугивает сказку.

Нина нехотя встаёт, подходит к костру и пробует алино «варево». Верно, сладко... Повидло дают на пробу Елене Ивановне, она одобряет и что-то говорит о сладком веществе анеулине.

А Нина снова садится у воды, и сказка для неё продолжается. Всё гуще сумерки, из лесу выходят тёмные, рогатые, странные существа...

— Мы с Ваней лисёнка видели! Живого лисёнка! — объявляет одно из этих существ, и Нина видит, что это Вовка Красильников, нагруженный косматыми еловыми ветвями.— Он ка-ак побежит! Только рыжий хвост замелькал!

— Вовка, хочешь лопушиного повидла?.. Сладкое-пресладкое,— предлагает Аля и вдруг вскрикивает: — Ай! На меня капля упала!

— Это птичка плюнула,— говорит Дима.

— Ничего не птичка. На меня тоже капнуло.

— И на меня!

— Я же предсказывал, я предсказывал! — торжествует Стасик.

Но никто не разделяет его торжества.

— Подумаешь, предсказывал,— хмыкает Дима.— Добро бы хорошую погоду предсказал, а то дождик.

Как бы там ни было, шалаши не готовы, и ночёвка в лесу сорвалась. Собрав вещи, ребята бегут под дождём в село, в клуб при детском доме... Взъерошенные, промокшие, вбегают они в двери. За ними сверкают молнии, трещат деревья и грохочет, раскалывается гром.

— Прямо как в опере,— говорит Дима.

— А где Ваня Владимиров? — с тревогой спрашивает Елена Ивановна.— Ребята, вы не видели Ваню?.. Ваня, Ваня! — открыв дверь, кричит она в темноту.

— Неужели он в лесу остался? — пугается Вова, лучший ванин друг.— Я пойду за ним, Елена Ивановна!

Ещё несколько ребят тут же вызываются идти на помощь Ване. Но удар грома, блеск молнии — и на пороге, опять же как в опере, появляется Ваня. Вода струится с него ручьями.

— Я в лесу спрятался,— объясняет он.— Всё ждал...

— Кого? — спрашивает Елена Ивановна. Она так рада, что он нашёлся, даже не ругает Ваню.— Кого ты ждал, чудачина?

Ваня стягивает с себя рубашку и с силой выкручивает.

— Лисёнка ждал,— говорит он смущённо.— Я думал, он вернётся.

...За окном ночь. В большой комнате клуба слышится ровное дыхание спящих. Ребята разлеглись на полу, подмостив под голову рюкзаки. Спит метеоролог Стасик, довольный, что отстоял честь науки. Спит насмешник Дима. Спит Ваня рядом со своим другом Вовой. И Аля спит, Аля — собирательница трав...

Не спит только Нина — летописец похода. Пристроившись у окна, заносит она в тетрадку впечатления сегодняшнего дня и время от времени заглядывает в открытое окно.

Гроза стихла, удивительная тишина плывёт над землёй. Мягко шуршат деревья, плещет озеро вдалеке. У края села в темноте кто-то пробует баян.

— Дзинь! — раздаётся лёгкий звон под самым окном.— Дзинь-дзинь...— Это капли падают с крыши в бадью с водой.

«У леса своя песня,— думает Нина.— И у озера своя. И у капель тоже. Бедная, монотонная, а всё-таки своя песенка».

Нина высовывается в окно и вдыхает влажный воздух. Баянист вдалеке настроил свой инструмент и лихо перебирает лады.

«...С поднятой головой, бодро и весело пойду к светлой, сильной, цели...» — вспоминаются Нине слова Мусоргского. Ей удивительно радостно и легко.

— Ложись спать, Нина,— тихо говорит Елена Ивановна.— Поздно. Завтра допишешь.

Но Нине не хочется ложиться. Вдыхая прохладный воздух, сидит она у окна. И ей кажется, что, если она ещё немного послушает, как шумят деревья и падают редкие капли, если ещё немного посидит она здесь, под окном, она поймёт, наконец, как сочиняется музыка.

СОКРОВИЩА ДРЕЗДЕНСКОЙ ГАЛЕРЕИ

А. Замятина

В Москве, в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, открылась выставка картин Дрезденской галереи. Я хочу рассказать вам, ребята, что это за галерея, какие в ней картины, как и почему она оказалась в Москве.

Основание знаменитой Дрезденской галереи относится ещё к пятнадцатому веку. Город Дрезден был тогда столицей Саксонии; саксонские курфюрсты в своей сокровищнице, которая называлась «Кунсткамера», собирали разные драгоценности, парадное вооружение, редкие раковины, камни и другие диковины; было там и несколько картин, но ценились они не выше остальных сокровищ «Кунсткамеры».

Слава Дрезденской галереи начинается с восемнадцатого века. В то время в Европе появилась мода украшать дворцы произведениями искусства. Короли и князья соперничали в этом друг с другом. Саксонские курфюрсты стали скупать картины знаменитых художников. Из этих произведений и была устроена придворная галерея, а через сто лет, с девятнадцатого века, Дрезденская галерея была превращена в музей. В ней были собраны картины самых знаменитых художников разных стран, и она прославилась на весь мир.

Десять лет назад, незадолго до конца Великой Отечественной войны, части Советской Армии подходили к Дрездену. Этот город долго бомбила американская авиация, много прекрасных зданий, дворцов, музеев было разрушено. Как только советские войска заняли Дрезден, один батальон был спешно послан к зданию, где находилась знаменитая картинная

галерея — гордость всего культурного человечества. Разбитое, обгоревшее здание было пустым, картины исчезли. После настойчивых розысков удалось открыть под зданием музея замурованный ход в подвал, а там, в этом подвале, зашифрованные документы и планы тайников, где были спрятаны картины. По этим планам картины и были найдены. Одни — в заброшенной штольне, другие — в затопленном штреке известняковой шахты, а некоторые — на чердаке старого замка. Подступы к тайникам были заминированы: фашисты хотели взорвать, погубить эти сокровища искусства! Этому чудовищному злодейству помешали воины Советской Армии.

Но и без взрыва картинам грозила гибель, если бы они долго пробыли в тайниках. Для картин, особенно старинных, опасна сырость и темнота. Дерево разбухает и коробится, холст сыреет, слой краски покрывается трещинами и разъедающей плесенью.

Картины уже начали разрушаться. Советское командование приняло срочные меры для их спасения. Были вызваны специалисты-искусствоведы и художники-реставраторы; они оказали «первую помощь» картинам. Чтобы прекратить разрушение, все картины протерли особыми составами, с помощью специального клея наложили на них защитные пластыри, и картинам стала неопасна перевозка.

Комиссия, в которую вошли представители общественности Дрездена, тщательно составила опись всех картин, и они были направлены на хранение в Советский Союз, где им уже не грозили случайности и опасности войны. И вот теперь спасённая

Мадонна с семейством Кучина.

Паоло Кальери Веронезе (1528—1588).

Мальчик, стоящий у колонны.
(Фрагмент картины «Мадонна с семейством Куччина»).

доблестными советскими воинами Дрезденская галерея передаётся миролюбивому и свободному народу Германской Демократической Республики. Осенью этого года она будет перевезена в Дрезден.

Картины выставлены в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. На этой выставке больше пятисот картин. Много часов нужно, чтобы все их осмотреть, и понадобилась бы большая книга, чтобы хоть коротко описать их. Здесь показаны только некоторые картины. О них и пойдёт речь.

«Портрет мальчика», который вы видите на обложке журнала, написан в пятнадцатом веке итальянским художником Пинтуриккио. Мы не знаем теперь, кто был этот мальчик и почему был написан с него портрет. Но картина вот уже пять веков привлекает всеобщее внимание. Всмотритесь в портрет! Художник сумел передать, что в мальчике этом происходит большая и важная перемена. Детское лицо его серьёзно, глаза задумчивы. Видно, что он вступил в ту пору жизни, когда кончается беззаботное детство и человек взрослеет, серьёзно и глубоко задумывается о жизни. Пинтуриккио изобразил мальчика на фоне пейзажа: тихая река, голубые горы, деревца — тонкие, по-весеннему прозрачные, такие же юные, как мальчик. Чувствуется, что и в природе и в человеке пробуждаются новые жизненные силы.

Пинтуриккио жил в начале той эпохи, которая

названа в истории эпохой Возрождения. В течение многих веков до этого люди были скованы властью церкви, жестокими требованиями религии. Все земное считалось чем-то греховным, презренным: и красота, и веселье, и даже наука. Эпоха Возрождения названа так потому, что люди того времени встали против гнёта церкви и феодалов и человечество, освободившись от многих суеверий, возродилось к жизни. Начался расцвет науки и искусств.

Картине Пинтуриккио присущи черты эпохи Возрождения — интерес к людям, к жизни, внимание к чувствам и переживаниям человека.

Один из самых великих художников Возрождения — Рафаэль Санти.

Ещё при жизни слава Рафаэля была так велика, что никто не называл его по фамилии. Когда говорили «Рафаэль», каждый понимал, о ком идёт речь, хотя это совсем не редкое имя в Италии. И вот уже много веков люди во всех странах называют его просто по имени: Рафаэль.

Самая знаменитая картина Рафаэля — это так называемая «Сикстинская мадонна». Рафаэль часто писал изображения богоматери, или, как говорят в Италии, мадонны.

Нужно помнить, что в те времена влияние религии на людей было ещё сильно. Художники часто брали сюжеты из христианских легенд, потому что они были знакомы каждому.

Но художники Возрождения в своих картинах по-новому использовали религиозные сюжеты. Они старались передать людям какую-нибудь большую моральную идею, рассказать о высоких, благородных чувствах: о верности убеждениям, о любви к людям, о сострадании... Они изображали черты характера обыкновенных живых людей.

«Сикстинская мадонна» — это картина, рассказывающая о подвиге матери. По легенде, сын мадонны Христос ради людей пошёл на мучительную смерть. Вглядитесь внимательно в мадонну Рафаэля, в её лицо. Как нежно и крепко держит она сына, как она его любит, как горда им! Но в её больших, прекрасных глазах затаилась печаль. Она боится за судьбу сына и знает, что впереди его ждёт страдание. И всё же она не прячет мальчика, она несёт его людям, она отдаёт им самое дорогое, что у неё есть, — своё дитя. А младенец серьёзно, пристально и бесстрашно глядит вперёд.

В верхней части картины Рафаэль изобразил занавес, который будто только что раздвинулся, и стало видно, как идёт к людям мадонна с младенцем на руках, легко и стремительно ступая по облакам маленькими босыми ногами.

И мать и дитя проникнуты самыми светлыми, чистыми и благородными человеческими чувствами — самопожертвованием, готовностью к подвигу, любовью к людям. Художник с такой силой и правдивостью выразил красоту этих чувств, что его картина понятна и дорога всем людям.

Саския ван Эйленбург.
Рембрандт ван Рейн (1606—1669).

В Дрезденской галерее есть картины другого итальянского художника, Паоло Веронезе, который жил и работал в Венеции несколько позже Рафаэля.

В начале этого очерка помещена репродукция его картины «Мадонна с семейством Куччина». В то время богатые и знатные горожане часто заказывали знаменитым художникам групповые семейные портреты. Принято было изображать семью на молитве, а чтобы видно было, кому молятся, тут же изображались и святые. Так и сделал Веронезе. Слева на его картине мадонна, справа — семья Куччина. Три женщины на заднем плане — это аллегорические фигуры трёх добродетелей: Веры, Надежды и Любви.

Силой своего гения Веронезе превратил эту обычную для того времени тему в интересный и живой рассказ о людях. Посмотрите на маленьких Куччина. Одному из них, как видно, надоело стоять смиренно, молитва скучна ему. Он спрятался за колонну и поглядывает по сторонам. Второй мальчик ведёт себя тихо и чинно, как велела мать. А самый младший совсем не интересуется, чем заняты взрослые. Ему нравится собака, он сел на пол и тянется к ней...

Такие бытовые, житейские подробности Веронезе любил вводить даже в картины, которые он писал для церквей и монастырей. За это его привлекли к церковному суду, суду инквизиции. Веронезе, правда, не приговорили к сожжению на костре, но подвергли каре, необычайно тяжёлой для художника:

Площадь перед церковью С. Джованни э Паоло в Венеции. (Фрагмент).
Джованни Антонио Каналетто (1697—1768).

заставили переписать картину, переделать её по вкусу монахов-заказчиков.

На два столетия позже Веронезе жил в Венеции Джованни Каналетто, замечательный пейзажист. Он больше всего любил изображать свой родной город. Венеция не похожа на другие города. Она вся изрезана каналами. Там есть улицы без тротуаров и без мостовых, стены домов поднимаются прямо из воды, а люди по этим улицам плавают на лодках, которые называются гондолами.

Картина Каналетто «Площадь перед церковью С. Джованни э Паоло» переносит нас в Венецию восемнадцатого века. На площади гуляют горожане. По каналу скользят гондолы и медленно плывут грузовые баржи. Эту картину вы увидите на последней странице обложки журнала. А фрагмент картины — канал с гондолой — помещён на предыдущей странице. Это левая часть картины. А в правой её стороне вы можете рассмотреть памятник кондотьеру — наёмному военачальнику — Коллеони. Гипсовая копия этого памятника есть в Москве, в Музее изобразительных искусств, где сейчас среди других картин Дрезденской галереи висит и картина Каналетто.

На выставке представлены и замечательные картины немецких художников шестнадцатого века, картины, которые хранились ещё в «Кунсткамере» саксонских курфюрстов вместе с диковинными морскими раковинами и хитрыми музыкальными шкатулками.

К ним относится написанный Лукасом Кранахом Старшим «Портрет герцогини Катарины Мекленбургской». Кранах тщательно выписывает богатое узорное платье и драгоценные украшения герцогини, изобилием их подчёркивая, какое высокое положение она занимает. По этому портрету видно, что она привыкла повелевать, что она горда, надменна. На её лице отражены холодное высокомерие и скрытность.

Совсем иной характер раскрывается нам в портрете Шарля де Моретта, написанном другим немецким художником, Гансом Гольбейном Младшим.

Шарль де Моретт, французский посланник в Англии, был человеком исключительной силы характера и разносторонних способностей. Современники восхищались смелостью, с которой он однажды провёл войска через опаснейший горный перевал. Шарль де Моретт так же умело командовал флотом, был талантливым и умным дипломатом. Портрет, написанный Гольбейном, показывает нам и мужество, и спокойный ум, и твёрдую волю де Моретта.

На цветной вкладке вы увидите работу величайшего художника Германии — Альбрехта Дюрера. Это портрет юноши, о котором не дошло до нас никаких сведений. Никто не знает, как его звали, кем он был. Картина Дюрера называется просто «Портрет молодого человека». Но когда глядишь на него, кажется, что знаешь всё о том, кто здесь изо-

Портрет герцогини Катарины Мекленбургской.
Лукас Кранах Старший (1472—1553).

бражён. Это человек, страстно преданный своим убеждениям, решительный, энергичный, уверенно идущий к намеченной цели. Это не вельможа, не принц. Это человек из народа. Дюрер жил в то бурное и тревожное время, когда Европа была охвачена пламенем крестьянских войн. И народного вождя того времени представляешь себе таким, как юноша на портрете Дюрера.

Сикстинская мадонна.
Рафаэль Санти (1483—1520).

Портрет воина в латах с красной повязкой.
Антони ван Дейк (1599—1641).

Так в старых портретах великих художников отражены и эпоха и человеческие характеры во всём богатстве и разнообразии.

В Дрезденской галерее собрано много замечательных картин голландских художников семнадцатого века. Семнадцатый век — время наивысшего расцвета голландской живописи. После многолетней героической борьбы голландцы добились национальной независимости, изгнали испанских завоевателей, свергли феодальный строй и основали первую в истории человечества буржуазную республику.

Наступил длительный мир. Голландия, республика купцов и ремесленников, богатела, процветала, и голландские художники с увлечением изображали в своих картинах это сытое изобилие, эту мирную жизнь.

На последней странице обложки помещена картина художника Виллема Геды. Здесь нет никаких людей: ни героев, ни мучеников, ни полководцев. Тарелки, ложки, опрокинутые бокалы и серебряная ваза, небрежно брошенные золотые карманные часы и надрезанный пирог с аппетитно подрумяненной коркой, с начинкой из ежевики. Картина так и называется: «Завтрак с ежевичным пирогом».

Кто ел этот пирог? Кто бросил небрежно часы, педодеенный пирог на серебряной тарелке? Художник не рассказывает нам об этом. Он хочет, чтобы мы вместе с ним любовались красотой вещей, игрой и блеском вина в бокале, отражением в тарелке ножки вазы, складками накрахмаленного полотна.

Художники того времени часто рисовали такие картины — «натюрморты». Слово это в переводе означает «неживая природа».

Они любили также рисовать сценки из простой, будничной жизни. Им казалась интересной и замечательной сама жизнь даже тогда, когда не случается никаких необыкновенных происшествий.

Посмотрите на картину Яна Вермеера Дельфтского «Девушка, читающая письмо». Художник словно прикоснулся волшебной палочкой к стене дома, стена вдруг стала прозрачной, и мы видим кусочек жизни.

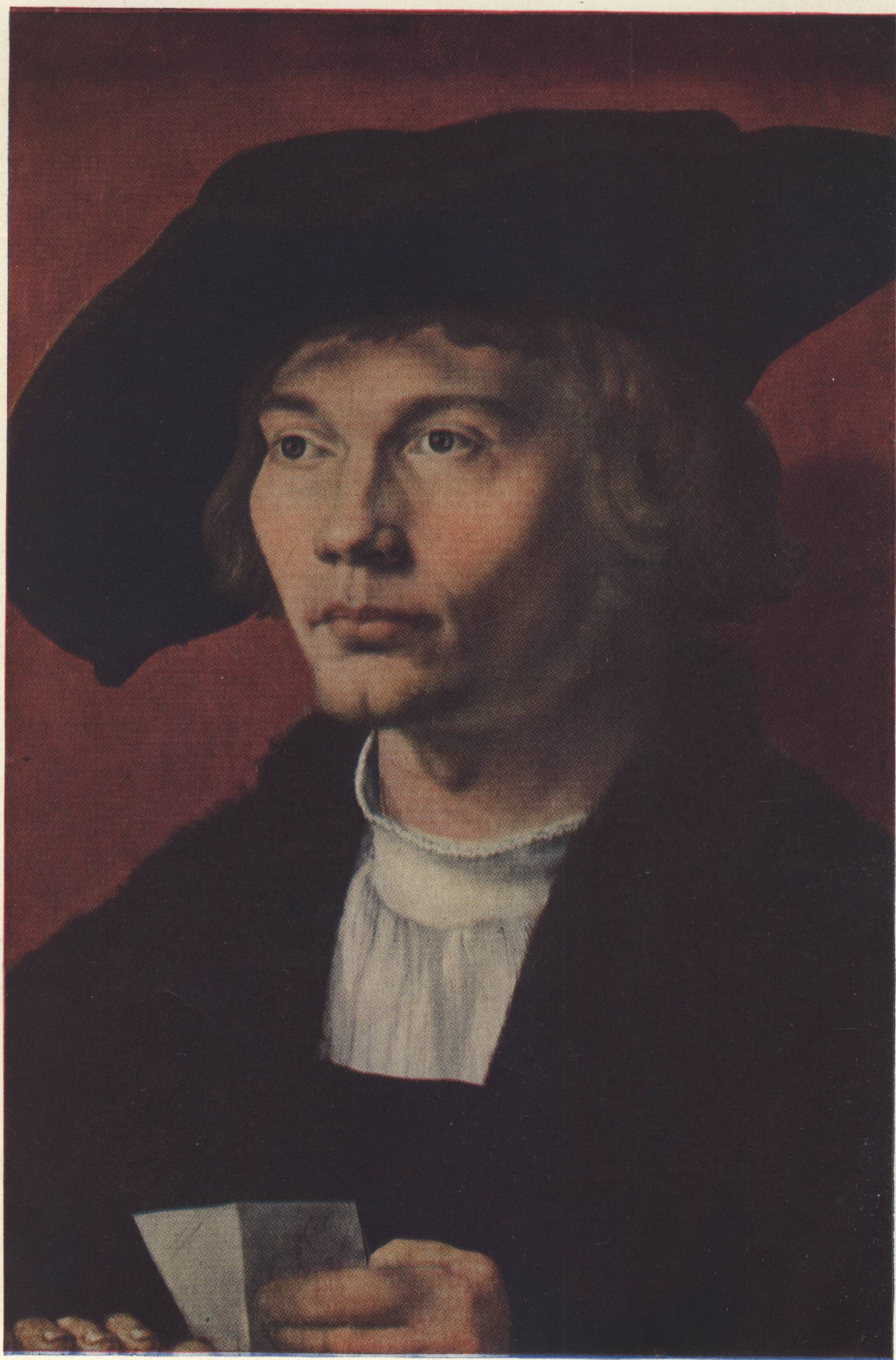
Обыкновенная комната в доме зажиточного горожанина, и обыкновенная девушка у окна читает какое-то письмо... Как внимательно, как подробно рисует Вермеер эту комнату! И самое главное, самое удивительное в этой картине — свет, идущий из окна, освещающий и девушку, и бледнозеленую драпировку, и красную портьеру, и разноцветный восточный ковёр. Свет играет на платье девушки; освещённое её лицо отражается в оконном стекле. Воздух в комнате полон этим светом. Вермеер словно говорит: как всё красиво при свете дня — и люди, и вещи, и сама жизнь!

С такой же правдивостью показывает другой голландский живописец, Адриан ван Остаде, мастерскую художника с царящим в ней рабочим беспорядком.

СИКСТИНСКАЯ МАДОННА. Фрагмент.

Рафаэль Санти. (1483—1520).

ПОРТРЕТ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА.

Альбрехт Дюрер. (1471—1528).

ДЕВУШКА С ПИСЬМОМ.

Вермеер Дельфтский. (1632—1675).

ОХОТА НА КАБАНА.

Петер Пауль Рубенс. (1577—1640).

Святая Инесса. (Фрагмент).
Хосе де Рибера (1591—1652).

Особняком среди голландских живописцев семнадцатого века стоит Рембрандт ван Рейн. Это был величайший художник. Как и Рафаэля, весь мир знает его просто по имени.

Судьба этого великого художника была трагичной. Голландские бюргеры, богатые кушцы, в чьих руках была власть и деньги, не поняли, не оценили великого искусства Рембрандта. Жизнь его была трудной и скорбной, умер он в одиночестве.

Рембрандт показывал в своих картинах страдания людей, нищету, голод, тяжёлую борьбу человека с жизнью, и, конечно, это не могло нравиться сытым, самодовольным голландским бюргерам. В каждом его произведении — глубокое и чаще всего трагическое содержание. Каждый портрет, созданный им, передаёт характер человека и его чувства.

Мы даём здесь одно из самых светлых и радостных произведений Рембрандта — портрет его жены Саскии ван Эйленбург. Этот портрет написан незадолго до свадьбы. Лицо Саскии дышит счастьем, молодостью, радостью жизни. Свет падает сверху, озаряя только нижнюю часть лица. Лоб и глаза в тени, которую отбрасывают поля шляпки. Но и эта тень вся пронизана светом. Свет словно борется с

нею, проникая через поля шляпки, отражаясь снизу от светлого платья. Тень искрится и трепещет, и чем дольше смотришь, тем всё более живой и изменчивой кажется она. Так передавать свет и тень, как передавал Рембрандт, не умел ни один художник ни до, ни после него.

В те же годы, что и Рембрандт, в соседней с Голландией стране, Фландрии, жил другой знаменитый живописец, Петер Пауль Рубенс. Его жизнь сложилась по-иному. Он добился и признания, и успеха, и богатства, и высокого положения в обществе. Картины его — большие, предназначенные для дворцовых зал, — блещут яркими красками, прекрасными лицами, силой и красотой человеческих тел. Он любил показывать здоровых, красивых людей, могучих героев, поэтому часто брал сюжеты из древних мифов и сказаний. Сцены в его картинах полны бурного движения. Потому что в движении лучше всего проявляется физическая сила. В картине «Охота на кабана» люди, лошади, собаки увлечены каким-то диким вихрем движения... Эта картина тоже есть в журнале, на цветной вкладке.

У Рубенса было много учеников. Самый талантливый из них — Антони ван Дейк. Он писал замечательные портреты. Здесь помещён «Портрет воина в латах с красной повязкой». В повороте фигуры, в движении головы чувствуется молодая энергия,

Портрет Шарля де Солле, сьера де Моретт.
Ганс Гольбейн Младший (1497—1543).

Живописец в мастерской.

Адриан ван Остаде (1610—1685).

сила, отвага. Очертания блестящих лат и мягкие пряди волос теряются в тени. Из-за этого особенно ярко выступает лицо, оно приковывает к себе взгляд зрителя.

Из испанских картин Дрезденской галереи очень интересна картина Риберы «Святая Инесса».

По легенде, Инессу обезглавили за то, что она отказалась изменить своей вере. В Испании ещё и в семнадцатом веке была очень сильна власть церкви, религия владела умами людей, и естественно, что художник взял такую тему. Но, пользуясь этой легендой, Рибера показал живую девушку-испанку с возвышенным характером и мужественным сердцем.

Инесса Риберы ещё совсем девочка, ей лет тринадцать — четырнадцать, но она не боится своих

палачей. Перед лицом смерти она своим бесстрашием и спокойствием показывает людям, что правда выше всего, что она сильнее силы и жестокости.

Произведения великих мастеров дают людям неисчерпаемое богатство впечатлений. И когда смотришь прекрасные картины, собранные в Дрезденской галерее, или Эрмитаже, или Лувре, или Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, видишь, сколько великого, вдохновенного труда вложено в эти творения. В них отражена жизнь народа; они созданы народом и должны принадлежать народу. Немецкие фашисты не смогли их отнять у человечества. Спасённые советскими войсками сокровища снова живут, принося людям радость, укрепляя веру в торжество справедливости, в мощь человеческого гения.

Б. Шергин

Рисунки Петра Павлинова.

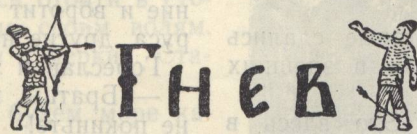
Ещё во времена глубокой древности, почти тысячу лет назад, на берегах Белого моря и Северного Ледовитого океана стали селиться русские люди. Жизнь у моря-океана, неустанная борьба с суровой северной природой сделали этих русских людей отличными мореплавателями и кораблестроителями.

По имени приморского города Архангельска и население беломорских берегов стало называться архангельскими поморами.

У поморов и теперь еще сохраняются предания об отцах и праотцах русского

мореходства. Эти старинные предания иногда похожи на сказки. Но в них интересно и верно отображаются природа Севера и морская жизнь.

Старинные наши мореходцы «ходили» по Студёному морю в лодьях. Лодьёй называлось большое трёхмачтовое парусное судно. Из Белого моря лодьи «ходили» на Новую Землю, на Грумант (Шпицберген), в Скандинавию, в Германию. Команда лодьи (чаще всего семнадцать человек) называлась дружиной. Дружина была «послушна и подручна» кормщику. Чин и звание кормщика соответствовали теперешней должности капитана судна.

В Двинском устье, на острове Кег, стоял некогда двор Лихослава и брата его Гореслава.

На Лихослава пал гнев Студёного моря. По той памяти место, где был «двор Лихославль», до сих пор называется Гневашево.

Лихослав был старший брат, Гореслав — младший.

Под рукою батька своего, мореходца, оба выросли в добром промысле. Остарев, отец

надёжно отпускал сыновей к Новой Земле. Так же неубыточно правили они торг у себя, на Двине.

Лихослава и Гореслава одна мать породила, да не одной участью-таланом наградила.

Гореслав скажет:

— В морском ходу любо, а в мирском торгу люто!

Лихослав зубы ощерит:

Нет. В торгу любо, а в море люто.
Отец нахмурится и скажет Лихославу:
— Хотя ты голова делу, но блюдись морского гневу.

По смерти отца Лихослав отпихнул брата от лодейного кормила. Перешерстил всю лодейную службу, ни в чём не стал с дружиною спрашиваться:

— Я-де на ваше горланство добыл приказ!

Люди, ближние и дальние, говорили Гореславу:

— Что ты молчишь, брату? Зачем ты знание своё морское кинул ему под ноги? Разделись с братом! Батько дом оставил на двоих.

Эти речи Лихослав знает и зубами скрипит:

— Ай, братец! Костью ты мне в горле встал!

Таким побытом братья опять пришли на Новую Землю. Добыли и ошкуя¹ и песка. Ждали попутных ветров, чтобы подняться в Русь. А Гореслав с товарищем ещё побежал, на остатках, по медвежьему следу. И в этот час с горы пало поветерье, пособное ходу в русскую сторону.

Закружились белые мухи, снег лепит глаза. Гореслав и дружинник кинулись к берегу — берег потерялся из виду. И бежать грубо: в камне одну ногу сломишь, другую выставишь. И мешкать нельзя: знают, что в лодье их ждут и клянут.

А старший брат видит, что в берегах непогода, и скаредного своего веселья скрыть не может:

— Я с тобой сегодня, братец, учиню раздел! Ты сам за своей погибелью пошёл.

И Лихослав начал взывать к дружине:

— Сами видите, друзья, какое лихорадство учинил мой братец. Нароком он гулять отправился, чтобы меня здесь удержать да уморить. А что вы домой торопитесь, на это он плюёт и сморкает!

Дружина смутилась. Некоторые сдались на эти речи. Но которые были в здешних берегах, те говорят:

— Непогода пала вдруг. Это здесь в обычай. Заблудиться может всякий. Надо в рог трубить и ждать. А не выйдут — надобно идти искать.

Кормщик затрубил в рог. Лихослав освидрел:

— Ребята! У них затаено с Гореславом против нас! Не поддадимся нашим супостатам!

Доброчестные дружинники говорят:

¹ Ошкуй — белый медведь

— Господине, это ты затеял что-то. А мы без хитрости, по уставу надобно искать потерянных до последнего изможения.

Лихослав кричит:

— Не слушайте, ребята! Они хотят вас под зимовку подвести! По уставу я ответчик за дружину. Не дам вас погубить! Они и в рог-то трубят — свои воровские знаки подают. Эй, выбирайте якоря! Эй, вздымайте паруса! Бежим на Русь!

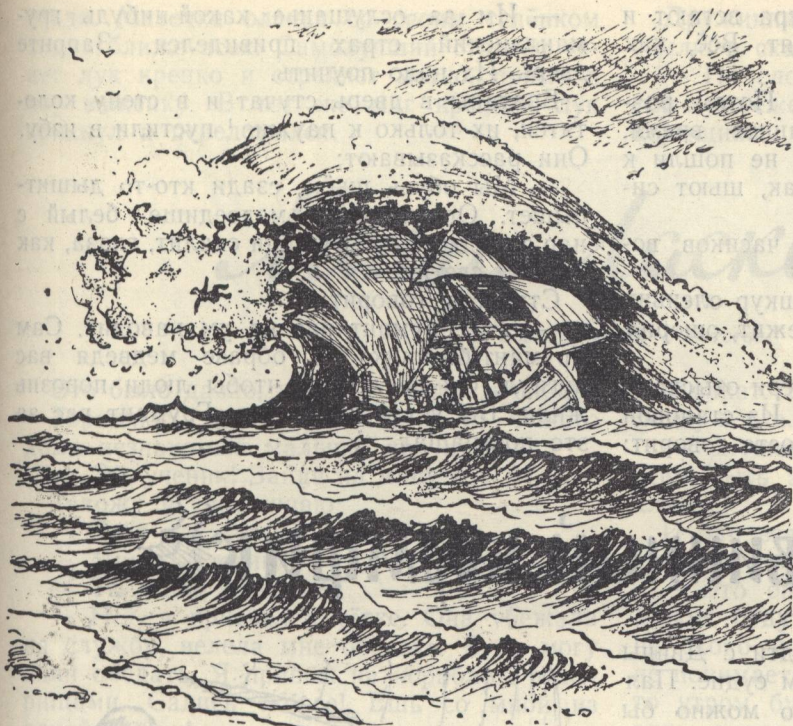
В лодье вопль, мятеж. А погода унялась. Над землёй, над морем выяснило. Гореслав с товарищем выбежали на берег и смотрят это буйство в лодье... Лихослав управил лодью к морю; кормщик отымаёт управление и воротит к берегу. Одни вздымают паруса, другие не дают.

Гореслав и закричал:

— Братцы, не оставьте нас! Доброхоты, не покиньте!

Лихослава этот крик будто с ног срезал: чаял, потеряется да околеет там, а он стоит как милый.

В злобе Лихослав забыл всю смуту в лодье. Он хватает лук и пускает в брата одну за другой три стрелы. Первая стрела, пушенная Лихославом в брата, утонула в море. Вторая жогнула Гореслава в голенище, у бахил. Третья стрела прошла рукавицу и ладонь, когда Гореслав в ужасе прикрыл глаза рукою.

Сказанье говорит, что, видя это злодеянье, оцепенели море и земля, окаменели люди в лодье. А Гореслав, добрый, кроткий, стал престашен. Он грозно простёр

окровавленные руки к морю и закричал с воплем крепким:

— Батюшко Океан, Студёное море! Сам и ныне рассуди меня с братом!

Будто гром сгремел Океан в ответ Гореславу.

Гнев учинился в море. Седой непомерный вал взвился над лодьёй, подхватил Лихослава и унёс его в бездну.

Утолился гнев Студёного моря. Лодья опрямилась, и люди опамятовались. Дивно было дружине, что все они живы и целы.

Гореслав ждал их, сидя на камне с перевязанной рукой. Дружинники, от мала до велика, сошли на берег, поклонились Гореславу в землю и сказали:

— Господине, ты видел суд праведного Моря. Теперь суди нас.

Гореслав встал, поклонился дружине тем же обычаем и сказал:

— Господа дружина! Все суды прошли. Все суды кончились. А у меня с вами нету обиды.

Грумант — медведь

Зверобойная дружина зимовала на Груманте. Время стало ближе к свету, и двое промышленников запросились отойти в стороннюю избу: «Поживём по своим волям. А здесь хлеб с мерки и сон с мерки». Старосте они говорили:

— Мы там, на бережку, будем море караулить. Весна не за горами.

...Наконец староста отпустил их. Дал устав: столько-то всякий день делать деревянное дело, столько-то шить шитья, не больше столько-то часов спать. В становище повелено было приходить раз в неделю, по воскресеньям.

Оба молодца пришли в эту избу, край моря, и день — два пожили по правилу. До обеда поработают, часок поспят. Вылезут на улицу, окошки разгребут. В семь часов

отужинают и спать. В три утра встают и печь затопляют. И еду готовят. Всё, как дома, на матерой земле.

День — два держались так. Потом разленились. Едят не в показанное время. Спят без меры. В воскресенье не пошли к товарищам. В понедельник, этак, шьют сидят, клюют носом:

— Давай, брат, всхрапнём часиков во семь...

К нарам подошли и вместо шкур оленьих видят белого медведя. Будто лежит, ощерил зубы, ошетинился...

Не упомянут молодцы, как двери отыскали да как до становища долетели. Из становой избы их издали увидели. Староста говорит:

— Им за ослушанье какой-нибудь груманланский страх привиделся. Заприте дверь. Их надо поучить.

Братаны в дверь стучат и в стену колются, их только к паужне¹ пустили в избу. Они рассказывают:

— Мы обувь шьём, сзади кто-то дышит-пышет. Оглянулись — медведище белый с нар заподымался. Зубищи скалит, глаза, как свечки, светят...

Староста говорит:

— Это Грумант вас на ум наводит. Сам Грумант-батьюшка в образе медведя вас пугнул. Он не любит, чтобы люди порознь жили. Вы устав нарушили, Грумант вас за это пострашал.

Диковинный кормщик

Ивану Ряднику привелось идти с Двины в Сумский берег² на стороннем судне. Пал легкий ветер, хотя крутой, но можно бы ходко бежать, если бы кормщик правил поперёк волны. Но кормщик этим пренебрегал, и лодья каталась и валялась.

Старый и искусный мореходец Рядник не стерпел.

— Ладно ли, господине, — спросил он кормщика, — что судно ваше так рабелепствует стихии и шатается, как пьяное?

Кормщик ответил:

— Это не от нас. Человек не может спорить с божией стихией.

— Сроду не слыхал такого слова от кормщика, — говорит Рядник. — А сколько лет ты, господине, ходишь кормщиком?

— Годов десять, двенадцать, — отвечает тот.

— Что же ты делал эти десять — двенадцать лет?! — гневно вскричал Рядник. — Бездельно изнурил ты твои десять — двенадцать лет!

Слово кормщика

Кормщик Устьян Бородатый стал на якорь в Нежилой губе.

Дружина говорит:

— Не худо бы сбродить на мох, добыть оленя. Приелась солёная-то рыба.

Устьян говорит:

— Ступайте. Только не стреляйте важенку. Маточку с детёнком не убейте.

Вот дружинники стоят на мшистой горбине с луками. Видят непуганых оленей

¹ Паужна — время еды между обедом и ужином.

² Сумский берег — западный берег Белого моря.

стадо. Маточка оленья со своим телёнком ходит ближе всех. Самолучший стрелец тянет лук крепко и стреляет метко, прямо в эту важенку. В тот же миг крепкий лук крякнул и переломился.

Дружинник ударил этими обломками о землю и сказал:

— Не сломился бы ты, мой гибкий, тугой лук, ежели бы не переступил я слово кормщика.

Миша Ласкин

Из воспоминаний о детстве

Это было давно, когда я учился в школе. Тороплюсь домой обедать, а из чужого дома незнакомый мальчик кричит мне:

— Эй, ученик! Зайди на минутку!

Захожу и спрашиваю:

— Тебя как зовут?

— Миша Ласкин.

— Ты один живёшь?

— Нет, я приехал к тётке. Она убежала на службу, велела мне обедать. Я не могу один обедать. Я привык на корабле с товарищами. Садись скорее! Ешь со мной из одной чашки!

Я дома рассказал, что был в гостях у Миши Ласкина. Мне говорят:

— В добрый час. Ты зови его к себе. Слышно, что его отец ушёл в дальнее плавание.

Так я подружился с Мишей.

Против нашего города река такая широкая, что другой берег едва видно. При ветре по реке катятся волны с белыми гребнями, будто серые кони бегут с белыми гривами.

Однажды мы с Мишей сидели на берегу. Спокойная река отражала красный облач-

ный закат. С полдесятка ребят укладывали в лодку вёсла. Старший из ребят кричал:

— Слушать мою команду! Через час всем быть здесь! Теперь отправляйтесь за хлебом!

И они все ушли.

Миша говорит:

— Это они собрались за реку на ночь. Утром будут рыбу промышлять. А домой не скоро попадут. Глупый ихний капитан не понимает, что если небо красно с вечера, то утром будет сильный ветер. Если говорить, они не послушают. Надо спрятать у них вёсла.

Мы взяли из лодки вёсла и зачихали их под пристань в дальний уголок так, что мышам не найти.

Миша верно угадал погоду. С утра дул морской ветер. Кричали чайки. Волны с шумом налетали на берег. Вчерашние ребята бродили по песку, искали вёсла.

Миша сказал старшему мальчику:

— Забрались бы вы с ночи на тот берег и ревели бы там до завтра.

Мальчик говорит:

— Мы вёсла потеряли.

Миша засмеялся:

— Вёсла я спрятал.

Как-то раз мы пошли удить рыбу. После дождя спускаться с глиняного берега было трудно. Миша сел разуться, я побежал к реке. А навстречу Вася Ершов. Ташит на плече мачту от лодки. Я не дружил с ним и кричу:

— Вася Ёрш, куда ползёшь?

Он зачерпнул свободною рукой глины и ляпнул в меня. А с горы бежит Миша. Вася думает: «Этот будет драться» — и соскочил с тропинки в грязь.

А Миша ухватил конец васиной мачты и кричит:

— Зачем ты в грязь залез, дружище?! Дай я помогу тебе...

Он до самого веру, до ровной дороги, нёс васину мачту. Я ждал его и думал: «Миша только и глядит, как бы чем-нибудь кому-нибудь помочь...»

Утром взял деревянную лодочку своей работы и с парусом и пошёл к Ершовым. Сел на крыльцо. Вышел Вася, загляделся на лодочку. Я говорю:

— Это тебе.

Он улыбнулся и покраснел. А мне так стало весело, будто в праздник.

Мой отец был корабельный мастер. Однажды он строил корабль недалеко от города, и мы с Мишей ходили глядеть на его работу. В обеденный час отец угощал нас пирогами с рыбой. Он гладил Мишу по голове и говорил:

— Ешь, мой голубчик.

Потом нальёт квасу в ковшик и первому подаст Мише:

— Пей, мой желанный.

Я всегда ходил на стройку вместе с Мишей. Но однажды я подумал: «Не возьму сегодня Мишку. Умею с кем поговорить не хуже его».

И не сказал товарищу, один убежал.

Корабль уже был спущен на воду. Без лодки не добраться. Я с берега кричу, чтобы послали лодку. Отец поглядывает на меня, а сам с помощниками крепит мачту. А меня будто и не узнаёт.

Целый час орал я понапрасну. Собрался уходить домой. И вдруг идёт Миша. Спрашивает меня:

— Почему ты не зашёл за мной?

Я ещё ничего не успел соврать, а уж с корабля плывёт лодочка. Отец увидел, что я стою с Мишей, и послал за нами.

На корабле отец сказал мне строго и печально:

— Ты убежал от Миши потихоньку. Ты обидел верного товарища. Проси у него прощенья и люби его без хитрости.

Миша захотел украсить место, где строят корабли. Мы начали выкапывать в лесу кусты шиповника и садить на корабельном берегу. На другое лето садик стал цвести.

Миша Ласкин любил читать и то, что нравилось, переписывал в тетради. На свободных страницах я рисовал картинки, и у нас получалась книга. Книжное художество увлекло и Васю. Он писал, будто печатал. Нам дивно было, какие альбомы получаются у Миши из наших расписных листов.

Книги, и письмо, и рисование — дело зимнее. Летом наши думы устремлялись к рыбной ловле. Чуть зашепчутся весенние капли, у нас тут и разговор: как поплывём на острова, как будем рыбку промышлять и уток добывать. Мечтали мы о лёгкой лодочке.

И вот такая лодка объявилась у поморов, у мишиных знакомцев. Миша сам туда ходил, ещё по зимнему пути. Лодка стоила не дёшево, но мастеру понравился мишин разговор, мишино желание и старание, и он не только сбавил цену, но и сделал льготу: половину денег сейчас, половину к началу навигации.

Отцы наши считали эту затею дорогой забавой, однако, доверяясь Мише, дали денег на задаток.

Мы с Васей ликовали, величали Мишу кормщиком и шкипером, клялись, что до смерти будем ему послушны и подручны.

Перед самой распутой зашли мы трое в Рыбопромышленный музей. Любуемся моделями судов, и Вася говорит:

— Скоро и у нас будет красоваться судёнышко!

Миша помолчал и говорит:

— Одно некрасовито: снова править деньги на отца...

Вздыхнул и я:

— Ох, если бы нашим письмом да рисованием можно было заработать!..

Мы не заметили, что разговор слышит основатель музея Варпаховский. Он к нам подходит и говорит:

— Покажите мне ваше письмо и рисование.

Через час он уж разглядывал наши самодельные издания.

— Великолепно! Я как раз искал таких умельцев! В морском строении сейчас находится редкостная книга. Её надобно спешно списать и срисовать. За добрый труд получите добрую цену.

И вот мы получили для переписывания книгу стогодовалую, премудрую, под названием «Морское знание и умение».

В книге было триста страниц. Сроку нам дано две недели. Мы рассудили, что каждый из нас спишет в день десять страниц. Трое спишут тридцать страниц. Значит, переписку можно кончить в десять дней.

Сегодня, скажем, мы распределили часы работ для каждого, а завтра с Мишей Ласкинымстряслась оказия. Он для спешных дел побежал к отцу на судно.

У отца заночевал, а ночью вешняя вода сломала лёд, и началась великая распута. Сообщения с городом не стало.

Люди бы за ум, а мы с Васей за дело.

— Давай, — говорим, — сделаем нашему шкиперу сюрприз, спишем книгу без него.

Так работали: недосуг носа утереть. Старая книга была замысловатая, рукописная, но вздумаем о Мише, и на уме станет светло и явится понятие. Эту поморскую премудрость втроём бы в две недели не понять, а мы вдвое списали, срисовали в девять дней.

Варпаховский похвалил работу и сказал:

— Завтра в Морском собрании будут заседать степенные¹, я покажу вашу работу. И вы туда придёте в полдень.

На другой день мы бежим в Собрание, а нам навстречу Миша...

— Ребята, я книгу разорил?

— Миша, ты не разоритель, ты строитель. Пойдём с нами.

В Морском собрании сидят степенные, и перед ними наша новенькая книга. Миша понял, что работа сделана, и так-то весело взглянул на нас. Степенный Воробьёв, старичище с грозной бородищей, сказал:

— Молодцы, ребята! Возьмите и от нас хоть малые подарочки.

Старик берёт со стола три костяные узорные коробочки, подаёт Мише, мне и Васе. В каждой коробочке поблескивает золотой червонец. Миша побледнел и положил коробочку на стол.

— Господин степенный, — сказал Миша. — Эта книга — труд моих товарищей. Не дико ли мне будет взять награду за чужой труд?

Этими словами Миша нас, как кнутом, стегнул. Вася скривил рот, будто проглотил что-то горькое-прегорькое. А я взвопил со слезами:

— Миша! Давно ли мы стали тебе чужие? Миша, отнял ты у нас нашу радость!..

...Все молчат, глядят на Мишу. Он стоит прям, как изваяние. Но вот из-под опущенных ресниц у него блеснули две слезы и медленно покатались по щекам.

Старичище Воробьёв взял мишину коробочку, положил ему в руку, поцеловал всех нас троих и сказал:

— На дворе ненастье, дождик, холод, а здесь у нас благоуханная весна.

С тех пор прошло много лет. Я давно уехал из родного города. Но недавно получил письмо от Михаила Ласкина. В письме засушенные лепестки шиповника.

Старый друг мне пишет: «Наш шиповник широко разросся, и, когда цветет, весь берег пахнет розами».

¹ Члены правления.

Капуста ростом с человека

Кормовую капусту в наших местах почему-то почти никто не сажает. А ведь это замечательный корм для скота. У неё толстый, мясистый ствол метра полтора высотой и пятнадцать — двадцать огромных листьев.

Об этой капусте нам рассказали в письме наши друзья — черниговские ребята. Они нам и семена прислали.

Мы решили сажать свою капусту не рассадой, а прямо в грунт.

Землю мы обработали очень тщательно, разделили на квадраты (70 × 70 см), на перекрёстках сделали неглубокие лунки, положили в них перегной и в каждую посадили по 7—8 семян. Потом хорошенько полили.

Всходы появились дружные, сильные. Мы не могли нарадоваться, глядя на них.

Но пришла беда. Неожиданно ударил мороз. Мы прибежали на поле рано утром, хотели жечь костры, но было поздно. Мы чуть не плакали.

— Может быть, попробуем отлить холодной водой, — неуверенно предложил кто-то.

Мы ухватились за эту последнюю надежду. Стали таскать вёдра холодной воды. Лили, лили без конца... И растения ожили.

Потом наступили тёплые дни, и наша капуста росла не по дням, а по часам. Мы её прорежали, подкармливали минеральными удобрениями, рыхлили. Всё шло хорошо. И вдруг снова неудача. Листья стали желтеть и скручиваться. Людмила Алексеевна, наша учительница биологии, сказала, что капуста заболела сосудистым бактериозом и грибной пятнистостью. Капустное поле снова было под угрозой гибели.

Людмила Алексеевна посоветовала нам провести дезинфекцию комбинированным составом медного купороса и гашёной извести. Так мы во второй раз спасли наше поле.

Капуста у нас к осени выросла замечательная, выше нас ростом. Специалисты говорят, что такой большой ещё не было в Подмосковье.

Мы получили сто тонн зелёной массы в пересчёте на гектар.

В этом году мы снова посадили кормовую капусту и хотим получить урожай в сто двадцать тонн с гектара. Думаем, что добьёмся этого: ведь теперь у нас есть опыт.

Лида Романова и Галя Митина,

ученицы средней школы № 1, г. Чехов.

В Ильменском заповеднике

Нас было одиннадцать человек. Мы шли по Южному Уралу, от Верхнего Уфалея до озера Тургояк — места, где собирался Всероссийский слёт юных туристов.

Мы пробирались глухой тайгой, нехоженными тропами, ориентировались по карте и по компасу, ночевали в лесу у костра, ку-

пались в прозрачных и холодных горных озёрах. Прошли около трёхсот километров и в пути почти не встречали людей, только два раза видели охотников. Они указали нам таёжные тропы, которыми только они сами пробираются. Так нам несколько раз удалось сократить дорогу.

Много интересного видели мы на Урале! Но интереснее всего было в Ильменском заповеднике. Там так много самых разнообразных минералов и горных пород, что получается вроде природного музея. В Ильменских горах минералы расположены у самой поверхности земли. Каждый их может рассматривать и изучать в естественной обстановке. Другого такого удивительного уголка природы нет нигде на земном шаре.

В походе мы собирали коллекцию минералов. У нас уже были образцы полевого шпата, кварца, горного хрусталя, но в заповеднике мы поняли, до чего бедна наша коллекция. У всех, а в особенности у наших геологов Черняева и Чайковского, прямо глаза разбежались.

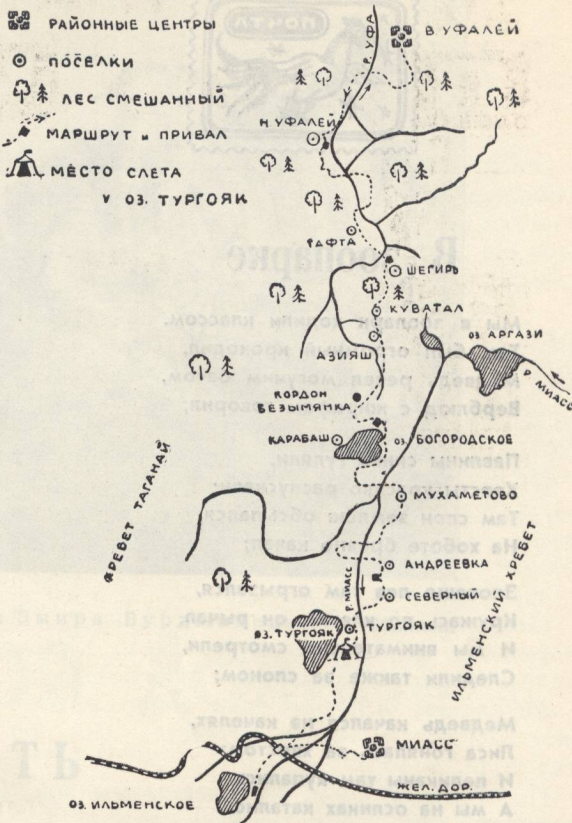
Мы рассматривали минералы, которые лежали глыбами, россыпями или жилами в неглубоких копиях. Здесь, прямо у места рождения, и лежат все эти богатства. Мы видели аквамарины, гранаты, сапфиры, которые впервые были обнаружены на Урале, именно в Ильменах. Видели мы и недавно открытый светлосерый минерал миаскит, который встречается только здесь, в Ильменских горах.

Конечно, нам очень хотелось набить свои рюкзаки образцами редких горных пород, но это не так-то просто было сделать.

Работать в копиях строго запрещено. Но вокруг копей лежит «отвал» — порода, выброшенная на поверхность при рытье. И вот из отвалов разрешается брать образцы. Нам пришлось немало порыться в этих отвалах, прежде чем мы пополнили свою коллекцию.

Ильмены — не только минералогический, но и зоологический заповедник. Там мы встречали пятнистых оленей, лосей, наблюдали за бобрами. На территории заповедника запрещена не только разработка недр, но и охота и рыбная ловля. Здесь даже нельзя косить траву, собирать ягоды или

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

На этой карте отмечен маршрут, по которому шли ребята 18-й воронежской школы.

грибы. В заповеднике всё должно оставаться в естественном, нетронутым виде.

Никогда раньше мы не видели такого замечательного и огромного музея природы. Из похода мы привезли большую коллекцию минералов, которая теперь хранится в географическом кабинете нашей школы.

Борис Чехов,
ученик 18-й школы, г. Воронеж.

Колхозный табун.

Рисунок Саша Коковкина, г. Ленинград.

В зоопарке

Мы в зоопарк ходили классом.
Там был огромный крокодил,
Медведь ревел могучим басом,
Верблюду с жирафом говорил;

Павлины синие гуляли,
Хвосты красиво распускали;
Там слон землёю обсыпался,
На хоботе бревно качал;

Зловеще лев там огрызался,
Кружась по клетке, он рычал.
И мы внимательно смотрели,
Следили также за слонем;

Медведь качался на качелях,
Лиса гонялась за хвостом;
И пеликаны там купались,
А мы на осликах катались.

Чепуха

Вовка — мой братишка,
Десять лет ему,
Мальчик — шалунишка
И лентяй к тому.

У братишки Вовки
Сказок полон рот,
В небылицах этих
Всё наоборот.

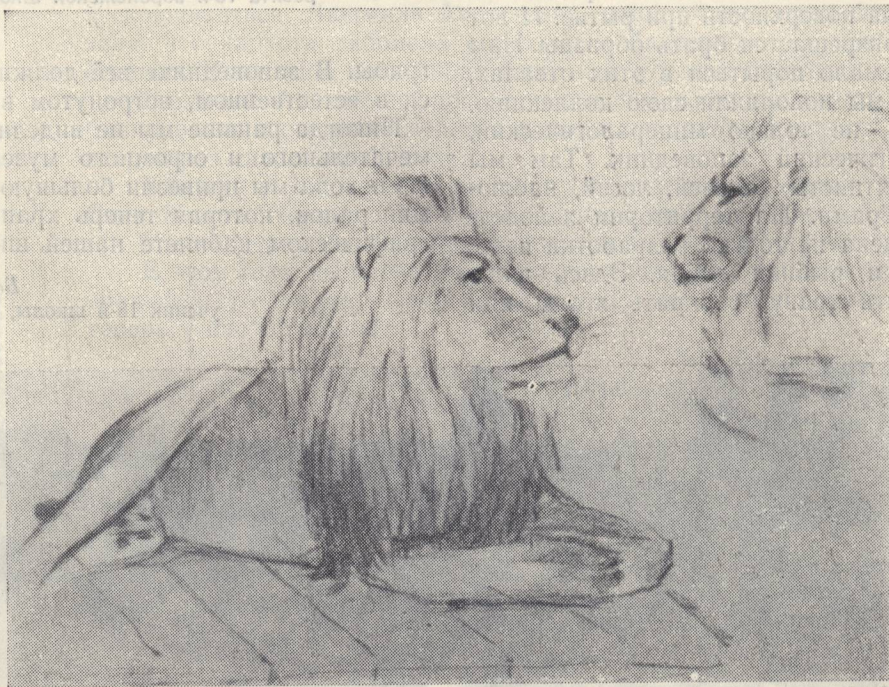
Ночью светит солнце,
Днём луна сияет,
Черепаша прутиком
Лошадь подгоняет.

В яркосиних сапожках,
Поклевав котлету,
Петушок решил лететь
На дальнюю планету.

Пёс мяукал,
Кот рычал,
Заяц хрюкал
И ворчал,
Слон забрался в мышеловку,
Вместе с мышкой грызли корку.

Если эту чепуху
Потереть на тёрке,
То и у Вовки в дневнике
Вырастут пятёрки!

Коралова Настя,
ученица 5-го класса «А»
529-й школы, г. Москва.

В зоопарке. Рисунок Гены Иконникова, г. Люблино, Московская область.

Крепость Нарикала.

Рисунок Эмира Бурджанадзе, г. Тбилиси.

МАТЬ

У нашей курушки вывелись цыплята. Их было шесть: пять жёлтых и один чёрненький.

Цыплята были похожи на крошечные пушистые комочки. Они раскачивались на своих маленьких, слабых ножках и жались друг к дружке.

Потом мы выпустили цыплят к курушке. Как она вся распушилась, как радостно закокала и села на пол! Цыплята полезли под неё.

Через несколько дней курица стала выводить своих детей на лужайку перед домом. Тут они грелись на солнышке, купались в тёплом песке и весело бегали за матерью. Теперь у курицы стало много забот: ей надо научить цыплят отыскивать пищу.

Чёрный цыплёнок был самым задиристым и жадным. Он вступал в драку со своими братьями и сёстрами и всегда выхватывал зёрна и букашек у них прямо из-под самого носа. А один раз он чуть-чуть не подавился. Нашёл где-то дождевого червя и хотел проглотить. Но червяк был большой, да и зобик у цыплёнка был уже полон.

Цыплёнок проглотил червяка наполовину, а дальше он никак не лез. Хорошо, что я увидел это и вытащил червяка.

Мирная жизнь продолжалась недолго. Случилось несчастье. Ночью, когда все спали, к нам во двор забрался хорёк. Проснулись мы от дикого крика курицы. Бросились во двор. Но там было темно, и мы сначала ничего не могли разобрать. Когда зажгли свет, увидели, что хорёк съел всех цыплят. Курушка, вся в крови, бегала по двору, на голове у неё была огромная рана. Бедная мать, видно, долго защищала своих детей, но не могла справиться с хищным зверьком.

Мы внесли курушку в хату. Она еле держалась на ногах. Жалобно кокая, она ходила по комнате, как бы плача о своих детях. Мы даже боялись, что она умрёт.

Мама зашила ей шёлковой ниточкой рану на голове, и наша курушка скоро поправилась. Только теперь она стала похожа на курицу-хохлатку. Так, хохолком, у неё зажила рана на голове.

Будущей весной мы опять посадим эту курицу на яйца и уже обязательно поможем ей сберечь цыплят. Ведь она такая хорошая, отважная мать.

Валерий Стрыгин,
деревня Миньково, Юхновского района,
Калужской области.

Наступление на овраг

Очень мы удивились, когда однажды Ираида Яковлевна Марик — руководитель нашего географического кружка — сказала, что мы пойдём изучать нашу речку Арженку.

— А чего её изучать? Два метра ширины, по колено глубины. Мы её и так хорошо знаем! — сказал обиженно Серёжа Кубляков.

— Это мы ещё увидим, — ответила Ираида Яковлевна.

На реке мы определяли берега, узнавали, из каких пород состоят приречные низменности, измеряли ширину и глубину реки, посмотрели, как устроена плотина, как регулируется подъём воды.

Мы уже собрались идти домой, когда обнаружили небольшой овраг. Было хорошо видно, как ручёек размыл покатый склон.

Мы знаем, что растущие овраги — большое зло для сельского хозяйства: они портят поля, дороги.

По совету Ираиды Яковлевны мы вбили колышек там, где начинался овраг.

Через несколько дней, после большого дождя, мы вдвоём пошли посмотреть на овраг. Колышек стоял на своём месте, а ру-

чёек размыл поле ещё дальше. Я измерила расстояние от колышка до размыва места. Оказалось, что после одного только дождя овраг вырос на целых тридцать сантиметров.

Мы пришли в школу и рассказали об этом ребятам.

— Так он скоро дойдёт до дороги через плотину.

— Овраг испортит поля! — встревожились ребята.

Мы попросили Федю Кузнецова, нашего художника, нарисовать на большом листе бумаги овраг со всеми его извилинами. Затем мы стали вести наблюдения и всё, что происходило с оврагом, отмечать на этом плане. Скоро мы смогли высчитать, что через год овраг дойдёт до дороги.

Тогда мы все вместе пошли к Арженке и забили щепнем и изгарью русло ручейка. Потом нарезали веток вербы и высадили их по склонам оврага.

Теперь овраг уже не перережет дорогу к нашему совхозу!

*Валя Тищенко и Рая Глуценко,
ученицы 5-го класса,
г. Рассказово
Тамбовской области.*

В пионерском походе.

Рисунок Гени Глахтеева, г. Пенза.

ЛЮДИ ЧЕРНОЙ ДОЛИНЫ

Страницы из дневника корреспондента

Юрий Жуков

Когда я был во Франции, мне приходилось не раз ездить в Чёрную долину, так называется угольный бассейн, находящийся в самом центре страны — около города Сент-Этьен.

Впервые меня привлекли туда грозные события, развернувшиеся в дни героической забастовки французских шахтёров осенью 1948 года. Там, в Чёрной долине, шли жестокие схватки между бастующими горняками и брошенными против них частями охранных войск. Рабочие с беззаветной доблестью защищали свои шахты, отбиваясь палками и камнями от вооружённых охранников, но те снова и снова шли на штурм: власти хотели во что бы то ни стало захватить шахты, чтобы затем пустить их в ход с помощью штрейкбрехеров. Особенно ожесточённой была борьба в городке Фирмини.

Недавно, разбирая свои старые бумаги, я нашёл пожелтевший от времени номер французской газеты «Патриот», окаймлённый траурной рамкой. Он был датирован 23 октября 1948 года. Огромные заголовки гласили: «Охранные войска убивают рабочих шахты Камбефор. Винтовки, автоматы и гранаты — против рабочих, которые толь-

ко что отбили свою шахту. Один убитый, один — при смерти, пятнадцать раненых». И дальше шли взволнованные строки, набросанные в последнюю минуту корреспондентом газеты, очевидцем этой расправы:

«Они стреляли, трусы, в безоружных рабочих, без предупреждения, внезапно... Этого преступления шахтёры не простят никогда!»

Газета сообщала:

«Раненые были немедленно доставлены их товарищами в госпитали Фирмини. Один из них — Антони Барбье, отец семьи, проживавший в квартале Файоль города Фирмини, раненный пулей в живот, скончался по пути в госпиталь. Другой — Марсель Гойо, шахтёр, в прошлом активный участник движения Сопrotивления гитлеровским оккупантам, находится в очень тяжёлом состоянии — пять ранений в области живота. Он был немедленно подвергнут хирургической операции. У Жана Рубена перебита пулей артерия бедра. Бастид получил пулю в шею, а у Сулбера Матье пробито пулей бедро. Был ранен и семнадцатилетний юноша Антуан Фор, находившийся за двести метров от места схватки...»

25 октября 1948 года в Фирмини хоронили Антони Барбье.

Это был честный, мужественный человек, отстаивавший в борьбе рабочее дело. Он прожил сорок четыре года и тридцать один год своей жизни отдал работе на шахтах.

За гробом шли сорок тысяч рабочих. Разстерявшаяся полиция даже не пыталась разгонять эту могучую демонстрацию. На главной площади города состоялся большой митинг протеста против зверств полиции. По всей Франции были прекращены работы в знак солидарности с бастующими шахтёрами.

Тем временем на шахтах продолжались упорные схватки рабочих с охранными войсками. Кое-где на штурм возведённых рабочими баррикад были брошены даже танки. Шахтёры яростно сопротивлялись.

Перейдя в контрнаступление, рабочие шахты Алуэтт взяли в плен и разоружили сто двадцать солдат и офицеров охранных войск, в том числе одного полковника и капитана. На следующий день рабочие великодушно освободили своих пленников и даже вернули им оружие.

В крохотном посёлке Рош ля Мольер четыре тысячи охранников в течение пяти часов вели борьбу с местными жителями, штурмуя улицу за улицей. Для захвата шахты Курье власти послали семь тысяч солдат. Перед штурмом шахты они выключили подачу тока, чтобы забастовочные пикеты не могли запустить сирену и призвать жителей Сент-Этьена на помощь. На шахте Вилье борьба длилась четыре дня.

В конце концов вооружённые «роты республиканской безопасности» (так называются охранные войска во Франции) одержали верх над рабочими, которые могли отбиваться лишь камнями.

На пятьдесят восьмой день борьбы забастовка шахтёров была подавлена. Тысяча двести шахтёров были осуждены в общей сложности на двести лет тюрьмы. Тысячи рабочих остались без работы. И всё-таки силам реакции не удалось сломить горняков, не удалось поставить их на колени. Рабочие были полны решимости возобновить борьбу, как только будут накоплены новые силы.

Несколько месяцев спустя, в феврале 1949 года, мне довелось впервые побывать в Фирмини. Я посетил места памятных октябрьских событий, встретился с их участниками. Эти встречи оставили неизгладимое впечатление. Люди Чёрной долины были живым воплощением лучших качеств фран-

цузского народа и его рабочего класса: смелости, отваги, нравственного благородства.

Здесь вы прочтёте записи из дневника, которые рассказывают о трёх встречах с шахтёрами Фирмини на протяжении минувших шести лет.

СТОЙКОСТЬ

26 февраля 1949 года. Они поднимались вот по этой самой крутой, ухабистой, немощёной дороге мимо дымящихся отвалов горной породы, мимо жалкого кабака с напыщенным названием «Под мимозами», мимо старых, полуразвалившихся шахтёрских хижин. Впереди других быстрым шагом шли пожилой усатый забойщик Антони Барбье и плечистый, с отличной спортивной выправкой чернорабочий Марсель Гойо. Барбье тяжело дышал: проработав тридцать один год под землёй, нелегко идти в гору; великан Гойо только посвистывал — недаром он был чемпионом Фирмини по игре в регби.

Охранники отступали — им было не по себе перед этой всё увеличивающейся, хоть и безоружной толпой бастующих рабочих, решивших во что бы то ни стало отбить свою шахту. Рукопашный бой за эту шахту длился вчера двенадцать часов; забастовщиков оттеснили вниз, к окраине посёлка. Но сегодня шахтёры пошли в контратаку.

Когда забастовщики вскарабкались по обрыву, над которым высится копёр шахты Камбефор, охранники вскинули автоматы и без предупреждения открыли огонь с расстояния в пять — шесть метров, целясь в животы рабочих. Барбье, Гойо и ещё пятнадцать человек упали как подкошенные.

Глинистый косогор окрасился кровью. Охранники вновь подняли автоматы. Тогда восемнадцатилетний шахтёр, вырвавшись из задних рядов, заслонил раненых, разорвал рубаху на груди и громко крикнул войскам: «Стреляйте, труссы!» Охранники в смятении попятились, и рабочие, бережно подняв тела товарищей, организованно отошли, осылая проклятиями тех, кто дал приказ расстрелять безоружных шахтёров, отстаивавших своё право бастовать, записанное в конституции Французской республики.

Антони Барбье был при смерти. Его даже не успели донести до госпиталя: он умер в пути на руках у товарищей. Гойо получил пять ранений в живот, и у него был раздроблен таз. Когда Гойо принесли в госпиталь, врачи только развели руками: чудо, что он ещё дышит. Всё же ему сделали операцию, а затем товарищам разрешили навестить его. Этот великан ещё нашёл в себе силы приподнять голову и чуть слышно, срывающимся от боли голосом запеть: «Это будет последний и решительный бой...», — потом он потерял сознание.

...Каждый мальчик в Фирмини укажет вам путь к маленькому ветхому домику, в котором живёт семья покойного Барбье. У дверей — мраморная дощечка, на ней золотыми буквами выгравирована надпись: «Здесь жил шахтёр Антони Барбье. Родился в 1904 году. Пал смертью мученика в борьбе за рабочее дело 22.X.1948 года». Полиция не

рискнула помешать шахтёрам установить эту мраморную доску.

Не без волнения открываю я дверь этого дома. Прямо с улицы вход в небольшую, скромно обставленную комнатку. Чугунная печь, простенький буфетик. За столом, накрытым клеёнкой, сидит белокурая девочка с исхудалым, печальным лицом, перед нею — учебники и тетради. Ну, конечно же, это Маринетт, дочь покойного Антони. Со стула медленно поднимается высокая худая женщина в чёрном платье. На её бледном лице ярко горят воспалённые чёрные глаза. Она вопросительно глядит на незнакомых людей. Это Роза Барбье, вдова Антони.

Мой спутник, работник профсоюза горняков, знакомит нас. Лицо Розы Барбье смягчается. Она силится быть приветливой, начинает расспрашивать о Москве, о том, какая там погода в эти дни, как учатся советские дети... Но глаза её то и дело затуманиваются. Чувствуется, что она полна горя. Снова и снова встаёт перед ней страшное видение: залитое кровью тело Антони.

Маринетт встаёт, подходит к матери, обвиняет её худые, сгорбленные плечи, она пытается утешить её, но тут же сама начинает всхлипывать, и вот уже обе рыдают. Мой спутник начинает их утешать, но и у него влажнеют глаза.

Потом Роза Барбье немного успокаивается и берёт себя в руки. Она рассказывает нам о том, с каким участием относятся к

Одна из угольных шахт района Фирмини, расположенного вблизи города Сент-Этьен.

ним рабочие Франции, да и не только рабочие.

Сразу же после похорон Антони шахтёры собрали немного денег и отправили Розу и Маринетт в горы Савойи. Одна сочувствовавшая горнякам в их борьбе крестьянская семья пригласила Розу с дочерью пожить у них в деревне. Потом пришло письмо из Парижа, тоже от незнакомых людей. Отставной чиновник захотел взять шефство над Маринетт и пригласил её приехать к ним погостить, поглядеть Париж, отвлечься немного от чёрных мыслей... Недавно Маринетт вернулась из столицы. Теперь она уселась за учебники: ей ведь надо догнать своих сверстников, она за эти месяцы отстала от них в учёбе. Заботы об этом, быть может, вернут её в прежний, привычный мир.

Сама вдова Барбье на днях вернётся к работе. Пока что она всё ещё находится в отпуску. Роза работает на металлургическом заводе у шлифовального станка, счищает окалину и ржавчину с прокатанных стальных прутьев. Это тяжёлая и вредная работа, ей она не по силам, но что поделаешь? Надо же как-то жить. Конечно, друзья Антони будут помогать ей. Но она знает, что сами они живут трудно, и пока у неё есть хоть немного сил, она будет работать...

Я вижу на стене старинную традиционную фотографию в рамке под стеклом: молодой человек в тщательно отглаженном пиджаке со стоячим накрахмаленным воротником и рядом с ним стройная черноволосая женщина с весёлыми глазами в белом платье, с подвенечной фатой. Это, конечно, они — Антони и Роза — в день своей свадьбы. Вдова перехватила мой взгляд, и на её глазах опять проступают слёзы; глубоким, грудным голосом она говорит:

— Если бы вы только знали, как счастливы мы жили! Душа в душу... Я со страхом говорила себе: мы слишком счастливы, это не может продолжаться долго. И вдруг... Словно я сама себе наворожила беду...

Усилим воли Роза подавляет этот приступ горя и снова переводит разговор на будничные дела. Раньше как было? Она жила своим узким семейным мирком, поглощённая заботами о муже и о дочери. Она многого не знала, не понимала. Теперь события, свалившиеся на неё, словно удар грома, поновому осветили её жизнь. Она уже не сможет жить, как прежде. Она должна заменить Антони в той борьбе, которую он вёл вместе со своими друзьями.

Голос Розы звучит всё твёрже, к ней возвращается спокойствие. Передо мной совсем

Роза Барбье и ее дочка Маринетт осиротели после октябрьской забастовки шахтёров.

другая женщина — мужественная и энергичная.

Эта стойкость, это мужественное умение преодолеть свое горе поразили меня. Но когда я встретился с другими людьми Чёрной долины, то убедился, что эти качества присущи многим.

Я беседовал с горняками, отбывшими срок наказания за забастовку, беседовал с жёнами, сыновьями и дочерьми тех, кто ещё остаётся в заключении, беседовал с рабочими, которые буквально голодали в течение двух месяцев забастовки. И ни разу ни от кого я не услышал ни слова сожаления по поводу того, что эта забастовка была предпринята.

В приёмной у мэра Фирмини мы случайно повстречались с тремя молодыми шахтёрами, пришедшими просить хоть какой-нибудь работы. Они отсидели в тюрьме три месяца за то, что сопротивлялись охранникам, штурмовавшим шахты. Обрато в шахты их не принимают, и они вынуждены перебиваться с хлеба на воду, работая то на ремонте мостовых, то на уборке мусора. Эти молодые ребята хлебнули немало горя, и много бед у них ещё впереди. Но с какой

гордостью они говорят о своём участии в забастовке, о том, как они боролись с охранниками, отстаивая шахту, как выступали на суде и клеймили реакцию!

— Конечно, мы не ораторы, но всё же им досталось,— говорил, застенчиво улыбаясь, плечистый гигант Жан Д., навалотбойщик с шахты Камбефор; он попал в тюрьму за то, что отбивался камнями из рогатки, когда охранники стреляли в забастовщиков.— Мы говорили на суде, как умели, зато от самого сердца. А тюрьма что ж?.. Тюрьма во Франции для рабочего человека не бесчестие, а слава, если он попал туда за рабочее дело. Да мы и в тюрьме даром время не теряли. Нас было там 419 человек, набили нас, как сельдей в бочку. Надзирателям трудно было уследить за тем, что мы делаем. И вот были у нас в камерах и собрания и беседы. Вы знаете, девятнадцать шахтёров в тюрьме в коммунистическую партию вступили, была у нас там — об этом можно сказать теперь, когда мы уже на свободе,— тайная партийная ячейка...

Жан порывлся в карманах своего потрёпанного пиджака, вынул стёршийся на углах листок бумаги, бережно развернул его и протянул нам:

— Вот, почитайте. Мы это пели... Мы эту песню сложили сообща...

На листке угловатым, несформировавшимся юношеским почерком было написано: «Марсельеза заключённых шахтёров». Это был боевой гимн, который арестованные пели вполголоса на мотив Марсельезы:

Дети чёрных равнин, вперёд,
День победы и славы придёт.
Против нас, «черномазых»¹,
Против нас, горняков,
Двинут строй полицейских штыков...

Эта песня рассказывала о горе, о трудной жизни, она звала шахтёров к борьбе.

...На окраине посёлка Фирмини стоит простенький каменный дом. Это шахтёрский клуб, построенный самими рабочими на свои скромные взносы по почину покойного Антони Барбье. Сюда приходят поиграть в кегли или в шашки, выпить стакан дешёвого вина, потолковать о том, о сём с приятелями; мы зашли сюда, чтобы познакомиться с шахтёрами, узнать, как они живут.

В небольшом зале с голыми, давно не белёнными стенами было шумно, плавали густые облака табачного дыма. За длинным пустым столом сидели бедно одетые люди в

беретах, с шарфами вокруг шеи. На столе стояли четыре — пять бутылок лёгкого вина. Несмотря на бедность обстановки, в зале царило приподнятое настроение. Внимание всех было обращено на улыбающегося человека средних лет, к плечам которого прижались две счастливые дочери. Это был только что вышедший из тюрьмы шахтёр Шарль Дюпон. До ареста он был «делегатом по технике безопасности» в шахте.

«Делегаты по технике безопасности» играют во Франции на шахтах серьёзную роль. Закон дал им право добиваться от администрации принятия мер, гарантирующих безопасность труда горняков. Во время забастовки шахтёров власти арестовали и посадили в тюрьмы сто тринадцать горняцких делегатов, считая их зачинщиками волнений. Состояние техники безопасности в шахтах, и без того скверное, резко ухудшилось. На шахтах после забастовки было зарегистрировано двадцать тысяч несчастных случаев. Выход из тюрьмы Шарля Дюпона его товарищи-шахтёры отметили как большой праздник.

— Вы не можете себе представить, до чего дошло дело,— сказал нам пожилой рабочий со шрамом на коротко остриженной голове.— В некоторых штреках подряд по четырнадцать сломанных либо треснувших рам, а нового крепления не ставят. Людей то и дело бьёт породой. На днях убило забойщика Шикотье. Досталось и мне. Видите шрам? Это меня куском породы угостило. Я провалялся три недели. А ведь у меня дома четыре рта, и каждый есть просит...

Мы разговорились. Жан-Пьер Лебон девятнадцать лет работает в шахте «Пишар». Здесь будет работать и его сын, Жан-Батист; ему исполнилось шестнадцать лет, и он уже пошёл в школу ученичества. А дочери, четырнадцатилетняя Маргарита и двенадцатилетняя Тереза, пока ещё учатся в коммунальной школе. Что будет с ними? Жан-Пьер пожимает плечами: как все... либо пойдут в работницы, либо останутся домохозяйками. Лицей, высшая школа?.. Нет, это не для детей рабочего человека...

Шахтёр пригласил нас к себе, чтобы мы посмотрели, как живёт французский горняк, и, как он сказал, «чтобы лучше поняли, почему бастуют люди в этой стране». На окраине посёлка, за мутным ручьём, мы отыскали старенький каменный домишко, прилепившийся на глинистом косогоре. Поднявшись по крутой, скользкой лестнице на второй этаж, мы открыли узкую дверь и сразу очутились в тесной каморке, половину

¹ Так называют себя французские горняки.

которой занимала огромная кровать, накрытая ветхим одеялом. Почти вплотную к ней стоял стол. Рядом — закопчённая плита, от которой шёл горький каменноугольный дым. Переступив через горку деревянных башмаков, которые жильцы этой каморки сбрасывают у порога, мы поздоровались с хозяйками. Сразу же бросился в глаза вырезанный из газеты и вставленный в аккуратную рамочку портрет покойного Антони Барбье.

— Он был вашим другом? — спросил я хозяина.

— При жизни мы не были знакомы... Но теперь он друг всем нам, — сказал Жан-Пьер. Он усадил нас на стулья, сам сел на некрашеную табуретку, а жена и дети остались стоять у плиты: в этой каморке усесться всем сразу было невозможно.

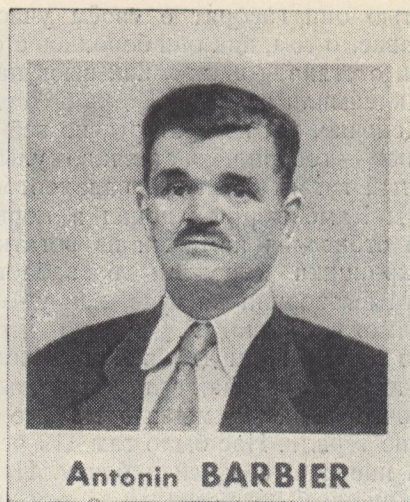
Как живет эта семья? Как сводит она концы с концами? Жан-Пьер — квалифицированный рабочий. Он крепильщик первого класса, а получает всего лишь шестнадцать тысяч франков в месяц. Этого заработка хватает только на пропитание семьи, да и то мясной обед бывает лишь раз в неделю. Денег не хватает даже на то, чтобы выкупить масло по карточкам (его полагается по триста граммов на человека в месяц). А ведь тяжёлый труд крепильщика требует усиленного питания...

Жан-Пьер разводит огород. Он арендует за городом клочок земли. Но много ли это даёт? Жанна, жена шахтёра, тяжело вздыхает и отрицательно качает головой.

А что купили они за прошлый год? Жан-Пьер и Жанна горько улыбаются: произвести подсчёт нетрудно. За весь год купили только один дешёвый костюмчик сыну: ведь Жан-Батист теперь почти совсем взрослый, он скоро станет настоящим шахтёром. И это всё. Бывают ли они в кино? Нет, только дети. Детям раз в месяц дают по сорок франков на билет — это цена самых дешёвых мест в самом дешёвом кинематографе. А Жанна? О! У неё хватает забот по хозяйству. А сам Жан-Пьер? В хорошую погоду он ходит гулять по улицам, в плохую — заходит в клуб поиграть в кегли: за это не надо платить денег...

— Теперь вам понятно, почему мы бастовали? — говорит Жан-Пьер. — Мы хотели немногого. Мы хотели только, чтобы нам за наш тяжёлый труд платили столько, чтобы мы могли прокормить свои семьи. Но нам отказали и в этом...

Жан-Пьер не коммунист, но он твёрдо знает долг рабочего по отношению к коллективу. И, как ни трудно ему приходилось,

Antonin BARBIER

Эту открытку с портретом Антони я видел во многих рабочих домах. На открытке надпись: Антони Барбье, рабочий-шахтёр, сорока четырёх лет, отец девятилетней девочки, был убит 22 октября 1948 года в Фирмини.

он, как и многие другие шахтёры, не возвратился на работу до того дня, когда профессиональный союз отдал приказ о прекращении забастовки.

— Мы бастовали пятьдесят восемь дней, и если бы у всех хватило выдержки, если бы все продержались до конца, мы наверняка выиграли бы, — убеждённо говорит он. — Я понимаю, что тех, кто вернулся в шахты до решения профсоюза, вынудил к этому голод. Но разве я и мои дети не голодали? Я не могу осуждать тех, у кого не хватило сил, но я уверен, что они теперь сами горько раскаиваются...

Жан-Пьер спрашивает, как живут шахтёры в Советском Союзе, просит передать им привет. Здесь, в Фирмини, не забыли и никогда не забудут той братской помощи, которую русские горняки оказали французским шахтёрам в дни забастовки.

— Мы в неоплатном долгу перед вами, русскими, — горячо говорит он. — Если бы не Советская Армия, которая разбила гитлеровцев, мы до сих пор были бы под ботами. И сейчас Советский Союз борется против войны и, значит, опять нас спасает. Вы не верьте, пожалуйста, нашим газетам, которые изображают дело так, будто французы рады союзу с Америкой, ну, этому, как его, Атлантическому пакту. Мы-то, рабочие, хорошо понимаем, в чём тут дело. Они, — он произнес слово «они» с многозначительным ударением, — они были бы рады по-

гнуть нас на войну. Но ведь у нас есть свои головы на плечах, и мы знаем сами, кто нам друг и кто враг...

Перед отъездом из Фирмини мы навестили раненного охранниками Марсея Гойо, лежавшего в городском госпитале. В его некогда могучем теле ещё теплилась жизнь, но врачи говорили, что он проживёт недолго — ранения оказались неизлечимыми, — и врачи поражались тому, как долго сильный организм Гойо борется со смертью.

Гойо лежал над койкой, подвешенный на сложной системе блоков; его раны гноились и причиняли ему невыразимые страдания. Он перенёс уже пять тяжёлых операций, и завтра ему должны были сделать шестую. Но этот упорный человек сохранял присутствие духа и ясность мысли. Он продолжал интересоваться политическими новостями, положением дел на шахтах, судьбой своих товарищей, строил планы на будущее.

— Когда я встану, — шептал он белыми, как бумага, губами, — когда я встану наконец, я сумею отомстить за всё это, — и он показал глазами на свои беспомощные, омертвевшие ноги. — Я должен, понимаете, я должен выздороветь...

У изголовья больничной койки на стене висела медаль участника движения Сопротивления. Её вручили Гойо здесь, в больнице, в прошлое воскресенье в ознаменование его заслуг в борьбе против гитлеровцев: он был в годы войны партизаном.

— Я сделал то, что должен был сделать француз и пролетарий, — прошептал Гойо, заметив, что мы рассматриваем медаль. — Пули бошей меня не задели... А вот... американский свинец, пущенный охранниками... Как видите...

Ему стало трудно говорить. На высоком лбу под прядью русых волос выступили крупные капли пота. Сынишка шахтёра, неотлучно дежурящий у постели отца, поднялся со стула и осторожно вытер ему лоб платком. Гойо бросил на него печальный и нежный взгляд и опять прошептал:

— Ничего... Ничего... Если не я, так он... Когда вырастет...

Откинув голову на подушку, он забылся; я тихо вышел из больничной палаты. Я вспоминал встречи этих двух дней — знакомство с семьёй Антони Барбье; беседу с молодым шахтёром, только что вышедшим из тюрьмы; визит к крепильщику Жану-Пьеру; разговор с Марселем Гойо. Это были люди различного характера, опыта, темперамента. Но все они обладали одной общей чертой, свойственной людям Чёрной долины: стой-

костью. Стойкостью и неукротимой верой в правоту рабочего дела.

Забастовка, охватившая осенью прошлого года все угольные бассейны Франции и длившаяся два месяца, не увенчалась успехом. Но в этой битве за свои неоспоримые права шахтёры сплотились ещё теснее.

ДРУЖБА

27 июня 1950 года. Оставим на мгновение душный Париж Елисейских полей и Больших бульваров, ошалевший от 35-градусной жары, и перенесёмся туда, где живут и трудятся простые люди. Послушаем, о чём они говорят, узнаем, что они думают. Отправимся к нашим старым знакомым — к людям Чёрной долины. Тем более, что есть повод для поездки: туда отправляются представители советского посольства в Париже, чтобы передать дочери погибшего в борьбе за рабочее дело шахтёра Барбье письма и подарки, присланные советскими школьниками.

Мы выезжаем ранним утром. Перед нами развёртывается серая асфальтовая лента шоссе, и мы постепенно погружаемся в более спокойную по сравнению с Парижем обстановку французской провинции.

Вот Невер с разбитыми авиабомбами собором и дворцом, где четырёста лет назад жили две принцессы, вышедшие потом замуж за польских королей. Позади остались выветрившиеся от времени камни древних ворот «Пор де Кру». Рядом с ними — постоялый двор с озорным названием «На краю света». В этот ранний час улицы ещё безлюдны. Но вот какая-то любопытная кумушка уже выставила свой плетёный стул на улицу, уселась с вязаньем в тени от черпичного навеса ворот и поглядывает на дорогу в ожидании встреч и разговоров. Пока-

тили свои коляски с младенцами матери, отправляющиеся на рынок; сумки для продуктов лежат тут же, в колясках. Невер пробуждается...

Проезжаем Мулен — не менее древний город. Вокруг кафедрального собора теснятся кварталы домов, построенных ещё в XV—XVI веках.

В XV веке Мулен был резиденцией герцогов Бурбонских. Напротив кафедрального собора ещё сохранились остатки их замка. Теперь они превращены в городскую тюрьму. Рядом стоит старый-старый дом, к стене которого прикреплена мемориальная доска с барельефом, изображающим профиль Жанны д'Арк: после победного штурма Сен-Пьер-ле-Мулье в тридцати километрах отсюда, она примчалась сюда, собрала всех «добрых французов» и обратилась к ним с призывом помочь ей окончательно разгромить английских интервентов.

Те бурные времена ушли далеко. Теперь в распахнутом окне над барельефом Жанны д'Арк сидит сердитая седая старуха, тычет спицами в своё вязанье и хмуро поглядывает на туристов с фотоаппаратами.

В соборе вы можете увидеть зацелованного богомольцами деревянного Христа в гробу — за сотни лет верующие прихожане не только сняли своими губами краску с его рук и голеней, но и протерли дерево. А рядом — новейшее усовершенствование — моление на американский образец: надо бросить десятифранковую монету в автомат, и сразу же зажигается электрическая лампочка, свет которой будет, по уверению каноника, восходить к господу-богу и замалчивать грехи просителя целых шесть часов...

Не задерживаясь здесь, мы мчимся дальше на юг, к Сент-Этьену, к Чёрной долине. Глухая горная дорога вьётся вдоль безымянных речек. Подъёмы, спуски, зигзаги... Свежий горный воздух приятно освежает, смывая воспоминания о парижском асфальтовом удушьи. На лесистых склонах дремлют древние замки. Алые маки ковром покрывают обочины дороги. Внизу, стоя по колени в прозрачной быстрой воде, рыбаки в широкополых шляпах терпеливо ждут, пока дрогнет поплавок, колеблющийся на волнах. Серо-коричневые скалы нависают над нами. Там и сям вдоль дороги краснеют черепичные кровли каменных хижин.

На придорожной табличке странная надпись: «Божье Поле». Здесь, в Божьем Поле, сохранилось одно из немногих сооружений XII века — старая молельня. Её стены сложены из неотёсанных камней. Квадратные

приземистые башни покрыты черепицей. Оглушающая тишина. И вдруг дребезжащие удары старого колокола: старый звонарь отбивает часы.

Кажется, что эта деревня вошла в наш век из далёкого средневековья: полуразвалившиеся каменные хижины стоят спиной к улице, отгородившись от неё высокими каменными заборами; улицы устланы истёртыми каменными плитами, меж которыми пробивается ослепительно зелёная трава. На солнце греются, потягиваясь, жирные чёрные коты. Тишина. Неподвижность. И над всем этим бездонное, яркосинее небо. Где мы? В каком веке? Но вдруг откуда-то доносится характерное шипение радиоприёмника, и хорошо натренированный голос диктора с щеголеватым парижским акцентом сообщает, что в Корее продолжаются бои. Так некий житель Божьего Поля, обладающий радиоприёмником и не утративший интереса к новостям международной жизни, возвращает нас к действительности.

И вот приближается цель нашего путешествия — Чёрная долина. Немного левее остаются домны городка Крезю — мрачной столицей пушечных королей Шнейдеров. Мы минуем старинный горняцкий посёлок Монсо-ле-Мин, жители которого позапрошлой осенью вели жестокие битвы с охранными войсками. Теперь здесь тихо. Вдоль узких каналов медленно бредут кони, они тянут за собой баржи, гружённые углем. Промелькнули высокие терриконы пыльного шахтёрского города Сент-Этьен, и наконец мы снова в Фирмини...

Но не пора ли подробнее рассказать о цели нашей поездки?

Мои спутники, работники советского посольства, отправились в Фирмини, чтобы передать дочери убитого шахтёра Барбье письма и подарки советских школьников.

Но откуда же советские школьники узнали о Маринетт?

Дело обстояло очень просто. В декабре прошлого года многие французские патриоты послали свои поздравления и письма товарищу Сталину по случаю его семидесятилетия. Решила поздравить товарища Сталина и Маринетт. Маленькое трогательное письмецо десятилетней дочери убитого шахтёра попало на страницы «Пионерской правды». В Фирмини, конечно, не знали об этом. Нетрудно себе представить удивление вдовы и дочери Барбье, когда месяца два спустя к ним поступал почтальон и вручил небольшой, потрёпанный в дальней дороге синий конверт, на котором была надпись

на незнакомом им языке. Под ней торопливая рука почтового служащего бегло начертала перевод: «Франция, Фирмини, Маринетт Барбье». Почтальон сказал: «Это из России. Ну и задали же вы работу чиновникам с таким трудным адресом!»

Восемь дней искала по всему Фирмини Роза Барбье человека, знающего русский язык. Наконец нашла. Оказалось, это было послание от ученика седьмого класса средней школы № 59 Свердловска Анатолия Леонтьева, который прочёл в «Пионерской правде» письмо Маринетт. Он ободрял незнакомую ему французскую девочку, которую постигло тяжкое горе, желал ей не падать духом, учиться получше, чтобы потом сослужить хорошую службу рабочему делу, а в конце рассказывал о себе:

«...А мы живём хорошо. Я счастлив, что родился в такой прекрасной стране, как мой Советский Союз. Я это говорю тебе, французенка Маринетт, и скажу всем — я говорю от чистого сердца — наши отцы завоевали нам счастье...»

Не один Анатолий Леонтьев, а десятки и сотни советских школьников приняли близко к сердцу письмо маленькой Маринетт к товарищу Сталину. Не сговариваясь, ученицы женской школы № 8 и № 70 города Москвы, и 500 школьников из школы № 1 города Клина, и грузинский мальчик Серго Бигуро, отец которого погиб, защищая свою

Родину от гитлеровских захватчиков, и пионеры 5-го класса «Б» школы № 2 в Мытищах, ученики средней школы № 1 в городе Люблино, и многие другие школьники начали готовить письма и подарки Маринетт и её маме.

Чемодан с их письмами и подарками через Союз обществ Красного креста и Красного полумесяца был доставлен в Париж, и представители советского посольства прибыли сюда, в Фирмини, чтобы вручить их Маринетт. Нетрудно представить себе, какое впечатление произвела в далёком шахтёрском городке Франции весть об этом.

Мэр города — слесарь Марсель Комб, — придя с завода, переоделся в свой праздничный костюм и поспешил в муниципалитет: он решил устроить по случаю такого замечательного события приём в парадном зале, где красуется славный герб Фирмини, символизирующий труд его граждан: наковальня, шестерня и две скрещённые кирки на бархатном фоне. В город прибыли из Сент-Этьена два депутата парламента. Приехали представители профессиональных союзов. Пришли старейшие шахтёры, бывшие партизаны, боевые товарищи Барбье.

А вот и те, кому адресованы послания советских школьников, уже знакомые нам Роза Барбье, исхудавшая, болезненная женщина с горячими чёрными глазами, в которых светится упрямая воля к жизни, и

На этой улице живёт семья покойного Барбье. Все жители Фирмини побывали в их маленьком домике, чтобы выразить своё сочувствие вдове.

бледная девочка с серьёзным не по годам лицом. Они растроганы и немного ошеломлены происходящим.

Маринетт взволнованно глядит на стол, на котором разложены письма и подарки, пришедшие из страны счастливого народа: здесь письма с картинками, заботливо переведённые на французский язык; шкатулка с альбом пионерским галстуком и значком; вышивки, салфеточки, пионерский костюм, различная одежда, домик, слепленный из ракушек; коллекция почтовых марок, сладости и множество других вещей — каждый готовил подарок по своему вкусу, надеясь, что он придётся по душе и Маринетт.

Маринетт берёт одно из полученных писем и читает приложенный к нему перевод. На глазах у неё навертываются слёзы.

«Дорогая Маринетт! — пишут пионерки дружины имени Зои Космодемьянской из Люблино. — Когда мы читали о твоём папе, расстрелянном полицией, то у всех в сердцах закипала злорада против проклятых капиталистов, которые оставили тебя сиротой. Милая Маринетт! Ты, наверно, слышала о замечательной советской девушке Зое Космодемьянской, светлое имя которой носит наша пионерская дружина. Она так же, как твой папа, погибла в борьбе за счастливую жизнь своего народа. Зою горячо любят не только люди нашей страны, но и простые люди всего мира, и мы знаем, что имя твоего папы так же, как имена всех борцов за народное дело, всегда будет живо на земле. Милая Маринетт! Мы хотим, чтобы ты знала, что у тебя есть много хороших, верных друзей. Нас в дружине 1 060 человек, и для нас ты дорогая и любимая подружка. Милая Маринетт! Нам очень хотелось бы, чтобы и ты, так же как мы, жила счастливо. До свидания, Маринетт! Мы все крепко тебя целуем, желаем тебе здоровья и счастья...»

Зал уже полон. Гости толпятся вокруг стола с подарками. У многих влажные глаза: их глубоко трогает эта забота детей далёкой Советской страны о девочке из французского шахтёрского посёлка. Начинается митинг. Руководитель местного объединения профсоюзов, входящих во Всеобщую конфедерацию труда, и мэр города просят представителей посольства СССР передать советским детям и всему советскому народу горячую признательность всех граждан Фирмини за эту заботу о дочери их убитого товарища. Представитель советского посольства говорит о том, что подарки и письма советских детей дочери французского

шахтёра — свидетельство большой и крепкой дружбы народов СССР и Франции. «Дружба наших детей — поколения будущего, — говорит он, — лучшее доказательство единства народов в их решимости бороться за мир и доказательство того, что у дружбы народов Франции и СССР — большое и светлое завтра».

Маринетт Барбье от всего сердца благодарит своих далёких незнакомых друзей...

Митинг окончен. Но люди ещё долго-долго не расходятся. Шахтёры тесным кольцом окружают нас, забрасывают вопросами о жизни советских людей.

— Мы слушали сегодня московское радио, — говорит один горняк. — Москва спокойна. Она голосует сейчас за запрещение атомной бомбы и требует невмешательства в дела Кореи. А американские генералы лезут на рожон. Теперь даже самые отсталые люди поймут, откуда идёт угроза агрессии — из американского угла!

Его перебивает другой шахтёр, седой, с многочисленными синими метками — угольками под кожей — на лице:

— Эти дьяволы готовы весь мир взорвать своей атомной бомбой, лишь бы урвать ещё несколько миллиардов прибылей. Им хотелось бы и нас сделать своими солдатами и послать против Советского Союза, Китая, Кореи или любой другой страны, которая им не подчиняется. Чёрта с два! Если бы мне довелось встретиться с американским главнокомандующим, я бы ему сказал: «Пошлите дураков в другом месте, а мы как были союзниками русских, так и останемся...»

И долго ещё длится наша беседа. Слушая шахтёров Фирмини, убеждаешься в том, что сама жизнь открыла этим простым людям глаза на многое. Эти люди знают, где враги и где друзья Франции. И не случайно мэр распорядился вывесить в этот вечер в парадном зале муниципалитета, где проходила встреча, традиционный лозунг французских патриотов: «Французский народ не будет, никогда не будет воевать против СССР». Это голос души, сердца и совести каждого честного француза. Он звучит в устах шахтёров как клятва верности делу мира во всём мире...

...Нам пора собираться в обратный путь. Но перед отъездом мне хочется повидать ещё одного старого знакомого, Марсея Гойо. Да-да! Оказывается, Гойо, вопреки всем предсказаниям врачей, выжил. Правда, он и сейчас ещё в очень тяжёлом состоянии: ему пришлось перенести восемнадцать му-

Это семья крепильщика Жан-Пьера Лебона, который уже девятнадцать лет работает на шахте. Его сын Жан-Батист тоже собирается стать горняком.

чительных хирургических операций, врачи в семи местах сшили изорванный пулями кишечник, одна нога у него укорочена на десять сантиметров, — но Гойо продолжает жить. Сейчас он дома, врачи запрещают ему совершать далёкие прогулки. Но и там, говорят, он собирает своих соседей и ведёт с ними беседы на политические темы.

Мы отправляемся к нему.

Улица Солнца, дом номер шесть... Мы открываем дверь и спускаемся на три ступеньки вниз, в полуподвальное, тёмное помещение с цементным полом. Навстречу нам от небольшого радиоприёмника идёт, прихрамывая, высокий бледнолицый человек. Светлые вихрастые волосы отброшены назад. Яркие серые глаза пытливо глядят на нас. Да, это Гойо, тот самый человек, который в прошлом году в полуобморочном состоянии висел на сложной системе блоков над кроватью в госпитале и которому врачи давали не больше месяца жизни. Богатырский организм спортсмена победил и отбросил смерть. Врачи нам говорили, что страшная болезнь продолжает подтачивать здоровье Гойо. Но сам он не хочет и думать об этом. Он думает и говорит только о том, как бы вернуться в строй.

— Видите, — говорит он, улыбаясь, — я всё-таки на ногах. На собственных ногах, — подчеркнул он, подняв палец. — Я оставил костыли. А когда мне надо выйти на про-

гулку, я беру трость, это выглядит... аристократичнее и... буржуазней...

Гойо весело смеётся, и бледные щёки его розовеют. Его жена Маргарита, невысокая светловолосая женщина с печальными, вечно наполненными тревогой глазами, расцветает и влюблённо глядит на своего мужа. Сынишка Жорж, тот самый, что неотлучно дежурил у койки отца в госпитале, весело прыгает вокруг папы: «Мы поедem в Чехословакию! Мы поедem в Чехословакию!» Рядом стоит улыбающаяся во весь рот девочка лет четырёх — это дочь Гойо, Мишель.

Гойо шутливо отмахивается от Жоржа и, улыбаясь, объясняет:

— Это правда, нас, шахтёров Фирмини, пригласили в Чехословакию. В том числе пригласили меня с женой и с ребятами. Очень хотелось бы самому посмотреть новый мир и детишкам его показать. Но вот беда: наши французские власти не дают выездной визы. Всё таскают меня то в полицейский комиссариат, то в префектуру. Время уходит... А много ли его осталось в моём распоряжении?..

В его ясных серых глазах мелькнула тень. Подавив вздох, Марсель резко переводит разговор на другую тему и вдруг начинает рассказывать о том, как он женился:

— Это было в марте 1943 года, при бошах... Меня только что выпустили из тюрьмы — я там отсидел полтора года. Обвиняли

меня в коммунистической пропаганде. Каюсь, был такой грех! — улыбнулся Гойо. — Выпустили и продолжают за мной наблюдать. В любую минуту могут обратно в тюрьму загнать! Ну, а мы с Маргаритой давно уже любили друг друга. Время суровое, война... Зашёл я к ней... Что же будет дальше? Полагалось бы по традиции свадьбу справить торжественно, собрать друзей, чтобы невеста была в подвенечной фате, чтоб жених щеголял в сюртуке... Но ведь это всё надо долго готовить! Как же быть? Ждать, пока настанут другие времена?.. А если завтра меня или её убьют?..

Маргарита восхищённо глядела на Марселя, кивая головой и шевеля губами, — она как бы повторяла за ним слово за словом.

— Подумали и решили: будь что будет, а мы женимся немедленно. Пошли в мэрию 6 марта, расписались, перетащил я свой чемоданчик вот на эту квартиру, где жила Маргарита, а через пять дней ушёл в партизаны. Вернулся я уже в 1945 году, после демобилизации... А воевали мы неплохо. Вы знаете, я командиром был, у меня в группе воевало тридцать партизан... — Гойо оживился. Воспоминания о боевых днях волновали его. — Да, вы знаете, с нами был один русский!.. Его боши взяли в плен и привезли во Францию — работать на заводе. А он сбежал из лагеря и разыскал нас в лесу. Сначала наши не поняли, что это за человек. Но он достал свою звёздочку, наверно, с пилотки — не знаю, уж как он её сохранил, — и показал руками: дескать, так и так, хочу стрелять в бошей. Так он с нами и остался... Когда в атаку ходили, он всегда был впереди и что-то кричал по-русски...

Гойо с трудом выговорил запомнившиеся ему, но непонятные русские слова:

— Он вот так кричал, как птица: «Иди сюда!», «Иди сюда!». Что это значит?

Я объяснил ему, и Гойо одобрительно кивнул головой:

— Вот что! Так, стало быть, он звал за собой тех, кто отставал. Молодец!.. А когда мы кончили войну, он уехал в Париж, а оттуда его, наверно, отправили домой...

Гойо побледнел: его утомила долгая беседа. Встревоженная жена подошла к нему и начала уговаривать его прилечь. Он досадливо отмахнулся от неё, но потом сдался и с кривой улыбкой протянул мне свою высушенную руку:

— Видите, какой у меня строгий начальник! Приходится подчиняться. Но ничего — мы ещё повоюем...

Мы распрощались. Поднявшись по ступенькам и выйдя на улицу, долго шли молча, под впечатлением этой беседы с мужественным человеком, который не отступает в борьбе и перед лицом смерти. Мой спутник, работник профсоюза, сказал:

— Вот какие наши люди... Неугомонные! Вы знаете, он задумал собирать подписи под Стокгольмским воззванием. Насчёт запрещения атомной бомбы... Врач поднялся на дыбы: нельзя ему ходить из дома в дом, карабкаться по лестницам! А он упрямый. Говорит: «Не ваше дело, я сам знаю, что мне полезно, а что вредно!» Памятники таким людям при жизни надо ставить, вот что!

ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

17 марта 1955 года. Итак, снова Фирмини... Мы приехали сюда под вечер. Длинные тени от ржавых шахтных подъёмников и пепельно-серых пирамид отработанной горной породы ложились на печальные узкие улочки этого шахтёрского городка. В воздухе плавал горьковатый запах прелого дерева, смешанный с вызывающим лёгкое головокружение предательским ароматом метана, вентиляционные установки гнали прямо в жилые кварталы тяжкий дух подземелья. На фасадах домов, на тротуарах, на чахлах ветвях немногих выживших здесь деревьев толстым слоем лежала вездливая угольная пыль, и малейшее дуновение ветра поднимало с земли черновато-жёлтые облака.

В грязной лужице у водоразборной колонки двое черноногих мальчишек пускали бумажный кораблик. У витрины продовольственной лавки с нелепым названием «Казино» озабоченная женщина подсчитывала монетки в своём потёртом портмоне, прежде чем коснуться дверной ручки.

Осматриваясь по сторонам, я искал перемен и не находил их. Казалось, будто время остановилось. Всё выглядело точно так же, как и в 1949 году и как в 1950 году.

Найду ли я здесь старых знакомых? Пять лет — большой срок; за пять лет многое изменилось в жизни Франции... Вот он, крохотный, узенький домик — по два окна на этаж, и мраморная табличка у входа: «Здесь жил шахтёр Антони Барбье... Пал смертью мученика в борьбе за рабочее дело».

Стук в дверь... «Да, да, кто там?» Я нажимаю на ручку... Всё та же комнатка, куда входят сразу с улицы, без прихожей. Со стула поднимается пожилая худощавая женщина с горячими чёрными глазами. Она присматривается. Узнаёт?.. Не узнаёт... Узнала!

— Это... вы? Какими судьбами?..

На её бледных щеках вдруг зажигается румянец.

— Маринетт!.. Маринетт! — зовёт она слабым голосом. — К нам опять гости из Москвы.

Из-за перегородки выходит статная белокурая девушка с голубыми глазами: Маринетт!.. Боже мой, но ведь со времени нашей последней встречи прошло уже пять лет!.. Маринетт улыбается.

— Да, мне скоро шестнадцать...

После первых восклицаний, рукопожатий, приветствий мы усаживаемся наконец у стола и вглядываемся в лица друг другу. Да, пять лет — немалый срок. Но как приятно бывает узнать после долгой разлуки, что люди остались теми же, какими они были раньше, что суровая жизнь не погасила живого огонька в их душах...

Жизнь, конечно, не сладка в доме вдовы Барбье. Как они прожили эти пять лет?

Розе Барбье пришлось оставить свою работу на металлургическом заводе: она была уже не в силах ворочать тяжёлые стальные прутья и очищать их от окалины. Она стала работать уборщицей.

Но вот полгода назад нагрянула новая беда: здоровье Розы ухудшилось настолько, что она уже не в силах работать и уборщицей. Маринетт пришлось отложить свои учебники в сторону и пойти на поиски работы. Она устроилась ученицей на ткацкой фабрике. Работает она восемь часов в день и получает семь тысяч франков в месяц. Это примерно в четыре раза меньше зарплаты среднего рабочего; так будет продолжаться ещё два года, и только после этого Маринетт станет получать настоящую зарплату.

Фабрика находится в семи километрах от

Фирмини. Ездить туда надо на автобусе. Это дополнительная трата денег. И тем не менее Маринетт довольна: друзья её папы всё-таки сумели устроить её на фабрику, а многие её сверстницы только мечтают об этом. В Фирмини теперь очень трудно раздобыть работу, особенно для девушек...

Маринетт и её мать спешат перевести беседу на другие темы: им хочется так много сказать, так много передать советским людям, которые в трудные годы помогли им, которые сохранили память о покойном Антони. Маринетт вытаскивает бережно хранимые ею подарки советских школьников, полученные ею в 1950 году: альбомы, вышивки, домик, слепленный из ракушек. Вот и пионерский костюм. Маринетт весело хохочет: она давно из него выросла, но костюм этот ей дорог как память о далёких друзьях, с которыми ей пока не удалось повидаться.

— Если вам придётся случайно повидать Анатолия Леонтьева из Свердловска, — говорит она, — или Серго Бигуро из Грузии, или девочек из школ № 8 и № 70 Москвы, передайте им наш привет... Но они теперь, наверное, тоже выросли и уже работают.

Пока мы беседуем, непрерывно звякает колокольчик у входной двери: в тесную комнатку входят всё новые и новые люди. Через приоткрытое окно я слышу с улицы чей-то жаркий шёпот: «У Барбье — русский!» «Да ну?» «Я тебе говорю». К столу, у которого мы сидим, протискивается высокий худощавый мужчина лет сорока пяти в синем берете, лихо сдвинутом на ухо, и в просторной рабочей куртке. В его живых молодых глазах лукавая искорка. Мы где-то виделись... Но где?

— Помните, — говорит он, — когда вы приезжали прошлый раз, здесь рядом, в деревянном домике, был вечер... Тогда только что выпустили из тюрьмы группу шахтёров, арестованных за участие в забастовке сорок восьмого года. Зовут меня Шарль Дюпон...

Ещё бы не помнить!

— Как видите, живём и воюем, не сдаёмся! — весело говорит Шарль. — Вот только бедняга Гойо нас покинул. — И по лицу шахтёра пробегает тень: — Он скончался в позапрошлом году — доконали его пули охранников. Несметная толпа шла за гробом, и все плакали. Вы ведь помните, какой это был изумительный человек...

В комнатке на мгновение воцарилась тягостная тишина. Вдова Барбье заплакала: она снова вспомнила, наверно, тот трагиче-

ский день, когда с шахты примчался растерянный парень и отчаянным голосом закричал: «Полиция убила Антони!.. И Гойо при смерти...» Шарль обнял её за плечи и тихо сказал: «Прости, что напомнил...» Потом он заговорил о другом.

Шарлю, как и многим другим участникам славной забастовки, пришлось хлебнуть немало горя: тюрьма, безработица, скитания в поисках случайного заработка. Только в июне 1953 года его приняли на шахту: все знали, что он мастер своего дела, опытный проходчик. Теперь Шарль снова прокладывает штреки под землёй. И опять активно участвует в борьбе за интересы рабочих.

— Загляните ко мне, — говорит он, — посмотрите, как я живу.

Распровавшись с Маринетт и её матерью, мы переходим через узенькую, пыльную улицу и поднимаемся по крутым цементным ступеням на высокое крыльцо, находящееся на уровне второго этажа крохотного каменного домика, похожего на спичечную коробку, поставленную вертикально. Дверь с улицы ведёт прямо в микроскопическую кухню. За нею вторая дверь, ведущая в спальню, где спят все четверо: Шарль, его жена и две дочери. Это — обычное жильё французского шахтёра. Справа — чугунная печка, слева — небольшой буфетик — такие же точно, как в комнате у вдовы Барбье. Посредине стол, накрытый клеёнкой. Вокруг него, втиснувшись кое-как, семья проводит часы между работой и сном.

Мы здороваемся с женой Шарля, Мари, и его дочерьми. Я их совершенно не узнаю: так они выросли и неузнаваемо изменились.

— Розетт! Жаннет! — командует отец. — А ну, мигом на чердак за стульями!..

Девушки опрометью бросаются на улицу. Заметив моё недоумение, Шарль разводил руками:

— Видите, какая у нас теснота. Приходится держать стулья на чердаке. Когда приходят гости, мы приносим стулья оттуда.

Стулья расставлены, все кое-как расселись. На столе появилась бутылка белого вина. Мы толкуем о жизни шахтёров, условиях их труда, об их борьбе за лучшую жизнь. Многие из того, что рассказывают Шарль и его молодые помощники, забойщики Пьер и Жан, кажется просто невероятным:

— Что там говорить! — воскликнул Пьер. — Лучше быть подметальщиком улиц, чем шахтёром. Подметальщику платят больше.

Шарль порылся в карманах и протянул мне длинную полоску бумаги — это был его расчётный лист за февраль. За первую половину месяца он получил авансом 14 500 франков. В конце месяца вместе со всеми премиями за перевыполнение норм и за выслугу лет он получил ещё 18 978 франков. Всего — 33 478 франков.

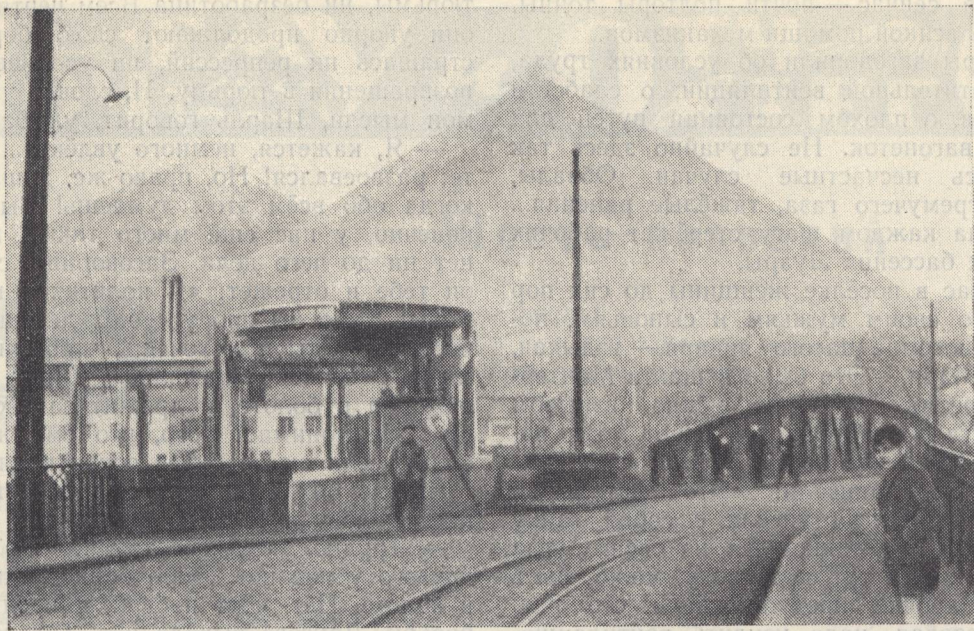
— Это очень хороший заработок в наше время, — сказал Пьер. — Ведь у Шарля самый высокий разряд. А вот я забойщик, работаю всего лишь третий год. И знаете, сколько я заработал в прошлом месяце? Двадцать три тысячи франков!

Мы начали прикидывать: как же можно прожить на такую зарплату? Ведь цифры, исчисленные во франках, сами по себе советскому читателю ничего не скажут. В разговор вступила жена Шарля, которая, как это обычно бывает в рабочих семьях, «держит в руках кошелёк», то есть ведёт все расходы.

— Ну, что вы хотите? — развела руками Мари, ещё не старая, но уже согбенная заботами женщина. — Пойду я с утра на базар... На семью меньше тысячи истратить никак невозможно — ведь нас четверо, а мужу к тому же не откажешь в куске мяса на ужин. Он на такой тяжёлой работе!.. И вот весь заработок уходит на еду, и той едва хватает. А если хочешь что-нибудь купить из одежды, надо как-то подрабатывать. Вот я и хожу по людям стирать...

— В былое время, — сказал Шарль, — Розетт давно пошла бы на работу и помогала бы нам. А сейчас разве найдёшь ремесло для девушки? Она уже четвёртый год учится портновскому делу в профшколе. Давно бы могла пойти на работу, да кто из портных её возьмёт в подмастерья? При таких заработках, как наши, в Фирмини немного охотников заказывать себе костюмы у портных. Вот и приходится ей ходить четвёртый год в профшколу, хотя это совершенно бессмысленно. Если б она ушла оттуда, нам сразу же отказали бы в семейном пособии, а пока она учится и пока ей не исполнилось двадцать лет, платят, хоть и гроши... Разве прокормишь на одиннадцать тысяч двух взрослых девушек? А как их одеть, обусть?..

Розетт стояла у притолоки, откинув голову и нервно сжав дрожащие губы. На её щеках ярко горели лихорадочные пятна. Пьер и Жан жалостно глядели на неё, и я чувствовал, что этот разговор, наверное, возобновляется ежевечерне.

По вечерам на темнеющем небе чётко вырисовываются силуэты шахт и высокие холмы отработанной горной породы.

Шарль задумчиво барабанит пальцами по столу, потом начинает серьёзный разговор.

— Вы не в первый раз в Фирмини и знаете, чем мы живём и дышим. Знаете, что мы не раз уже поднимались на борьбу за наши права. Это нам многого стоило. Государство в капиталистической стране — самый жестокий хозяин. У него в распоряжении и полиция и войска. В 1948 году мы померились силами с этим хозяином. Многие из нас, в том числе и мне, дорого обошлась эта схватка. Но когда я вернулся на шахту и когда штейгер, усмеяясь, спросил меня: «Угомонился?» — я ответил ему: «Нет, не угомонился!» У нас, у пролетариата, один выход — борьба. И как она ни трудна, её надо продолжать...

Шарль помолчал, погружившись в раздумье, потом встряхнул головой:

— Иначе задушат. Задушат, мерзавцы! Вот вам две цифры, которые глубоко тревожат каждого из нас: ещё в 1948 году в нашем бассейне работало двадцать пять тысяч шахтёров, а сейчас нас осталось всего четырнадцать тысяч. Уже два года администрация не нанимает ни одного молодого парня. Подумайте только: впервые в шахтёрских посёлках вы встречаете девятнадцатилетних юношей, которые ни разу в жизни не держали в руках отбойного молотка и лопаты. Они не могут найти работу.

— Раньше было как? — продолжал Шарль. — Исполнилось сыну тринадцать лет, отец берёт его за руку и ведёт на шахту. Он начинает с малого, работает подручным, но к восемнадцати годам это уже квалифицированный шахтёр. Так и я начинал... Теперь подростки брошены на произвол судьбы, и отцам приходится кормить сыновей, пока их не возьмут в армию. А нас, старых шахтёров, если ты отработал тридцать лет, увольняют, и ты получаешь гроши.

Простите, но я отвлекся в сторону, — спохватился Шарль. — Я только хотел сказать, что всё это приводит к вымиранию шахтёров. Западногерманский дешёвый уголь, ввозимый из Рура, вытесняет с французского рынка наш собственный уголь; наша администрация вынуждена сокращать добычу, и рабочих требуется всё меньше. Уже сейчас нам, помимо всего прочего, приходится прогуливать два — три дня в месяц: администрация вешает замок на ворота и объявляет: «Сегодня работы нет», — и мы расходимся по домам...

— Не подумайте только, что они облегчают нашу работу в обычные дни! — вмешался Пьер. — О-ля-ля! Когда ты держишь отбойный молоток в руках, с тебя десять потов сойдёт, пока надсмотрщик позволит тебе перевести дух. В 1947 году на одного подземного рабочего в нашем бассейне в среднем приходилось около тонны добычи

в день, а сейчас — почти полторы тонны. И это без всякой помощи механизмов.

Шахтеры заговорили об условиях труда, об отвратительной вентиляции, о слабости крепления, о плохом состоянии путей для откатки вагонеток. Не случайно здесь так участились несчастные случаи. Обвалы, взрывы гремучего газа, тяжёлые ранения... Смерть на каждом шагу стерёжет рабочих в шахтах бассейна Луары.

— У нас в посёлке женщины до сих пор плачут по своим мужьям и сыновьям, погибшим восемнадцатого января, — вздыхая, сказала Мари. — Это было в шахте Монтеррад... Восемь шахтёров убило взрывом газа... осталось семнадцать сирот... Вы понимаете, какое это горе!..

— Газеты написали: «Это фатально... Погибшие навсегда унесли с собой тайну катастрофы», — откликнулся из своего угла Жан. — А какая тут, к дьяволу, может быть тайна? Рабочие предупреждали сто раз: шахта газовая, надо усилить вентиляцию. Регламент что говорит? Есть два процента газа, немедленно прекратить работу. А там было три процента, а может, и больше. Все знали об этом, а начальство требовало: «Давай добычу!» И вот вам «фатальность»... Пьер Ляшерм оставил четырёх сирот, Альфонс Рона — трёх... Да что там говорить!..

— Администрация не хочет вкладывать капиталы, — пояснил Шарль. — Она думает только об одном: как бы протянуть ещё немного, не закрывая шахт. Конкуренция! Рур нас буквально душит. Сколько шахт уже позакрывали. И всё это продолжается. Обе шахты Беродьер, где я сейчас работаю, будут закрыты. Шахты Флотар и Марсей, обе шахты Фирмини — Камбефор и Монтеррад, все три шахты Рош ля Мольер, шахты Луары в городе Сент-Этьен, все разрезы района Вилляр — всё, всё это должно умереть. Целые посёлки утратят всякий смысл своего существования: ведь именно шахты дают им жизнь. Нет, вы только представьте себе эту картину: мёртвые шахты, мёртвые заводы и мастерские, которые жили их обслуживанием, мёртвые посёлки — словно по их улицам прошла чума.

Я слушал и невольно прониклся глубоким уважением к таким, как Шарль Дюпон, передовым деятелям французского рабочего класса. Их тысячи таких — неутомимых, стойких борцов. Их не сломили ни

тюрьмы, ни безработица. Всем чертям назло они упорно продолжают свою борьбу, не страшась ни репрессий, ни увольнений, ни возвращения в тюрьму. И, словно угадывая мои мысли, Шарль говорит, улыбаясь:

— Я, кажется, немного увлёкся... Скажете: развоевался! Но, право же, душа болит, когда обо всём этом думаешь! Вы знаете, конечно, у нас ещё много таких, которым нет ни до чего дела. Заговоришь с ним, а он тебе и отрежет: «Я политикой не занимаюсь. Мне бы впору своих детишек прокормить. А ты что, хочешь, чтобы и меня в чёрный список записали?» Сидит, словно лягушка в болоте, и дрожит за свою шкуру... Не понимает того, что ему же хуже будет, если он не будет сопротивляться...

Шарль обхватил своими узловатыми руками голову и со вздохом сказал:

— Трудно... ох, как трудно! Но выхода другого у нас нет. Либо борись, либо тони в болоте. Нет, чёрт побери, я предпочитаю борьбу. Другого выхода нет. Только тогда, когда шахтёр скрестит руки на груди и скажет: «Не возьмусь за работу, пока не будет по-моему», — только тогда хозяин уступит. Вот недавно на шахте Монтрамбер все рабочие, до единого, бастовали два дня: выступили против штрафов и несправедливых увольнений. В Верпие тоже забастовали, когда инженер отказался разговаривать с делегацией рабочих, которые пришли изложить ему свои требования. Так бывает всё чаще... Надо протестовать, надо бороться, иначе тебя задушат совсем.

Мы распрощались поздним вечером. Шарль, Мари, их дочери, Пьер и Жан вышли из душной кухоньки на узенькое крыльцо, чтобы нас проводить. Затянутое тучами аспидно-чёрное ночное небо, словно чугунная тяжёлая плита, накрывало долину, в которой лежит Фирмини. Притихший шахтёрский посёлок был безлюден, и лишь из редких окон струился жиденький жёлтый свет: здесь люди рано ложатся спать в предвидении рано начинающегося трудового дня. Но вдалеке, подобно зарницам, мерцали розовые отсветы коксовых печей и мартенов; где-то равномерно ухала паровая машина, поскрипывая, вращались шкивы стареньких шахтных подъёмников. Под землёй, в забоях и штреках, напряжённо билось не знающее покоя ни днём, ни ночью сердце этой Чёрной долины — Фирмини.

ПОЧЕМУ и ОТЧЕГО

Шесть названий

Уважаемая редакция!
Прошу объяснить мне, что означают названия частей света и почему им были даны такие названия.

Галина Гусева,
ученица 6-го класса,
село Саран, Рязанская область.

Дорогая Галя! Все названия частей света имеют свою историю, и у всех этих названий разное происхождение. Европа — искажённое финикийское слово «Ирип», или «Ереп», что означает «запад».

Название Азии происходит от древнего семитического слова «Асу», означающего «восход».

В древности, во времена Карфагена, Африка называлась Ливией. Но римляне называли одно из племён, населявших этот материк, «афри». Потом название племени было перенесено на весь материк, и возникло новое слово, «Африка».

Австралия тоже сначала имела другое название. Её открыл голландский мореплаватель Виллем Янсен и назвал Новой Голландией. Позднее спутники Джемса Кука переименовали её в Австралию, что значит «Южная».

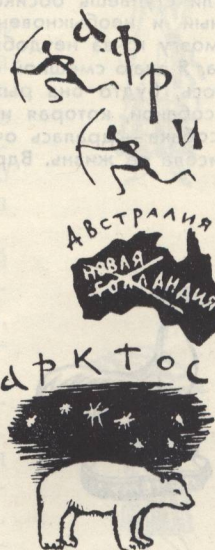
Название «Антарктида» состоит из двух слов: «анти» и «арктос». Арктос — по-гречески «медведица». По созвездию Большой медведицы древние греки находили север. Отсюда пошло название северных полярных областей — Арктика. Анти — значит «против». Следовательно, Антарктика, Антарктида — «земля, которая находится против Арктики».

Как произошло название Америки, ты, может быть, и сама знаешь. На всякий случай расскажу и про это. Первым достиг берегов этого материка Христофор Колумб. Он не подозревал, что перед ним новая, неизвестная еще земля, и был уверен, что достиг Индии западным путём.

По справедливости материк должен был бы носить имя Колумба, но получил название «Америка» в честь Америго Веспуччи, который приплыл туда уже после Колумба.

Б. Беклешов,

действительный член Всесоюзного географического общества.

Про сон и сновидения

Дорогая редакция!

Все мы, в том числе и я, видим сны, и эти сны старые люди отгадывают и говорят, что они что-то «предвещают»: хорошее или плохое. Об этом я задумываюсь и хочу, чтобы вы объяснили, почему спишь ночью, и отчего снятся сны, и можно ли их отгадывать.

Куляш Иманбекова,
ученица 7-го класса,
село Шарапхана, Казахская ССР.

Вопросы, которые ты задаёшь, Куляш, издавна занимали людей. Великий русский учёный Иван Петрович Павлов проник в эту тайну мозга, разъяснив, что такое сон и сновидения.

Человек спит, когда нервные клетки, из которых состоит головной мозг, устанут от своей непрерыв-

ной, большой и разнообразной работы в течение дня. Клетки, утомившись, перестают воспринимать всякие впечатления, которые они получают извне (свет, голоса людей, различные шумы). Учёные называют это торможением.

Если торможение сильное, или, говоря иначе, если

сон глубокий и крепкий, человеку ничего не снится. Если же сон не крепкий, кое-какие внешние впечатления до мозга доходят, мозг их воспринимает, но в изменённом, в искажённом виде. Например, бьют часы; сонный мозг воспринимает это не как бой часов, а как набат во время пожара. В мозгу сразу же возникают образы и представления, связанные с пожаром. Человеку снится, что он таскает вещи из горящего дома, носит воду, чтобы залить огонь, и

так далее. Заметь, что весь этот длинный сон длится в те секунды, пока слышится бой часов. Иногда стучат в дверь, а человеку снится пушечная канонада, стук пулемётов, битва.

Сновидения возникают по самым различным причинам, из-за которых сон стал менее крепким. Ты повернулась во сне, одеяло сползло с твоих ног, ногам стало холодно, и вот тебе уже снится, будто ты переходишь вброд быструю речку с ледяной водой или ступаешь босиком по снегу.

Сложный и необыкновенный сон может возникнуть в мозгу из-за неудобного положения спящего человека. Я знаю смешной случай с одной девочкой. Ей снилось, будто она рыжая собака и дерётся с чёрной собакой, которая на неё напала. Девочка — рыжая собака — дралась очень упорно, от этого во сне зависла её жизнь. Вдруг чёрная собака вцепи-

лась ей в лапу. Как ни старалась девочка выдернуть свою лапу из зубов чёрной, это ей не удавалось. Тут она во сне подумала: «Я пропала, теперь чёрная меня загрызёт...» — и проснулась. И увидела, что сама себя крепко держит, изо всех сил вцепившись одной рукой в другую. Именно от этого ей приснился весь страшный сон.

Бывают ещё сны, вызванные тем, что следы прежних, иногда давно забытых впечатлений сохраняются в клетках мозга и из этих впечатлений в изменённом виде возникают сновидения.

А ещё бывает, что толчком для сновидения служит состояние здоровья спящего. Так, например, людям, у которых сердце не в порядке, часто снится, что они поднимаются по лестнице на верхний этаж большого дома, или взбираются на высокую гору, или несут куда-то тяжёлую поклажу. Это значит, что у человека во сне началось сердцебиение и ему не хватает воздуха просто из-за большого сердца. Но так как обычно наяву сердцебиение и одышка бывают, когда человек несёт груз или взбирается на гору, в сонном мозгу появляются соответствующие образы.

Вот причины различных сновидений. Теперь ты видишь, что в снах нет ничего таинственного и сверхъестественного, а значит, нельзя по ним ничего предсказывать.

Но в старину думали, что можно, и, к сожалению, до сих пор многие в это верят.

Врач Э. Вербатус

Ночные певцы

Дорогая редакция!
Меня давно интересует: почему петухи поют в полночь?
Объясните, пожалуйста.

Шура Баирова,
ученица 6-го класса,
село Цакир, Бурят-Монгольская АССР.

Не удивительно, Шура, что тебя заинтересовал этот вопрос. Действительно, с захода солнца все дневные птицы спят, и петухи тоже. Но вдруг среди ночи почему-то раздаётся звонкое «Ку-ка-ре-ку-у!». Это всегда казалось странным, и в древности люди выдумывали всякие суеверные сказки, вроде того, что своим пением петух отгоняет злых духов.

На самом деле всё объясняется гораздо проще и гораздо интереснее. Родина петухов — Индия, полуостров Малакка и южные острова Индийского океана. Они лежат близко у экватора. А на экваторе и день и ночь во все времена года одинаковой длины и продолжаютя ровно по 12 часов: восход в 6 утра, заход в 6 вечера. Поэтому у птиц в этих местах выработалась привычка засыпать в одно и то же время.

У нас петухи поют ночью потому, что в это время у них на родине рассвет.

Уже более тысячи лет прошло с тех пор, как человек приручил диких кур и сделал их домашней птицей. Петухи расселились с Малакки по всему земному шару, живут в таких местах, где ночь приходит раньше, чем на полуострове Малакка, а всё не оставили своей привычки и поют в те же часы, в какие пели их предки десять с лишним веков назад в тропических джунглях Индии и Малакки. Но сама песня домашних петухов теперь отличается от песни диких. Она изменилась в новых условиях жизни. Домашний петух долго тянет своё «ку-ка-ре-ку-у-у». А дикий осторожен, он поёт коротко «ку-ка-рек» и, внезапно оборвав песню, быстро оглядывается по сторонам: не подкрадывается ли кто из-за кустов?

Профессор П. А. Мантейфель

ИСТОРИЯ ЗОНТИКА

Дождевой зонт был изобретён очень давно в Китае.

Имена древних изобретателей зонта не дошли до нас, но имя человека, познакомившего европейцев с этой полезной и удобной вещью, сохранилось в истории. Это английский купец Гонвей, много путешествовавший по Азии. В 1750 году он вернулся из Китая на родину, в Портсмут, и в числе других невиданных вещей, сделанных искусными китайскими мастерами, привёз зонтик.

Однажды в проливной дождь Гонвей вышел на улицу под защитой зонта, но его прогулка продолжалась недолго. Землякам Гонвея вид человека под зонтом показался диким. Его встретили насмешками и грубыми издевательствами, закидали камнями, преследовали до самого дома и, когда он скрылся, выбили окна в его жилище.

Но и этим дело не кончилось. После этой неудачной прогулки Гонвея продолжали преследовать: осыпали насмешками, эпиграммами, присылали ему множество издевательских анонимных писем.

Но Гонвей был упрям. В следующий дождливый день он снова появился на улице с зонтом.

Так повторял он свои прогулки, не обращая внимания на злобные выходки обывателей, пока не приучил своих сограждан к зонтику. Вскоре у него появились подражатели, и постепенно зонтик завоевал симпатии не только земляков Гонвея, но и всех европейцев.

Читатели

О писателе

Льву Абрамовичу Кассилю исполнилось пятьдесят лет.

День рождения—всегда праздник. День рождения писателя—праздник особый. Поздравляя писателя, читатели невольно задумываются над тем, за что они любят его книги, его героев.

Герои Кассиля нам хорошо знакомы. Если собрать их вместе, выйдет целый пионерский отряд. Здесь Геннадий Черемыш со своими одноклассниками, «синегорцы» во главе с Капкой Бутыревым, Сима Крупицына с приятелями. Вот отважный Володя Дубинин и его друзья, вот окружённый ребятами синеглазый и белокурый мальчик, юный художник Коля Дмитриев... Рядом с ребятами—фигуры более внушительного вида: плечистый Антон Кандидов—вратарь республики, его друг Женья Карасик, командиры, учителя, старшие братья... Они взрослые, но если взглядеться,—у всех у них есть что-то очень молодое, даже мальчишеское. Как много этих героев!.. Кого из них мы любим больше других? За что мы их любим?

Об этом и зашёл разговор между ребятами, собравшимися недавно в одной из школьных библиотек. Это была не читательская конференция и не собрание. Просто сошлись ребята, любящие писателя Кассиля, узнали о его пятидесятилетии, подивились—неужели пятьдесят?!—и стали говорить между собой о нём и его книгах.

Кое-что из этой беседы нам удалось записать.

* * *

— Первая книга Кассиля, которую я прочитала, была «Черемыш—брат героя»,—сказала

Мargarита Мориц.—Помните, в чём там дело? Мальчик-детдомовец Гена Черемыш выдумал, что знаменитый лётчик Черемыш—его родной брат... Потом обман раскрылся, но лётчик простил Геннадия: ведь он это придумал не из хвастовства, ему так хотелось иметь старшего брата... Ах, как я переживала тогда за Гену!..

Потом я читала много книг Кассиля и как-то привыкла к нему. Знаете, как бывает: видишь часто чьё-нибудь лицо и уже не замечаешь, что в нём особенного. Но моё первое впечатление я хорошо помню. Мне очень понравилась простота, естественность того, что происходит в книге. Точно я не повесть читала, а уголок жизни увидела.

Тут ребята заспорили, какая книга у Кассиля лучше.

— Я больше всего люблю «Великое противостояние»,—сказал Дима Нейман,—я так увлёкся этой книжкой, что оторваться не мог. Мне очень нравится её героиня—Сима, она очень хорошая, правдивая, смелая, боевая...

— Эта книжка для девочек,—заметил кто-то.

— Неправда! Сима любого парня за пояс заткнёт... Как она вела себя в тылу у врага! А Расщепей?! Помните, учитель её, кинорежиссёр? Он просто замечательный! С плохими людьми он был беспощаден, язвительен, а с друзьями отзывчивый, ласковый... И как он работал—до последнего дня жизни! Вот такому человеку действительно хочется подражать. Таким и должен быть учитель.

— Кассиль вообще хорошо показывает, как человек взрослеет, растёт... Взять хотя бы Володю Дубинина...—начал кто-то из ребят, но его сразу же перебили.

О Володе Дубинине хотелось поговорить многим.

— Конечно, «Улица младшего сына» — самая лучшая книга Кассиля, самая полная, самая интересная, — решили ребята.

— Может быть... И всё же я больше люблю другую книгу. Я её недавно прочитал, — тихо сказал Сеня Корсунский. — Книга эта называется «Ранний восход». Там описана жизнь Коли Дмитриева. Он был очень талантливый художник, но рано погиб. Он так и стоит у меня перед глазами. Коля... Худенький такой, синеглазый, на голове пшеничный хохолок... Он немного другой, чем все ребята у Кассиля, — мягче, вдумчивее...

— Мне тоже кажется, точно я с Колей был знаком, — вставил Витя Мокшин, — он жил в нашем районе, на Сивцевом Вражке. Я все эти переулки вдоль и поперёк исходил.

— А сколько полезного я узнал из этой книги! — продолжал Сеня. — Я ведь немного рисую, и только теперь я понял, как важно рисовать с натуры. Я даже блокнот завёл и всё в него зарисовываю... По-моему, эту книжку надо прочитать всем ребятам, которые интересуются живописью. Мне хотелось бы, чтобы Кассиль написал побольше таких книжек.

* * *

А вот отзывы других читателей той же библиотеки.

«С интересом прочитал я книгу Кассиля «Дорогие мои мальчишки», — читаем мы в отзыве Володи Артамонова. — Там рассказывается о ребятах-пионерах, как они жили во время Отечественной войны... У героя кни-

ги Капки Бутырева отец ушёл на фронт, мать убили, и ему пришлось самому растить двух своих сестрёнок... В книге много грустного, а читаешь — почти всё время улыбаешься. Я очень люблю юмор Кассиля. Пишет он о серьёзном, о печальном даже, а книги у него весёлые. Когда читаешь его книги, самому хочется быть сильным и весёлым. По-моему, это очень хорошо».

«Мне нравится язык Кассиля, — пишет Борис Плюхин, — такой понятный, живой язык, такой... ну, как мы, мальчишки, говорим, только покрасивее... Вот «Вратарь республики». На первый взгляд кажется, что ничего особенного в этой книге нет, а когда вдумываешься, понимаешь, что там говорится об очень важных вещах, но только совсем просто, без мудрёных слов.

Замечательно там описана дружба Антона Кандидова с Женей Карасиком. Ясно представляешь себе, как всё у них там происходило, прямо точно сам во всём этом участвовал... «Вратарь республики» — моя любимая книга».

«В книге «Великое противостояние» замечательно показано наше, советское отношение к молодёжи, — пишет Игорь Терёшкин. — Если бы Сима жила в Америке, если бы она сыграла в кино главную роль, — там бы, конечно, подняли шум, объявили её «звездой», а потом выкинули без всякого сожаления... А вот Расщепей уговаривал Симу не увлекаться лёгким успехом, убеждал её, что в жизни есть ещё много интересного, кроме кино... И она послушала его и правильно сделала. В этой книге очень хорошо изображено, как у Симы меняется характер».

«Мне нравится то, — пишет Гена Демьянков, — что у Кассиля даже очень хорошие ребята такие же, как все мы. У него ребята живые, с недостатками... Володя хоть и герой, а может и напалить... А иную книжку читаешь, и скучно делается. Изобразят какого-нибудь пай-мальчика или девочку, каких на свете не бывает, наговорят всяких слов, а кто им верит?»

А когда я читаю про Володю Дубинина, я верю: он был таким, как описан у Кассиля. Читаешь, и самому хочется стать таким же смелым и честным...».

«Улица младшего сына» — чудесная книга, — пишет Витя Москалёв. — Детство Володи так описано, что не забудешь. Точно сам всё видел: и Володю, и родню его, и Ваню Гриценко. Читаешь — и тебе понятно, почему Володя рос таким хорошим».

«Лев Кассиль приехал к нам в школу, — вспоминает Юра Глазков. — Мы ждали его с нетерпением... И вот входит — высокий такой, худой. Я его не сразу узнал: на портретах он не похож. Мы стали говорить. Ну, конечно, очень волновались: многие впервые видели настоящего писателя. Но как только он заговорил с нами, все сразу успокоились. Он держался очень просто, по-дружески, и даже повадки у него какие-то мальчишеские... Рассказывает он очень интересно. Мы долго беседовали. Мне кажется, у Кассиля самое лучшее то, что он очень хорошо понимает нас, ребят, прямо с полуслова. Это и в книгах у него чувствуется, а при встрече я в этом ещё больше убедился. По-моему, Кассиль напишет для нас ещё много замечательных книжек».

МАСТЕРСКАЯ

Железная дорога

Н. Митрофанов

На фотографии, которую вы видите здесь, изображена модель железной дороги. Её построили юные техники одного из подмосковных лагерей для малышей, отдыхавших в лагере.

Много радости доставила она ребятам. Целый день они водили поезда, перегружали вагоны, работали у лебёдки подъёмного крана.

Мы даём описание простой модели железной дороги, которую за несколько дней может построить дружный коллектив юных мастеров.

Эту модель юные техники могут усовершенствовать — перевести на электрическую тягу, ввести сигнализацию, проложить вторую колею, устроить механизированные станции. Было бы только желание!

МОТОВОЗ

Какие машины водят поезда на наших железных дорогах? Паровозы, электровозы, тепловозы, мотовозы. Отличаются они друг

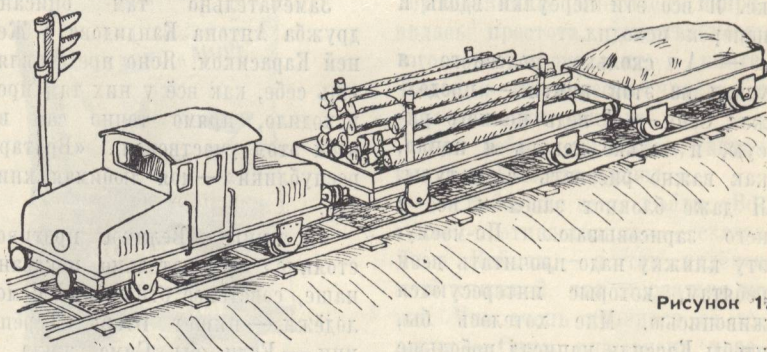

Рисунок 1.

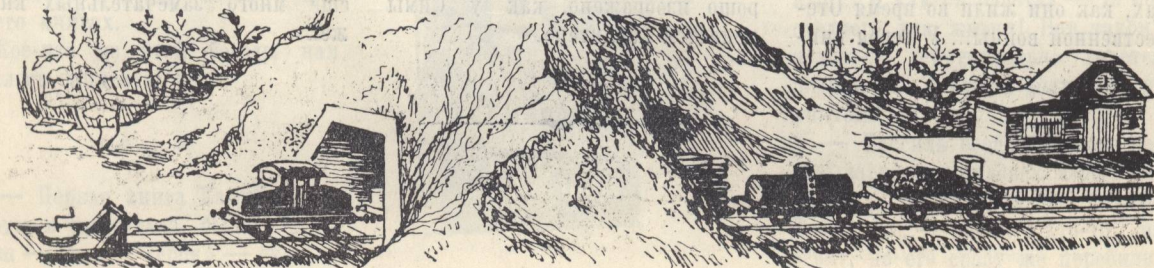
от друга устройством двигателей и видом используемой энергии.

Для нашей лагерной железной дороги мы предлагаем построить модель мотовоза, которую легко превратить в модель электровоза. В мотовозах устанавливается двигатель внутреннего сгорания, как в автомобилях. Но если внутрь корпуса поставить электромотор и сделать передачу к колёсам, то получится модель электровоза. На крыше электровоза обычно

устанавливается приспособление для соединения двигателя с контактным проводом, протянутым над рельсовым путём.

Общий вид модели мотовоза показан на рис. 1. Подробности устройства видны на рис. 2.

Основанием модели служит фанерная площадка (1) размером 12×30 см. По краям площадки прибиты бруски (2, 3), образующие бортики. Сечение брусков 1×2 см.

С внутренней стороны брусков прибиваются фанерные накладки (4). Они служат подшипниками для осей колёс мотовоза. В основании (1) выпиливаются углубления для накладок. Можно накладки-подшипники прибить и с наружной стороны брусков (2), как показано на рис. 1.

Боковые стенки корпуса мотовоза (8) выпиливаются из фанеры по рис. 2. Передняя и задняя стенки кабины (10) тоже фанерные. Крышу (11) и изогнутые стенки (9) сделайте из картона. Все части корпуса склейте между собой столярным клеем или клеем БФ-2.

В передней части корпуса можно сделать прожектор (12) в виде воронки из жести, в которую вставлена лампочка карманного фонарика.

На нижней поверхности основания мотовоза необходимо укрепить зажим для ведущего канатика. Отпилите от бруска сечением 1×2 см кусок длиной в 5 см (13) (рис. 2). Прибейте к его узкой грани две полоски фанеры (14) размером 2×4 см. Полезно между ними в месте крепления проложить полоску тонкого картона: между фанерками остаётся пространство, в которое удобно зажимать ведущий канатик.

Колёса мотовоза выпилите из фанеры. Для каждого колеса надо иметь два кружка диаметром 5 см и один диаметром 7 см. Кружки соединяются вместе с помощью гвоздей или клея. Получается колесо с ребортой, как у железнодорожных вагонов. Оси колёс сделайте из проволоки диаметром 3—4 мм. Оси должны очень плотно входить в отверстия колёс.

В бруски (3) вбейте согнутые из проволоки петельки (6). Они нужны для «прицепки» мотовоза к составу. Для этой цели служат также проволочные крючки, подвешенные к одной из петель мотовоза и вагонов.

Две проволочные скобки (15) с обеих сторон корпуса мотовоза изображают поручни около дверей и лестниц.

Корпус обычно красится в си-

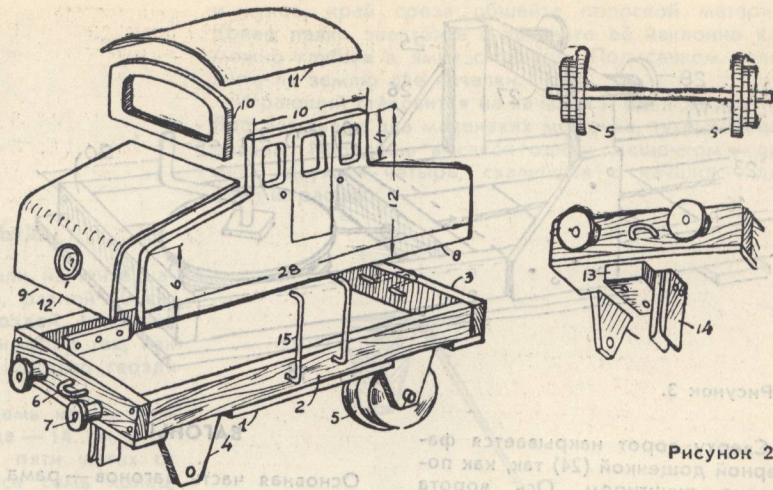

Рисунок 2.

ний или зелёный цвет. На брусках (3) установите буфера (7). Диски буферов выпилите из фанеры. В центре дисков вбейте гвоздики длиной 2,5 см. На гвоздики около дисков с клеем наверхните полоску бумаги шириной в 1 см и такой длины, чтобы получился стержень диаметром в 1 см. Теперь готовый буфер можно приколотить к раме мотовоза.

Готовый, собранный мотовоз надо окрасить масляной краской.

РЕЛЬСОВЫЙ ПУТЬ

Длина нашей железной дороги может быть 30 или даже 50 метров. Это зависит от длины рельсового пути. Рельсами служат бруски длиной от 1 до 2 метров и сечением 1×2 см.

Для шпал напилите фанерные полоски шириной в 3 см и длиной 16 см. На каждый метр пути надо не менее 5 шпал.

Прибивать шпалы к рельсам надо по шаблону. Таким шаблоном может служить отрезок бруска, равный расстоянию между внутренними сторонами рельсов.

Если у мотовоза и вагонов подшипники (4) прибиты с внутренней стороны рамы основания (как на рис. 2.), то расстояние между рельсами будет равно 9 см. Если подшипники прибиты с внешней

стороны рамы (как на рис. 1), то рельсы надо поставить на расстоянии 12 см друг от друга.

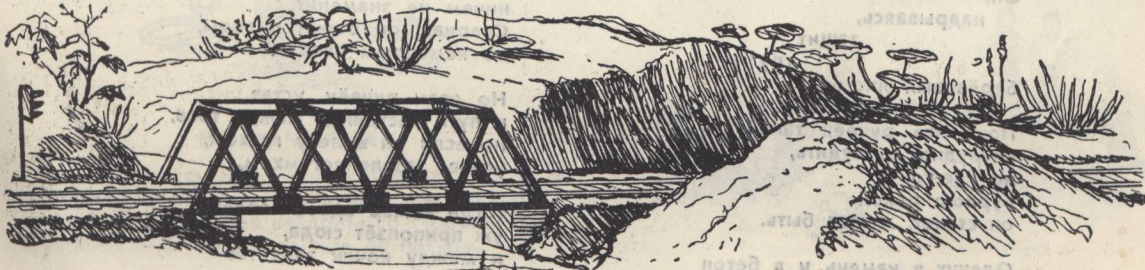
Гвозди надо вбивать со стороны шпал и следить за тем, чтобы концы гвоздей не выходили из рельсов.

При окончательной сборке рельсового пути на полотне дороги надо следить за полным совпадением концов рельсов, иначе поездка будет терпеть крушения. Для этого в месте стыка рельсов прибейте на смежные шпалы стыка фанерные накладки, перекрывающие обе шпалы.

На обоих концах рельсового пути установите приводные станции. Их устройство показано на рис. 3.

Концы рельсового пути (16, 17) прибиваются к фанерной площадке (18). Бруски (19, 20) образуют коробку, внутри которой помещён приводной ворот (21). Вращая ворот за проволочную рукоятку (22), «механик» дороги наматывает на ворот шпагат (23), а шпагат, в свою очередь, тянет по рельсам мотовоз с вагонами.

Ворот состоит из двух фанерных кружков диаметром 8 см, между которыми проложены четыре фанерных кружка диаметром 3 см. Ось (22) пропускается через центры всех кружков, и кружки сбиваются между собою гвоздиками.

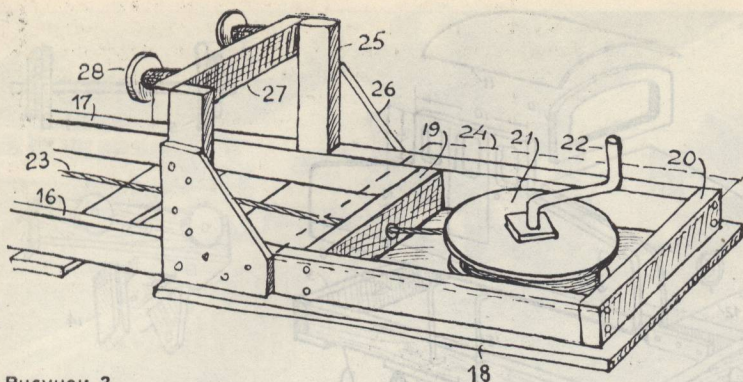

Рисунок 3.

Сверху ворот накрывается фанерной дощечкой (24) так, как показано пунктиром. Ось ворота пропускается через отверстие в этой дощечке.

Приводной канатик (23) нужно сделать из тонкого прочного шпагата или рыболовной лесы. Концы канатика пропускаются через отверстия в бруске (19) и закрепляются на внутренних кружках воротов обеих станций.

Около ворота на рельсах необходимо поставить упоры, какие обычно стоят в железнодорожных тупиках. Сделайте их по рис. 3. Это две стойки (25), прибитые к рельсам накладками (26). К верхней части стоек прибивается поперечный брусок (27) с буферами (28). Высота буферов над рельсами должна быть равна высоте буферов мотовоза и вагонов.

ВАГОНЫ

Основная часть вагонов — рама с подшипниками и колёсами — делается так же, как рама мотовоза (рис. 2 или 1). Если вагон будет использован для перевозки брёвен (сучков), то к боковым брускам рамы прибиваются стойки (рис. 1). Вагон для перевозки сыпучих тел надо сделать с бортиками из фанеры.

СООРУЖЕНИЕ ДОРОГИ

Строителям железных дорог не страшны препятствия: встретится на пути гора — они пробурывают её, построят туннель. Через бурные реки построят мосты, через болота — насыпи. Сделайте и вы у себя эти сооружения. Если горы нет, насыпьте её из песка, посадите на

горе «лес» из мха, а туннель сделать нетрудно. На рис. 4 показано его устройство. Это две фанерные части (1), которые ставятся в начале и конце туннеля, к ним с помощью брусков прибиваются фанерные стенки (2) и потолок (3) туннеля. Всё это засыпается землёй или песком.

Выройте поперёк дороги небольшой ров, обмажьте глиной его стенки и дно, налейте воды — вот и река готова. Через неё можно перебросить мост. Сделав мост можно из деревянных брусков, соединив их фанерными накладками. Описание техники такой работы дано в № 5 «Пионера» за этот год.

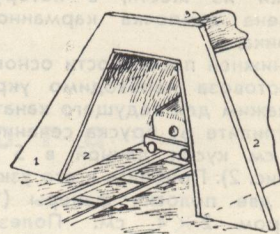

Рисунок 4.

На конечных пунктах дороги надо построить здания станций, а возле них подъёмные перегрузочные краны. Описание постройки таких машин дано в № 2 нашего журнала за 1952 год.

РУЧЕЙ

Юрий Коринец

Ручей прохладный до поры ничем не знаменит. Сверкая, он бежит с горы, по камешкам звенит.

Вода приятна в нём на вкус, он светел, неглубок. Он,

надрываясь, тащит груз — берёзовый листок.

Пока что ручеек такой нетрудно запрудить, но где-то бурною рекой он станет, может быть.

Оденут в камень и в бетон бушующий поток.

Турбины будет двигать он, давать электроток.

Он даже морем может стать от этих мест вдали. Он будет на волнах качать большие корабли.

Ручей прохладный до поры ничем не знаменит. Сверкая, он бежит с горы, по камешкам звенит.

Но если ручеек, устав, в пути застрянет между трав, но если он в лесу глухом, уснув, зазеленеет мхом,

тогда комар здесь запоёт, уж приползёт сюда, и между кочек зацветёт стоячая вода.

В ЧАСЫ ДОСУГА

ИЗ СТА ВОЗМОЖНЫХ

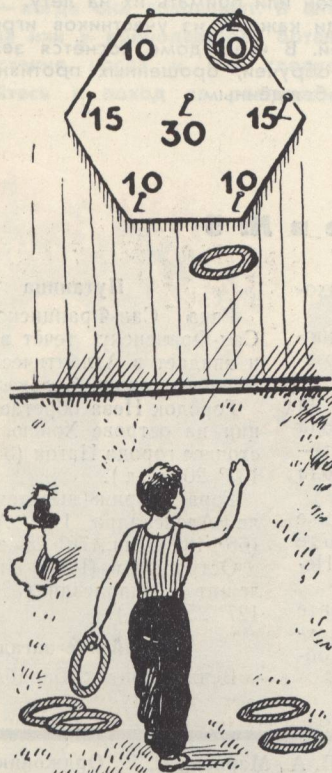
На дощатых воротах, на заборе или на щите начертите шестиугольник со стороной, равной 50 см. Внутри его вбейте семь больших гвоздей, наклонив их немного вверх и расположив примерно так, как показано на рисунке внизу. Около каждого гвоздя напишите число. Это будет мишень.

Из фанеры выпилите лобзиком семь колец диаметром в 20 см, отверстие в кольце — 14 см.

Играющий становится на черту в пяти шагах от мишени. Он бросает по одному все семь колец, стараясь каждое из них накинуть на гвоздь. При падении всякий раз засчитывается количество очков, равное числу, написанному около гвоздя.

Выигрывает тот, кто наберёт больше очков.

Тот, кто накинёт по одному кольцу на каждый гвоздь мишени и наберёт сто очков из ста возможных, получает звание снайпера. Но такого результата можно добиться упорной тренировки.

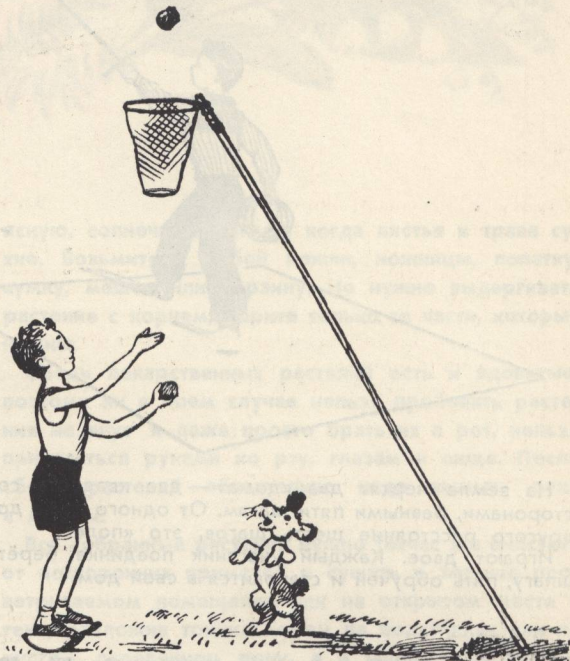
НА КАЧАЛКАХ

Отпилите от круглого полена кусок длиной 25 см., расколите его пополам и получите две качалки.

Выройте ямку в виде квадрата со стороной 50 см, глубиной 75—80 см и засыпьте её песком.

Отрежьте конец у сачка, которым ловят бабочек и жуков, край среза обейте полоской материи. Конец палки заострите и воткните её наклонно как можно глубже в ямку с песком. Под сачком положите на землю две качалки.

Играющий становится на качалки и один за другим бросает вверх два маленьких мешочка, туго набитых песком. Попадёшь в сачок одним мешочком — два очка, двумя — четыре, свалишься с качалок — два очка штрафных.

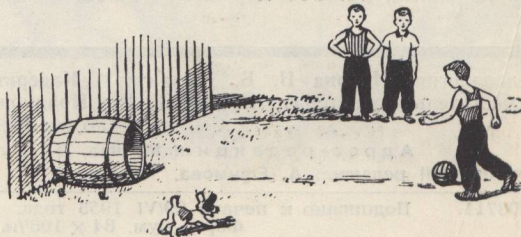

Выигрывает тот, кто первый наберёт десять очков. Рост играющих разный, поэтому для каждого изменяют наклон палки так, чтобы расстояние между головой играющего и сачком было всегда одинаковое, примерно в метр.

ФУТБОЛЬНЫЙ ТИР

Положите старую ненужную бочку, ящик или корзину на бок, дном вплотную к забору или к глухой стене. Вбейте в землю колышки и двумя веревками прикрепите бочку к земле. Футбольный тир готов.

Против бочки, шагах в десяти — двенадцати от неё, проведите черту. Участник игры кладёт на черту футбольный мяч и, разбежавшись, бьёт по нему ногой. Удар надо рассчитать так, чтобы мяч попал в отверстие бочки. Удастся это сделать — выиграешь одно очко. Промахнёшься по мячу — с твоего счёта долой два очка, не докатится мяч до бочки — потеряешь очко. Победитель должен набрать пять очков.

ОБРУЧИ

Для игры надо сделать десять «обручей» и две «шпаги». Обручи гнут из тонких сырых прутьев длиной по 70 см. Концы прута связывают крепкой ниткой. Шпага — это палка длиной в 65—70 см, к которой бечёвкой крест-накрест привязана тонкая поперечина.

На земле чертят два «дома» — два квадрата со сторонами, равными пяти шагам. От одного дома до другого расстояние шесть шагов, это «поле».

Играют двое. Каждый участник поединка берёт шпагу, пять обручей и становится в свой дом.

Тот, кто начинает игру, бросает со шпаги по одному все свои обручи с таким расчётом, чтобы они, падая, коснулись земли в доме противника. Другой игрок, не выходя из своего дома, старается отбить обручи шпагой или поймать их на лету.

По очереди каждый из участников игры бросает пять обручей. В чьём доме коснётся земли большее число обручей, брошенных противником, тот считается побеждённым.

О Т В Е Т Ы

на задачи, помещённые в № 5

Фотозагадки

Вы помните две фотографии, которые были присланы в редакцию без подписей? Вы догадались, что на них изображено?

Это чешуйка с крыла бабочки и кончик её хоботка под микроскопом.

Отыщите ли вы на карте?

Реки Левая Мама, Правая Мама и просто Мама текут в Сибири. Река Мама впадает в реку Витим. Ищите их у пересечения 58-й параллели и 112-го меридиа-

на. Населённый пункт Мама находится в устье реки Мама.

Населённый пункт Папа расположен в Венгрии, к северу от озера Балатон.

Станция Дочь находится на Украине, северо-западнее города Бахмач. А город Сын-Миклауш — в Румынии, юго-западнее города Яссы.

Местечко Малая Девица тоже находится на Украине, вы найдёте его примерно на полпути от Нежина к Прилукам.

Вы легко найдёте на карте две реки Сестры: одну в Московской, другую в Ленинградской области.

Путаница

Река Сан-Франциско, точнее Сан-Франциску, течёт в Бразилии и впадает в Атлантический океан севернее города Сальвадор.

Городок Нева обретается в Японии на острове Хонсю, северо-восточнее города Нагоя (35° 25' с. ш., 137° 20' в. д.).

Гора Париж высится на Земле Александра I в Антарктике (68° 48' ю. ш., 70° 25' з. д.).

Остров Рим (Рома или Романг) лежит в Индонезии (7° 34' ю. ш., 127° 25' в. д.).

Китайские загадки

Веник. Зонтик. Барабан.

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Маркова С. Е., Орджоникидзе В. Н. (заместитель редактора), Орлов В. И., Поддубная В. А. (ответственный секретарь), Прилежаева М. П., Сотник Ю. В., Шмаринов Д. А.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

Технический редактор А. Ефимова.

Рукописи не возвращаются.

А 03711.

Подписано к печати 29/VI 1955 года.

Тираж 300 000 экз.

Изд. № 530.

Заказ № 1521.

Форм. бум. 84 × 108/16. Бум. листов 2,62. Печ. л. 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Собирайте лекарственные растения

Сбор лекарственных растений — нужное и интересное дело. И пионеры с давних пор были в этом хорошими помощниками.

Как, когда и какие растения собирать?

Почки, кору молодых ветвей и стволов надо заготавливать ранней весной; много их можно найти в пунктах лесоразработок на обрубленных ветках. Цветы и травы собирают летом, до сенокоса; корневища и корни — осенью или ранней весной; плоды и ягоды — когда они созревают. В аптеке, у местного врача или у преподавателя ботаники узнайте, какие растения, когда и как следует собирать. Отправляйтесь в поход за растениями только в

ясную, солнечную погоду, когда листья и трава сухие. Возьмите с собой ножик, ножницы, лопатку, сумку, мешок или корзину. Не нужно выдергивать растение с корнем, берите только те части, которые нужны.

Среди лекарственных растений есть и ядовитые, поэтому ни в коем случае нельзя пробовать растения на вкус и даже просто брать их в рот, нельзя прикасаться руками ко рту, глазам и пище. После сбора растений обязательно надо вымыть руки с мылом.

Все собранные растения нужно тотчас же очистить от посторонних примесей и сушить в хорошо проветриваемом помещении или на открытом месте в тени, разложив тонким слоем на подстилках или на чистом деревянном полу, а в школе — на партах. Не смешивайте разные виды лекарственных растений, отделите душистые растения.

Высушенные лекарственные растения надо сдавать в аптеку, аптечный пункт или местному фельдшеру.

*Центральный институт санитарного просвещения
Министерства здравоохранения СССР*

Цена 2 р. 50 к.

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД ЦЕРКОВЬЮ С. ДЖОВАННИ Э ПАОЛО В ВЕНЕЦИИ.

Джованни Антонио Каналетто (1697—1768).

ЗАВТРАК С ЕЖЕВИЧНЫМ ПИРОГОМ.

Виллем Клас Геда (1594—1682).